

ISSN 2499-9997

Научный журнал

2022
№ 2

UNIVERSUM HUMANITARIUM

Основан в апреле 2015 года

UNIVERSUM HUMANITARIUM
2022. № 1

Научный журнал
Выходит 2 раза в год

Главный редактор

Кривошапкин Андрей Иннокентьевич – член-корреспондент РАН, профессор РАН, доктор исторических наук, директор Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Заместитель редактора

Крадин Николай Николаевич – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия

Редакционная коллегия

Молодин Вячеслав Иванович – академик РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Лбова Людмила Валентиновна – доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Головко Никита Владимирович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры онтологии, теории познания и методологии науки Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Демидчик Аркадий Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Октябрьская Ирина Вячеславовна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Кошкарева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего и русского языкознания Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Хьюг Плиссон – доктор наук, исследователь Национального центра научных исследований, координатор совместной международной российско-французской лаборатории АРТЕМИР, Ле Бюг, Франция

Сукбэ Чжун – доктор наук, профессор кафедры археологии Корейского национального университета культурного наследия, Пуё, Южная Корея

Инук Кан – доктор наук, профессор Университета Кён Хи, Сеул, Южная Корея

Хирофуми Като – доктор наук, профессор Университета Хоккайдо, Саппоро, Япония

Джон Олсен – доктор наук, профессор Университета Аризона, Тусон, США

Габриэлла Импости – доктор наук, профессор русской литературы, заведующая отделением русского языка и литературы Болонского университета, Болони, Италия

Бенсе Виола – доктор наук, доцент Университета Торонто, Онтарио, Канада

Франко Занини – доктор наук, исследователь Лаборатории ELETTRA, Триеста, Италия

ПРОЕКТ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ
ВЕДУЩИХ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ
СРЕДИ ВЕДУЩИХ МИРОВЫХ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ

Редактор А. Ю. Борисенко
Макет Е. А. Штри

Содержание

Воспоминания

<i>Бобров Л. А., Борисенко А. Ю.</i> Творческий путь в науке (Памяти Юлия Сергеевича Худякова)	8
<i>Табалдыев К. Ш.</i> Мой учитель	25

Исследования

<i>Бобров Л. А., Байтенова С. О., Настич В. Н.</i> Еще раз о шлеме с золотой насечкой из собрания Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея	44
<i>Илюшин Б. А.</i> Наконечники рогатин и пик из собрания Нижегородского историко-архитектурного музея заповедника	66
<i>Пастухов А. М.</i> Свиток «Цзингьин бинцзи» как источник по костюму и вооружению эпохи Цин	85
<i>Пастухов А. М.</i> Анализ портретов свитка «Цзингьин бинцзи» с точки зрения оружейведения и костюмологии	99
<i>Скобелев С. Г.</i> Древнетюркская богиня плодородия Умай: гора и храм на Енисее	143
<i>Минор О. В., Петренко А. Л.</i> К вопросу о возможности боевого использования чеканов сарагашенского этапа тагарской культуры	153
<i>Измайлов И. Л.</i> Военно-служилое сословие и становление государства в Волжской Булгарии VIII–X вв.	164
<i>Ахметжан К. С.</i> Казахский садак (терминология, типология, способы ношения)	198
<i>Алланиязов Т. К.</i> Военное дело кочевников Казахстана в литературе 1920 – 1960-х гг.	228
<i>Акматов К. Т., Табалдыев К. Ш., Белек К.</i> Новые находки предметов конского снаряжения тюркского времени из Кыргызстана	252

От редакции

Поводом для этого выпуска стало печальное событие. В декабре 2021 г. не стало выдающегося российского ученого, специалиста в области оружиеведения, д.и.н., профессора, Юлия Сергеевича Худякова. Ученики и коллеги своим участием в этом номере журнала «Universum Humanitarium» выражают ему глубокое и искреннее признание и благодарность за его многолетний труд.

Юлий Сергеевич был абсолютно предан своему делу, щедро делился своими знаниями и опытом, о чем свидетельствует богатая библиография его трудов, состоящая из более 1500 публикаций, и многочисленные ученики не только в России, но других странах.

Разработанные им принципы анализа и систематизации комплекса вооружения средневековых номадов и сегодня остаются актуальными и применяются его учениками в своих исследованиях. Признание заслуг выразилось в его членстве в экспертных советах ведущих научных фондов России и почетном членстве зарубежных Академий наук.

С одинаковым уважением к нему относились на ведущих научных форумах и в маленьких школьных музеях Кыргызстана, где его книги входили в постоянные экспозиции.

Заинтересовавшись древней историей в детстве, Юлий Сергеевич с готовностью откликался на встречи со школьниками, на которых рассказывал об истории средневекового кочевнического оружия Центральной Азии. Юлий Сергеевич был убежден, что необходимо знакомить широкую общественность с научными достижениями и поддерживал научно-популярные проекты по оружиеведению.

С глубоким уважением к памяти выдающегося ученого,

Редакция журнала «Universum Humanitarium»

Воспоминания

Творческий путь в науке (Памяти Юлия Сергеевича Худякова)

Л. А. Бобров, А. Ю. Борисенко

*Новосибирский государственный университет
Ул. Пирогова, 1, г. Новосибирск, Россия, 630090*

Аннотация

В статье рассмотрена научная биография выдающегося советского и российского археолога и оружейоведа Юлия Сергеевича Худякова. Выделены основные этапы научной карьеры ученого, установлены ключевые направления его исследований в сфере изучения военно-культурного наследия кочевников Центральной Азии и Южной Сибири эпохи Древности, Средневековья и раннего Нового времени. Проанализирован вклад Ю. С. Худякова в развитие отечественного оружейоведения в целом и в разработку теоретических основ изучения военного дела кочевников в частности. Выдвинут тезис о существовании особой «сибирской» оружейоведческой школы, основателем и лидером которой может по праву считаться Ю. С. Худяков. Установлено, что отличительной особенностью исследований представителей данной научной школы является применение разработанной Ю. С. Худяковым комплексной аналитической модели изучения военного дела кочевых этносов и культур и соответствующих данной модели принципов классификации предметов вооружения.

Ключевые слова

археология, оружейоведение, сибирская оружейоведческая школа, Худяков Юлий Сергеевич.

Для цитирования

*Бобров Л. А., Борисенко А. Ю. Творческий путь в науке (Памяти Юлия Сергеевича Худякова) // Universum Humanitarium. 2022. № 1. С. 8–24
DOI 10.25205/2499-9997-2022-1-8-24*

Creative path in science (In memory of Yuliy Sergeyevich Khudyakov)

L.A. Bobrov, A.Yu. Borisenko

*Novosibirsk State University
Pirogova str., 1, Novosibirsk, Russia 630090
spsml@mail.ru
aborisenko2@mail.ru*

Abstract

The article examines the scientific biography of the outstanding Soviet and Russian archaeologist and weapons scientist Yuliy Sergeyevich Khudyakov. The main stages of the scientist's scientific career are highlighted, the key directions of his research in the field of studying the military and cultural heritage of the nomads of Central Asia and Southern Siberia of the Ancient, Medieval and early Modern times are identified. The contribution of Y. S. Khudyakov to the development of domestic weapons science in general and to the development of theoretical foundations for the study of nomads' military affairs in particular is analyzed. The thesis is put forward about the existence of a special "Siberian" school of weapons studies, the founder and leader of which can rightfully be considered Yu. S. Khudyakov. It is established that a distinctive feature of the research of representatives of this scientific school is the application of the complex analytical model of the study of military affairs of nomadic ethnic groups and cultures developed by Yu. S. Khudyakov and the principles of classification of weapons corresponding to this model.

Keywords

Archeology, weapons studies, Siberian school of weapons studies, Khudyakov Yuliy Sergeyevich.

For citation

*Bobrov L. A., Borisenko A. Yu. Creative path in science (In memory of Yuliy Sergeyevich Khudyakov) // Universum Humanitarium. 2022. № 1. P. 8–24
DOI 10.25205/2499-9997-2022-1-8-24*

Юлий Сергеевич Худяков (8 декабря 1947 – 24 декабря 2021) – выдающийся советский и российский археолог-оружиевед, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (СО РАН), преподаватель Новосибирского государственного

университета (НГУ). Наряду с А. Ф. Медведевым, А. Н. Кирпичниковым, М. В. Гореликом он может быть отнесен к числу основателей современного отечественного средневекового оружиеведения (рис. 1).

Рис. 1. Худяков Юлий Сергеевич
Fig. 1 Khudjakov Yulij Sergeevich

Отмечая вклад Ю. С. Худякова в работу коллектива Института археологии и этнографии СО РАН, академик В. И. Молодин писал в 2007 г.: «...не будет преувеличением сказать, что в нынешнем виде оружиеведение в этом ведущем научном учреждении, да и в значительной степени и в Сибирском регионе, получило многоплановое развитие благодаря Юлию Сергеевичу Худякову... Прежде всего следует подчеркнуть факт высочайшей методической квалификации исследователя, его способность проводить блестящие типологии вооружения в целом, а также осуществлять глубокий анализ морфологии различных видов и конкретных предметов наступательного и защитного вооружения. В этой сфере изучения им были разработаны типологические матрицы для разных видов вооружения, как оборонительного, так и наступательного, как дальнего, так и ближнего боя, относящегося как к раннему железу, так и раннему, развитому и позднему средневековью. Типологические построения сопровождались детальным анализом эволюции, форм всех видов вооружения, скрупулезным подбором круга аналогий» [Молодин, 2007. С. 6].

Научное наследие Ю. С. Худякова включает 36 монографий, разделов в коллективных монографиях, учебных пособий и популярных книг, более 1400 научных и научно-популярных статей, из которых более 100 в рецензируемых журналах и зарубежных изданиях, опубликованных в Азербайджане, Германии, Венгрии, Польше, США, Китае, Монголии, Южной Корее, Казахстане, Кыргызстане, Туркмени, Турции и других странах (рис. 2).

Рассмотреть все аспекты научной деятельности исследователя в рамках небольшой публикации не представляется возможным. По данной причине в настоящей работе кратко остановимся на основных этапах жизненного пути Ю. С. Худякова и, на основе анализа его публикаций 1971–2017 гг., выделим ключевые направления научных исследований в сфере изучения военно-культурного наследия номадов Центральной Азии и Южной Сибири.

Ученый родился 8 декабря 1947 г. в с. Медвежка Кемеровской области в семье геолога Сергея Алексеевича Худякова (1919–1984) и уроженки США художницы Ирмы Юльевны Геккер. Дед Юлия Худякова по материнской линии – Юлий Геккер (1881–1938) в юности участвовал в революционной деятельности и был вынужден покинуть Россию, опасаясь преследования царских властей. Впоследствии он стал известным философом и вместе с семьей вернулся в СССР по приглашению первого наркома просвещения РСФСР А. В. Луначарского.

Уже во время учебы в средней школе Юлий Худяков проявил интерес к археологии и истории народов Евразии, а также древнему ору-

Рис. 2. Основные научные труды Ю. С. Худякова
 Fig. 2. The main scientific works of Yu. S. Khudyakov

жию и доспехам. Этому весьма поспособствовало знакомство юного исследователя с археологическими трудами С. И. Руденко, историческими картинами В. М. Васнецова, В. В. Верещагина, иллюстрациями И. Я. Билибина, а также художественными произведениями В. Г. Яна [Борисенко, Скобелев, 2007. С. 26].

После окончания школы, работы в геологической экспедиции и службы в рядах советской армии Ю. С. Худяков в 1969 г. поступает на гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета. Знакомство с учеными-археологами НГУ способствует росту его интереса к археологической и военно-исторической проблематике. Учась на третьем курсе, Ю. С. Худяков публикует свою первую научную статью, посвященную военной организации кочевников Центральной Азии. Талантливый и усидчивый студент привлекает внимание заслуженных исследователей, преподающих в вузе. Так, в частности, научным руководителем дипломной работы Ю. С. Худякова становится выдающийся ученый-археолог и будущий академик РАН А. П. Деревянко [Там же. С. 26, 27].

За годы учебы в НГУ Юлий Худяков участвует в археологических экспедициях в Горный Алтай, Приамурье, Туву, Таджикистан, Памир и др. (рис. 3). Прослушав лекцию В. Л. Янина о раскопках в Новгороде, он в 1972 г. присоединяется к Новгородской экспедиции, где знакомится со своей будущей женой – Олей Коршуновой [Там же. С. 27].

С 1975 г. Ю. С. Худяков возглавил Южносибирский отряд Института археологии и этнографии СО РАН, который в разные годы работал в Хакасии, Красноярском крае, Туве, Горном Алтае. В ходе раскопок в Минусинской котловине в 1975–1988 гг. Ю. С. Худяковым было обнаружено большое количество предметов вооружения енисейских кыргызов. Детальный анализ данных находок подтолкнул молодого исследователя к созданию универсальной модели оружиеведческого исследования в области археологии (см. ниже).

В последующие годы Ю. С. Худяков продолжает принимать активное участие в археологических экспедициях, проводимых как на территории Южной Сибири, так и в Средней Азии, Монголии и Китае.

В 1977 г. (в 30 лет) Ю. С. Худяков защитил кандидатскую, а в 1988 г. (в 41 год) – докторскую диссертацию. Научным руководителем кандидатской диссертации Ю. С. Худякова являлся всемирно известный советский археолог академик А. П. Окладников, а после его кончины – А. П. Деревянко. В разное время исследователь познакомился со многими другими известными советскими учеными: М. И. Артамоновым, М. П. Грязновым, А. Д. Грачом, Л. Н. Гумилевым и др. Много-

*Рис. 3. В 2016 г. Ю.С. Худяков был награжден орденом
Данакер Республики Кыргызстан*
*Fig. 3. In 2016, Y.S. Khudyakov was awarded the Order of Danaker
of the Republic of Kyrgyzstan*

летняя дружба связывала Ю. С. Худякова со знаменитым оружиеведом и искусствоведом М. В. Гореликом (1946–2015).

С 1977 г. Ю. С. Худяков преподавал различные курсы по археологии в Новосибирском государственном университете. В разные годы он также читал лекции в Горно-Алтайском, Хакасском, Бурятском университетах, в Читинском педагогическом институте, в Евразийском университете им. Л. Н. Гумилева (г. Астана, Республика Казахстан), Бишкекском гуманитарном университете (г. Бишкек, Республика Кыргызстан), Кыргызском национальном университете (г. Бишкек, Республика Кыргызстан), Кыргызско-Турецком университете «Манас» (г. Бишкек, Республика Кыргызстан) и др. На протяжении многих лет Ю. С. Худяков возглавлял кафедру археологии и этнографии НГУ. За это время им были подготовлены 16 докторов и кандидатов наук, более 70 магистров и дипломированных специалистов по археологии.

С 1994 г. Ю. С. Худяков являлся бессменным членом диссертационного совета по историческим наукам в Алтайском государственном университете, в котором под его руководством были защищены шесть диссертаций, в том числе две кандидатские и одна докторская диссертация по оружиеведческой и военно-исторической тематике (Бобров, Горбунов, Тишкин, 2017. С. 110, 111).

В 1990 г. вместе с учеными из более чем 20 стран мира Ю. С. Худяков принимал участие в Международной экспедиции ЮНЕСКО «Шелковый путь». Участники этого значимого форума имели возможность ознакомиться с коллекциями музеев Северо-Западного Китая, многие из которых до этого никогда не публиковались [Худяков, 2002].

Научные заслуги Ю. С. Худякова были высоко оценены в Кыргызстане, Монголии, России и других странах. Так, в частности, в Кыргызстане он был избран почетным иностранным членом Национальной Академии наук, стал заслуженным деятелем науки, почетным профессором Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына и Института восточных языков и культур, лауреатом премий им. акад. А. Алтымышбаева и член-корр. А. Табалдиева. Решением президента Кыргызской Республики исследователь был награжден орденом «Манас» III степени и орденом «Данакер» (рис. 3). В Монголии Ю. С. Худяков был избран член-корреспондентом Института кочевых цивилизаций ЮНЕСКО и почетным доктором Института археологии Монгольской Академии наук. В течение ряда лет Ю. С. Худяков избирался вице-президентом Общества востоковедов России.

Несмотря на длинный список заслуг, почетных званий, орденов, титулов и признания коллег из многих институтов и стран Юлий

Сергеевич оставался невероятно скромным и тактичным человеком, всегда готовым помочь советом. Он одинаково уважительно поддерживал разговор с главами государств и пожилыми аксакалами в кыргызском поселке. Не удивительно, что он был всегда желанным почетным гостем и на международных научных мероприятиях, и в скромном сельском музее центральноазиатской глубинки.

Научное наследие Ю. С. Худякова исключительно богато и разнообразно. Наряду с собственно археологическими публикациями исследователем были подготовлены статьи и монографии по исторической, этнографической, искусствоведческой тематике. Однако не будет большим преувеличением сказать, что наибольшую известность ученому принесли его оружейведческие работы. Некоторые из данных исследований очень быстро стали классическими и вошли в состав «золотого фонда» отечественного оружейведения.

Подавляющее большинство профильных научных работ Ю. С. Худякова носит комплексный характер. Тем не менее, с некоторой долей условности, представляется возможным выделить три основных направления научных исследований ученого в сфере изучения военно-культурного наследия народов восточной части Великой степи.

Сбор, систематизация и типологический анализ предметов наступательного и защитного вооружения населения Центральной Азии и Южной Сибири эпохи Древности, Средневековья и раннего Нового времени.

Изучение военного дела (комплекса вооружения, тактики, военной организации) кочевых народов Евразии, а также его эволюции на протяжении указанного исторического периода.

Разработка теоретических основ изучения военного дела кочевников Евразии.

Одной из важнейших заслуг Ю. С. Худякова перед отечественной и мировой исторической наукой следует считать формирование уникальной базы данных по вооружению кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. В общей сложности Ю. С. Худяковым были проанализированы более 30 тыс. экз. наступательного и защитного вооружения, принадлежавшихномадам эпохи Древности, Средневековья и раннего Нового времени (Бобров, 2017. С. 144). В числе прочих предметов исследователем были введены в научный оборот эталонные образцы наступательного и защитного вооружения, позволяющие надежно датировать и атрибутировать оружие и доспехи, происходящие из числа случайных находок, а также старых музейных и частных собраний. Во многом благодаря работам Ю. С. Худякова предметы вооружения стали все чаще привлекаться археологами

для датировки и атрибуции археологических памятников номадов. В настоящее время, согласно академику В. И. Молодину: «Именно оружейный набор, динамично изменяющийся во времени и в пространстве, может являться надежным индикатором относительной, а порой и абсолютной, хронологии изучаемых археологических комплексов» [Молодин, 2007. С. 5].

На основе комплексного анализа вещественных (в первую очередь археологических), изобразительных и письменных источников Ю. С. Худяковым были реконструированы особенности вооружения, тактики и военной организации различных кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии. В результате удалось впервые в отечественной и мировой историографии проследить единую линию эволюции военного дела центральноазиатских и южносибирских номадов с эпохи Древности до периодов позднего Средневековья и раннего Нового времени. Так, в частности, Ю. С. Худяковым были изучены вооружение и военное дело енисейских кыргызов, хуннов, древних тюрков, сяньбийцев, уйгуров, киданей, кипчаков, монголов и других народов региона [Худяков, 1980; 1986; 1991; 1997; Бобров, Худяков, 2008; Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011]. При этом выводы, сделанные ученым в 80–90-х гг. XX в., получили подтверждения в научных исследованиях последующих десятилетий и сохранили свою актуальность вплоть до настоящего времени.

Не меньшее значение имеет и вклад Ю. С. Худякова в теорию отечественного оружиеведения. На основе анализа и систематизации предметов вооружения енисейских кыргызов ученым была разработана комплексная аналитическая модель исследования военного дела кочевых этносов и культур, которая включала сбор и систематизацию предметов вооружения из памятников изучаемой культуры, типологическую классификацию видов оружия, сведение их в единый комплекс боевых средств, реконструкцию структуры военной организации и военного искусства в целом [Худяков, 1980]. В последующие годы на основе данной модели была намечена и реализована программа изучения вооружения и военного искусства хуннов, кочевников Саяно-Алтая, древних тюрков, уйгуров, кимаков, курыкан, байырку, шивэй, киданей, кипчаков, монголов и др. [Худяков, 1986; 1991; 1997]. Рассматриваемая модель успешно прошла проверку временем. Вот уже более 40 лет она активно используется археологами, военными историками и оружиеведами России, а также стран Ближнего и Дальнего Зарубежья. Широкое признание ученых получили и принципы классификации предметов наступательного и защитного вооружения номадов, предложенные Ю. С. Худяковым [Худяков, 2007].

С именем Ю. С. Худякова связаны и первые этапы становления предметной (экспериментальной) научно-исторической реконструкции комплексов вооружения и одежды средневековых номадов Южной Сибири и Центральной Азии [Бобров, Худяков, Филиппович, 2015]. В настоящее время предметная научно-историческая реконструкция является важным и перспективным направлением современных археологических исследований. На основании детального анализа предметов материальной культуры из археологических памятников ученые изготавливают их точные копии из аутентичных материалов (железа, бронзы, кожи и т.д.). Подобные реконструкции становятся объектом специальных научных экспериментов, в ходе которых исследователи восстанавливают древние и средневековые производственные технологии, уточняют особенности использования тех или иных предметов материальной культуры и т.д. В рамках реализации научно-исторического проекта «С сибирским воином через века» было выполнено более тридцати предметных научно-исторических реконструкций комплексов вооружения и одежды хуннских и сяньбийских воинов II–III вв., древнетюркских латников VI–VIII вв., чжурчжэньских воинов XII–XIII вв., монгольских панцирников XIII–XIV вв., сибирско-татарских воинов, русских казаков и стрельцов XVI–XVII вв. и др. (рис. 4; 5). В настоящее время работы ученых НГУ экспонируются в университетах и музейных собраниях России, Казахстана, Монголии, Китая и других стран. Результаты профильных исследований новосибирских оружейников получили высокую оценку специалистов как на региональном, так и на федеральном уровне [Там же].

Наряду с разработкой метода предметной научно-исторической реконструкции, Ю. С. Худяковым были сформулированы принципы изучения функциональных свойств предметов древнего и средневекового оружия с помощью современных методов естественных наук. Так, в частности, на основе мультидисциплинарного подхода научным коллективом во главе с Ю. С. Худяковым были изучены баллистические свойства и боевой функционал наконечников стрел кочевников [Ведерников, Худяков, Омелаев, 1995]. При этом «...результаты изучения исторического опыта наших далеких предков были использованы нынешними учеными-баллистами для выработки наиболее оптимальных форм современных проникателей, предназначенных для поражения защищенных различными видами брони наземных и воздушных целей. Подобного рода деятельность убедительно показала способность такой дисциплины гуманитарного профиля, как археология, внести свой вклад в развитие современного производства,

Рис. 4. Презентация реконструкции комплекса вооружения древнетюркского воина в 2014 г. Слева направо: зав. Лаборатории ЛГИ НГУ С. Г. Скобелев, профессор Ю. С. Худяков, ректор НГУ и академик РАН М. П. Федорук, д.и.н. Л. А. Бобров, гл. инженер проекта Ю. А. Филиппович.

Fig. 4. Presentation of the reconstruction of the ancient Turkic warrior's armament complex in 2014. From left to right: Head of Laboratory of Humanitarian Research NSU S. G. Skobelev, Professor Yu. S. Khudyakov, Rector of NSU and Academician of the Russian Academy of Sciences M. P. Fedoruk, Doctor of I.N. L. A. Bobrov, Chief engineer of the project Yu. A. Filippovich.

Рис. 5. реконструкция комплекса вооружения древнетюркского воина, 2014 г.
Fig. 5. Reconstruction of the armament complex of the ancient Turkic warrior, 2014

в частности, направленного на укрепление обороноспособности нашей страны» [Молодин, 2007. С. 8].

Важным направлением деятельности исследователя являлась популяризация достижений современной археологической науки как через общение с представителями средств массовой информации (рис. 5), так и через реализацию научно-образовательных проектов. Так, например, в рамках программы «С сибирским воином через века» Ю. С. Худяков и его ученики проводили открытые лекции и семинары для школьников сельских районов Новосибирской области. В ходе подобных мероприятий их участники имели возможность не только ознакомиться с военной историей сибиряков различных исторических эпох, но и примерить точные копии их боевых и парадных доспехов (рис. 6; 7).

«Нет сомнения, что археологическое оружиеведение Сибири, получившее столь мощный импульс развития благодаря неустанной и чрезвычайно плодотворной деятельности профессора Ю. С. Худякова, будет и далее крепнуть и совершенствоваться, находя новых сторонников в среде молодой научной смены» [Молодин, 2007. С. 10].

Рис. 6. Ю. С. Худяков проводит открытую лекцию для школьников Маслянинского района Новосибирской области

Fig. 6. Y. S. Khudyakov holds an open lecture for schoolchildren of the Maslyaninsky district of the Novosibirsk region

Эти слова академика В. И. Молодина, сказанные в 2007 г., оказались во многом пророческими. На протяжении последних десяти лет интерес молодого поколения ученых России и стран СНГ к военно-культурному наследию номадов Центральной Азии и Южной Сибири только возрастал. Немалую роль в данном процессе играет и научная деятельность Юлия Сергеевича Худякова. Тираж книг исследователя перевалил за несколько сотен тысяч экземпляров, а интернет-ролики, построенные на материалах его произведений, набирают многие миллионы просмотров.

Однако не меньшее значение имеет тот факт, что с каждым годом все больше российских и иностранных ученых берут «на вооружение» детально разработанные и многократно апробированные Ю. С. Худяковым принципы изучения оружейного наследия народов Евразии. В связи с этим не будет большим преувеличением сказать, что Ю. С. Худяков стал основателем самостоятельной «сибирской» школы российского оружейведения, которая в настоящий момент насчитывает более трех десятков исследователей, имеющих ученую степень докторов и кандидатов исторических наук. Отличительной особенностью представителей данной научной школы является применение разработанной Ю. С. Худяковым комплексной аналитической модели исследования военного дела кочевых этносов и культур и соответствующих данной модели принципов классификации предметов вооружения. При этом представители «сибирской» оружейведческой школы продолжают трудиться не только на территории собственно Сибирского региона (Новосибирск, Барнаул, Томск, Кемерово и др.), но также в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Улан-Удэ, Владивостоке и даже за пределами нашей страны – в Казахстане, Кыргызстане, Монголии и других странах.

Имя Юлия Сергеевича Худякова вписано золотыми буквами в историю отечественного оружейведения, советской и российской археологии, а также исторической науки в целом.

Список литературы

Бобров Л. А. «Отцу сибирского оружейведения» – 70! // *Parabellum novum: Военно-исторический журнал*. 2017. № 7 (40). С. 142–145.

Бобров Л. А., Горбунов В. В., Тишкин А. А. Юлий Сергеевич Худяков – основатель школы сибирского оружейведения // *Теория и практика археологических исследований*. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2017. № 3. С. 107–118.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С., Филиппович Ю. А. Доспехи волка // Наука из первых рук. 2015. № 1(61). С. 92–105.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Фак. филол. и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

Борисенко А. Ю., Скобелев С. Г. Творческий путь археолога и оружиеведа Ю. С. Худякова // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2007. С. 26–41.

Ведерников Ю. А., Худяков Ю. С., Омелаев А. И. Баллистика от стрел до ракет. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1995. 236 с.

Молодин В. И. Оружиеведение в сибирской археологии (к 60-летию профессора Ю. С. Худякова) // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2007. С. 5–14.

Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. 176 с.

Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. 268 с.

Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 189 с.

Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья. Новосибирск: Ин-т археол. и этногр. СО РАН, 1997. 159 с.

Худяков Ю. С. Археологические коллекции в музеях Северного Китая (по материалам экспедиции ЮНЕСКО «Шелковый путь») // Зап. Вост. отд-ния Росс. археол. об-ва. Сер. «Новая серия» Т. I (XXVI). СПб.: Центр «Петерб. востоковедение», 2002. С. 401–421.

Худяков Ю. С. Основные проблемы изучения военного дела средневековых номадов Северной и Центральной Азии // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2007. С. 15–25.

Худяков Ю. С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие – III в. до н. э.). СПб.: Фил. фак. СПбГУ, 2011. 172 с.

References

Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S., Filippovich Yu. A. Dosppekhi volka // Nauka iz pervykh ruk. 2015. № 1 (61). Pp. 92–105.

Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.). SPb.: Filologicheskiy fakul'tet SPbGU, 2008. 776 p.

Borisenko A. Yu., Skobelev S. G. Tvorcheskiy put' arkheologa i oruzhieveda Yu. S. Khudyakova // Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Sibiri i Tsentral'noy Azii. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t, 2007. Pp. 26–41.

Vedernikov Yu. A., Khudyakov Yu. S., Omelaev A. I. Ballistika ot strel do raket. Novosibirsk: ITPM SO RAN, 1995. 236 p.

Molodin V. I. Oruzhievedenie v sibirskoy arkheologii (k 60-letiyu professora Yu. S. Khudyakova) // Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Sibiri i Tsentral'noy Azii. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t, 2007. Pp. 5–14.

Khudyakov Yu. S. Vooruzhenie eniseyskikh kyrgyzov VI–XII vv. Novosibirsk: Nauka, 1980. 176 p.

Khudyakov Yu. S. Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii. Novosibirsk: Nauka, 1986. 268 p.

Khudyakov Yu. S. Vooruzhenie tsentral'noaziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitogo Srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1991. 189 p.

Khudyakov Yu. S. Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v epokhu razvitogo Srednevekov'ya. Novosibirsk: In-t arkheologii i etnografii SO RAN, 1997. 159 p.

Khudyakov Yu. S. Arkheologicheskie kollektzii v muzeyakh Severnogo Kitaya (po materialam ekspeditsii YUNESKO «Shelkovy put'») // Zapiski Vostochnogo otdelenia Rossiyskogo arkheologicheskogo obshchestva. Ser. «Novaya seria» T. I (XXVI). SPb., zentr «Peterburgskoe vostokovedenie», 2002. S. 401–421.

Khudyakov Yu. S. Osnovnye problemy izucheniya voennogo dela srednevekovykh nomadov Severnoy i Tsentral'noy Azii // Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Sibiri i Tsentral'noy Azii. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t, 2007. Pp. 15–25.

Khudyakov Yu. S., Erdene-Ochir N. Voennoe delo drevnikh kochevnikov Mongolii (II tysyacheletie – III vek do n.e.). SPb.: Filologicheskiy fakul'tet SPbGU, Nestor-Istoriya, 2011. 172 p.

*Материал поступил в редакцию
Received
15.06.2021*

Сведения об авторах

Бобров Леонид Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований; доцент кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, spsml@mail.ru).

Leonid A. Bobrov, Doctor of History, leading researcher at the Laboratory for Humanitarian Studies; Associate Professor of Department of Archaeology and Ethnography in Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

E-mail: spsml@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-5071-1116

Борисенко Алиса Юльевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Alisa Yu. Borisenko, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: aborisenko2@mail.ru

ORCID 0000-0001-9558-5678

Мой учитель

К. Ш. Табалдыев

*Кыргызско-Турецкий университет «Манас»,
Кампус им. Ч. Айтматова, микрорайон Джал,
Бишкек, 720038, Кыргызстан*

My teacher

Tabaldyev K. Sh.

*Kyrgyz-Turkish University "Manas",
Ch. Aitmatov Campus, Jal microdistrict,
Bishkek, 720038, Kyrgyzstan*

Знакомство с учителем и поездка на Алтай

С Юлием Сергеевичем Худяковым мы познакомились в сентябре 1988 г., во время проведения Тюркологической конференции в Академии наук Киргизской ССР. Нас познакомил Тынчтыкбек Чороев (Чоротегин). В то время, выбрав археологию как специальность, я находился в поиске научного руководителя. Я представил Юлию Сергеевичу собранный мной археологический материал, мы побеседовали, и он дал согласие стать моим научным руководителем, написав заявление на имя ректора Кыргызского государственного национального университета. Мы откорректировали название моей будущей кандидатской диссертации – «Эволюция погребального обряда кочевников Тянь-Шаня в средние века».

Прошло уже более тридцати лет, а эта тема все еще находится в центре моих археологических исследований и научных интересов, постоянно расширяясь и углубляясь. Материалы, полученные в течение многих лет, позволили детально изучить и подробно охарактеризовать культуру средневековых кочевников. Часть собранных

материалов и научных направлений стали темой некоторых диссертационных исследований уже наших учеников.

Во время нашей очередной встречи я попросил о возможности принять участие в его археологических полевых исследованиях. В июне 1989 г. он выслал мне приглашение от имени директора Института археологии, этнографии, филологии и философии СО РАН. Раскопки велись на Алтае, в могильнике Усть-Эдиган.

Мы приехали в Усть-Эдиган поздно ночью. Утром, оглядевшись вокруг, я увидел природу, очень похожую на восточную часть побережья Иссык-Куль – те же хвойные леса, реки и растительность.

Позднее было подтверждено, что древние и средневековые кочевники в процессе дальних миграций выбирали для обитания места, сходные с прежним ландшафтом.

Во время этой моей археологической экспедиции я впервые наблюдал процесс раскопок курганов эпохи скифов и хуннского времени Алтая, поминальных памятников раннесредневековых тюрков. У участников экспедиции также была возможность ознакомиться с работой археологических отрядов Новосибирска и Барнаула. На противоположной, левой стороне реки Катунь я впервые увидел раскопанный курган афанасьевской культуры.

В отряде работал весь состав археологической лаборатории гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета: С. Скобелев, О. Митько, Ю. Тетерин, М. Мороз, А. Журавлёва. Затем, когда я проходил научную стажировку и учился в аспирантуре НГУ, все стали моими близкими друзьями. Благодаря их поддержке в трудный период распада СССР я не испытывал особых жизненных затруднений. Каждый старался мне помочь чем мог, особенно при редактировании моих текстов, написанных на русском языке.

После возвращения с Алтая я жил в квартире Юлия Сергеевича. В его кабинете я имел возможность ознакомиться с редкими научными изданиями, научными отчетами. В Институте познакомился археологическими коллекциями, находящимися в экспозиции археологического музея. Одним словом, за короткий отрезок времени узнал все стороны научной жизни моего учителя и археологов Академгородка. Особенно был очарован природой Горного Алтая, общался с местными жителями – алтайцами, казахами. Все увиденное, а также полученные навыки, методы полевых археологических раскопок на Алтае, имели огромное значение для моей дальнейшей исследовательской работы.

Именно это начало нашей совместной работы с Юлием Сергеевичем на Алтае и в Кыргызстане в том же 1989 г. стало для меня особо значимым.

Через год я снова был в Новосибирске, теперь для прохождения в научной стажировки в НГУ, аспирантом которого стал позже. Часто посещал Институт археологии, этнографии, филологии и философии, где мой руководитель работал ведущим научным сотрудником. Библиотека в Институте была замечательная, еженедельно выставлялись новые издания. Я старался вникать в процесс защиты кандидатских и докторских диссертаций. В институте работали мои ровесники археологи Д. Черемисин, С. Нестеров, Ю. Плотников, И. Слюсаренко, А. Бородовский. Круг общения постоянно расширялся, я с большим удовольствием слушал их беседы, дискуссии, а когда нужен был профессиональный совет по проблемам культуры средневековых тюрок, связанных, например, с каменными изваяниями Алтая, то получал помощь и важную информацию от В. Д. Кубарева.

Юлий Сергеевич Худяков был особым научным руководителем. Часто он предлагал своим ученикам принимать участие в научных конференциях, которые проводились в научных центрах Сибири – в Омске, Красноярске, Барнауле и других городах. Я и сейчас часто говорю своим студентам, что мой руководитель тренировал меня через участие в студенческих, региональных и всесоюзных конференциях археологов-профессионалов. В Новосибирске и в сибирских научных центрах студенческие конференции всегда проходили на высоком уровне. На региональных конференциях выступали с докладами студенты, молодые научные сотрудники, преподаватели, профессора. Я не всегда был доволен своими докладами: были удачные, были и неудачные, но, слушая доклады и выступления других участников, общаясь с ними, всегда возвращался с особым чувством, что еще раз прикоснулся к вечным загадкам археологии. Все эти знания стали основой моей исследовательской карьеры.

Участие в работе научных конференций позволило услышать выступления светил археологии, исследовавших горные, степные и лесостепные зоны Сибири и Евразии. Иногда была возможность познакомиться и побеседовать, задать вопросы ученым.

После аспирантуры и защиты в 1994 г. кандидатской диссертации мои научные связи с Юлием Сергеевичем еще более укрепились, а связи с Академгородком не прерывались никогда.

Я с 1987 г. работал в Кыргызском государственном национальном университете, преподавал археологию. Новосибирск научил меня по-новому готовиться к лекциям. У меня появился шанс углубленно изучить особенности каждой археологической эпохи. В КГНУ мне хотелось организовать археологическую научно-исследовательскую лабораторию, подобную той, что работает в НГУ. В ней должны были

работать специалисты, занимающиеся изучением каждой археологической эпохи. Частично удалось осуществить эту идею. Некоторых студентов, которые хотели «окунуться» в древнюю историю, привлекали к этой работе лаборатории; позже археология стала их профессией. С самого начала лаборатории с нами работал Ороз Солтобаев, который в настоящее время является доцентом кафедры археологии и этнографии КГНУ.

В 1999 г. нам удалось включиться в работы группы ведущих исследователей палеолита. Под руководством академика А. П. Деревянко в рамках исследования Средней Азии была создана многолетняя археологическая экспедиция по исследованию памятников каменного века. Благодаря работе этой экспедиции в нашей республике были выращены специалисты по археологии каменного века. В Новосибирске в аспирантуре учились мои ученики Темирлан Чаргынов и Аида Абдыканова. Они стали кандидатами наук со специализацией по археологии каменного века. Жазгуль Орозбекова после аспирантуры продолжила совместную работу в Институте археологии и этнографии, в настоящее время Салтанат Алишер кызы будучи докторантом также успешно выполняет совместную работу коллектива специалистов НГУ и Института археологии СО РАН.

Вместе с новосибирскими археологами они продолжают исследовать памятники, относящиеся к эпохам палеолита, мезолита и неолита. К примеру, сенсационным следует считать выявление ранних этапов доместикации животных в VI тыс. до н. э.

Раскопки в могильнике Ала-Мышык

И снова память возвращает меня к событиям 1989 г. После возвращения с Алтая я несколько изменил сам процесс археологических раскопок и формы документации результатов, они стали сходны с теми, которые были разработаны моим научным руководителем. В том году мне удалось поработать в трех экспедициях: на Алтае, Катунской экспедиции; во Внутреннем Тянь-Шане, на раскопках могильника Чет-Келтебик; в сентябре снова с Юлием Сергеевичем Худяковым мы работали на раскопках могильника Ала-Мышык.

Тогда я не мог предполагать, что начатые нами в 1989 г. исследования в Чет-Келтебике, Ала-Мышыке, в Кочкорской долине будут иметь такую широкую перспективу и позволят выработать новый взгляд на археологию Кыргызстана. Но они определили путь моих дальнейших исследований и направления будущих исследований моих коллег.

В 1989 г. Т. Чоротегин создал ассоциацию молодых историков Кыргызстана. При поддержке республиканской комсомольской организации в сентябре этого года нам удалось организовать археологическую экспедицию членов ассоциации. В качестве наставника нашего археологического отряда был приглашен Ю. С. Худяков.

Для исследования нами был выбран могильник Ала-Мышык. Здесь в 40-х годах XX в. вел археологические раскопки известный археолог А. Н. Бернштам. Он писал о найденном в этом могильнике захоронении енисейских кыргызов. Его сведения уже давно интересовали наших историков, археологов и этнографов. В рамках нашей экспедиции мы получили право на проведение раскопок. Нам было очень важно мнение Ю. С. Худякова, знатока археологии енисейских кыргызов, ведь только он смог бы подтвердить или опровергнуть мнение авторитетного исследователя. Было сложно сразу же найти курганы, имеющие характерный для енисейских кыргызов обряд погребения. К определению этих характерных особенностей мы шли очень долго. Даже сейчас осталось еще много вопросов, не получивших до конца своего решения.

Приступая к раскопкам, мы тщательно подходили к выбору объектов, и он оказался удачным. Каждый избранный нами и раскопан-

ный вместе с нашим научным руководителем объект имел потенциал для будущих исследований. То есть все изученные объекты оказались перспективными для дальнейших научных поисков.

Наиболее значимыми для изучения оказались три объекта могильника Алы-Мышкык: поминальные оградки с изваяниями, «курган со столбовыми валунами на углах» хуннского времени и курган, предвещавший новый взгляд изучения разработки связей кыргызов Тянь-Шаня и Енисея.

Я. А. Шер в своей монографии приводил сведения о каменных изваяниях Тянь-Шаня и Семиречья. Но упоминания о поминальных оградках раннесредневековых тюркоязычных народов Тянь-Шаня почти отсутствовали. В Ала-Мышыке начался новый этап комплексного исследования каменных изваяний с обнаруженными здесь поминальными оградками. В Ала-Мышыке были раскопаны две поминальные оградки.

В конце сентября 1989 г. каменные изваяния и поминальные оградки были обнаружены нами и в Кочкорском районе, в местности Боз-Бел. Этот округ, расположенный в восточной части Кочкорской долины, имел первостепенное значение для последующих исследований.

С тех пор вместе с Юлием Сергеевичем в Кочкорской долине нами был собран значительный материал для разработки вопросов, связанных с культурой средневековых кочевников, хоронивших своих умерших вместе с конем, сооружавших поминальные оградки с каменными изваяниями, создававших изображения воинов на коне с птицей в руках. Позже удалось обнаружить и руноподобные тексты, созданные представителями той же культуры. Они оставили заметный след в истории кыргызов на Тянь-Шане. Несмотря на то что работа постоянно продолжается, мы до сих пор не раскрыли тайну средневекового населения Кочкорской долины. Исследования вышли за хронологические рамки раннего средневековья и уведат нас вглубь времен вплоть до первых земледельцев края.

Позже нам удалось обнаружить и изучить более пятидесяти поминальных оградок тюрков Тянь-Шаня, выявить и описать ранее не известные черты их поминальных традиций. В ходе изучения сразу же бросалось в глаза их отличие от алтайских, тувинских, монгольских – тяньшаньские изваяния устанавливались в западной части поминальных оградок. Было обнаружено много пристроенных друг к другу поминальных оградок с изваяниями или стелами (плитами). В научный оборот были введены шесть поминальных оградок с захоронениями коней. В настоящее время выявлены поминальные памятники, сооруженные в честь представителей знатных родов и членов

их семей. Дальнейшее изучение таких объектов, несомненно, представит важные материалы для характеристики культуры, вопросов социальной иерархии раннесредневекового тюркского общества.

Еще одно важное открытие, сделанное в ходе совместной работы с Юлием Сергеевичем в Ала-Мышыке, связано с ранее не известной субкультурой кочевников эпохи Великих переселений. Первые материалы были получены в том же 1989 г. в рамках экспедиций кафедры археологии и этнографии КГНУ и Кыргызской ассоциации молодых историков в ходе раскопок в могильниках Мечит (курган 2) и Ала-Мышык (курган 27). В углах обоих курганов, которые имели подквадратную формы насыпи, были замечены вертикально установленные удлиненные валуны. Тогда эти находки не привлекали особого внимания. Но затем курганы с угловыми столбами и имеющими квадратные очертания были обнаружены при изучении памятников хуннского времени возле озера Сон-Куль, в Кочкорской долине.

Отмеченные вначале единичные случаи такого рода курганов среди курганов хуннского времени Внутреннего Тянь-Шаня впоследствии оказались частью целой традиции одной большой группы населения хуннского времени, обитателей в II–III вв. н. э. в основном вокруг озера Иссык-Куль. В могильниках Токчулук, Уч-Курбу, расположенных в южной части озера Иссык-Куль, курганы имели квадратное очертание, а по углам размещались вертикальные камни. Курганы часто были пристроены друг к другу. После получения радиоуглеродных дат (170–220 гг. н. э.) мы стали отдельно выделять их как «курганы с угловыми камнями». При раскопках также встречаются погребения с кольцевой деформацией черепа, хуннского типа луки длиной до 1,20 м, деревянные столики без ножек, катакомбы с колодеобразной входной частью.

В настоящее время число обнаруженных могильников с пристроенными друг к другу «курганами с угловыми камнями» увеличилось. Они встречаются в южной и северной предгорных зонах озера Иссык-Куль и в соседнем Кочкорском районе. Такие памятники выделяются как отдельная или особая «субкультура» среди населения Тянь-Шаня и Семиречья I тыс. н. э. Целенаправленное изучение «курганов с угловыми камнями» продолжается. Сейчас нет достаточно данных для установления этнической и языковой принадлежности носителей культуры «курганов с угловыми камнями». Есть только предметы материальной культуры, которые дают возможность сопоставить их с предметами материальной культуры хуннов. В ходе раскопок в одном из курганов могильника Токчулук «с угловыми камнями» была зафиксирована детская колыбель – «бешик». Обычай

пеленать и завертывать младенца в «бешике» сохранился в культуре кыргызов до настоящего времени.

Еще одним важным для последующих исследований и открытих совместно с Юлием Сергеевичем на могильнике Ала-Мышык объектом стал курган № 122. Под насыпью кургана было обнаружено компактное скопление корродированных железных предметов (двусоставные удила с большими кольчатыми псалями, оковки седла, стремяна с узкой прямой подножкой и прорезью в дужке, подпружная пряжка). Курган включал два захоронения по обряду труположения в отдельных могильных ямах и скопление железных предметов сбури под насыпью в «тайниках» на уровне древнего горизонта. Вокруг захоронений были обнаружены остатки древесного угля. По всей вероятности, перед захоронением в могиле сжигали прутья. Захоронения с аналогичным набором инвентаря встречались в кочевнических памятниках Евразии XI–XIV вв. н. э. Вокруг скопления предметов находились древесный тлен, угольки, золистые линзы. Это свидетельствовало о том, что здесь до положения покойного совершался обряд с разжиганием огня [Табалдиев, Худяков, 1991; Худяков, Табалдиев, 1994].

Эта своеобразная находка из кургана № 122 предметов под насыпью «в тайниках» не имела аналогий среди раскопанных курганов на могильнике Ала-Мышык и в других раннесредневековых объектах Тянь-Шаня. Но подобные «тайники» часто встречаются в культуре енисейских кыргызов VI–XIV вв. Для обоснования этого предположения о такого рода сходстве требовалось провести сравнительный анализ. В ходе знакомства с научным отчетом археолога А. К. Кибирова за 1953 г. мы обнаружили одно важное свидетельство. Ученым был исследован курган диаметром 18 м. В процессе раскопок на глубине 0,20–1,0 м найдено несколько полуобгоревших предметов. «У северо-восточного угла раскопа, на отметке 0,63 м зафиксированы фрагменты разложившихся костей; здесь же под зольным пятном найдены полуобгоревшие обрывки ткани, стебли чия и трехгранный железный наконечник стрелы, а в 0,20 м от этого места найдены фрагменты железных удил. Затем раскоп был сужен (...) На глубине 1 м камни в разбросанном виде продолжались. Далее в раскопе были сделаны следующие находки: обгоревшие кусочки ткани, прутья чия, бронзовая пряжка, наременные бронзовые украшения (бляшки), фрагменты железных удил, кинжал и железный наконечник стрелы (...) Бронзовое украшение от ремня для конской сбруи (...) третье бронзовое украшение (2,2×2,3×1,9 см) имеет сердцевидную форму...» Судя по тексту отчета, кости в могильной яме не были обнаружены. Раскоп был доведен до материкового слоя на глубине 2,35 м. По мнению археолога А. К. Кибирова, бронзовые бляшки четырехугольных форм с узким отверстием, выпукло-выгнутые, сердцевидных очертаний и прочие с гладкой поверхностью, без орнамента, сходятся с подобными находками VIII–X вв. [Кибиров, 1954]. Наличие скопленных обгоревших предметов на небольшой глубине под курганом напоминает обряды енисейских кыргызов.

Таким образом, наши исследования в могильнике Ала-Мышык позволили продолжить дискуссию о связях тянь-шаньских и енисейских кыргызов с учетом новых сведений. До этого времени при рассмотрении связей енисейских и тяньшаньских кыргызов упоминались только материалы из раскопок А. Н. Бернштама, обнаруженные в этом же могильнике Ала-Мышык. Одно погребение с конем было отнесено к енисейским кыргызам. Тройное погребение в катакомбной могиле было определено им в одном случае как «енисейско-кыргызское» [Бернштам, 1952]. Однако мнение А. Н. Бернштама о том, что захоронение с конем или скелетом барана – кыргызское (по классификации Л. А. Евтюховой), не получило поддержки у исследователей средневековья.

Позднее в Кочкорской долине в могильнике Бел-Саз нам удалось встретить курган XI–XIV вв. н. э. с такими же признаками: под насыпью в «тайниках» найдены скопления железных предметов. В местности Алкым на месте разрушенного кургана также были обнаружены скопления металлических предметов. Среди них находились серебряные детали пояса. При сравнении данных находок с аналогичными находками на Алтае и в Южной Сибири мы указали на их сходство с енисейско-кыргызскими. Позднее в могильнике Бел-Саз под насыпью кургана был обнаружен «тайник» со скоплением железных предметов, которые можно датировать XI–XIV вв. н. э.

Таким образом, материалы раскопок, полученные в том далеком сентябре на могильнике Ала-Мышык, послужили заделом для многолетних исследований в трех направлениях, которые связаны с поминальными оградками, «курганами с угловыми камнями» и памятниками, относящимися к культуре енисейских кыргызов. И таких совместных с Юлием Сергеевичем Худяковым находок и открытий было немало. После того знаменательного для нас полевого сезона он ежегодно принимал участие в наших экспедициях. Его приезды, участие в экспедиции, полевой опыт работы всегда вдохновлял нас. Я старался подражать его навыкам в полевой работе. Неприхотли-

вость, простота, трудолюбие, общительность радовали всех нас – коллег и наших студентов.

Памятник Беш-Таш-Короо, где мы также проводили совместные раскопки, с каждым годом становился все более информативным. И если нам удастся продолжить наши исследования, то, несомненно, это будет эталонный памятник раннесредневековых тюрков в Средней Азии.

Юлий Сергеевич часто задавался вопросом, почему в Кочкоре в ходе изучения захоронений с конем, каменных изваяний с поминальными оградками не обнаруживаются рунические надписи. Он часто внимательно рассматривал поверхности массивных валунов, скальных плит. В тот год нам не удалось обнаружить ни наскальных рисунков, ни рунических надписей, но позднее нам посчастливилось найти руноподобные надписи и рисунки VIII в. н. э. До тех пор считалось, что для тюркского времени характерны только рисунки, выполненные путем гравировки. Но в местности Кёк-Сай были найдены выбитые и шлифованные массивные рисунки. Поиски дали возможность собрать более двух десятков родовых тамг.

Он ушел из жизни в полном расцвете сил и творческих замыслов, всегда был занят исследовательской работой, непрерывно работал дома, в университете и в институте. Супруга Ольга Владимировна создавала Юлию Сергеевичу все условия дома для творческой работы. Как я уже упоминал, во время научной стажировки и аспирантуры, после, во время моих поездок в Новосибирск, мне посчастливилось быть гостем в этом гостеприимном доме, а каждый его приезд в Кыргызстан был большой радостью для нас. Кроме археологических раскопок, он участвовал в научных конференциях, встречах со студентами. После таких посещений он охотно общался с коллегами, вел переписку. Когда работали в экспедициях, пообщаться с ним всегда приходили местные учителя, жители, любой, кто интересовался историей кыргызского народа. После работы Юлий Сергеевич всегда находил время для общения с обычными местными жителями, многие знали его труды, изданные на кыргызском языке. Еще в конце 1980-х переводом трудов Юлия Сергеевича на кыргызский язык занимался редактор популярного журнала «Ала-Тоо» народный писатель Кыргызской Республики Кенеш Жусупов.

Юлий Сергеевич Худяков был удостоен премии имени академика философа А. Табалдиева, академика А. Алтымышбаева. Позднее он был награжден орденом «Данакер», орденом «Манас», стал Почетным академиком Академии наук Кыргызской Республики. Он часто говорил, что ему нравится приезжать в Кыргызстан, многие знают его

труды, он получает новое вдохновение для своей работы. Его заслуженно можно назвать ученым-просветителем. Он был ученым широкого масштаба, ярким представителем в области оружейведения Евразии, разработал классификацию предметов вооружения эпохи раннего железного века и средневековья. Он предложил оружейведам оригинальные реконструкции обликов воинов этого периода. Своим учителем его признавали не только молодое поколение Евразии, но и Европы. И в полевых исследованиях, и при подготовке совместных публикаций он всегда щедро делился с нами своим многолетним опытом, знаниями. Материалы многих наших исследований были в соавторстве с ним. После подачи моего варианта рукописей, описания новых материалов он всегда поднимал их на более высокий научный уровень. У нас была непрерывная связь в нашей совместной работе. Я храню его письма, написанные еще до появления электронной почты. Получение каждого такого письма, в котором говорилось о нашей работе, планах, было для меня большим событием. У него в Новосибирске до меня было много учеников, которые стали известными докторами, профессорами, доцентами. Но я горжусь тем, что был первым официальным кыргызским аспирантом, защитивший кандидатскую диссертацию под его руководством.

Еще совсем недавно, 10 октября 2021 года, мы переписывались по поводу проведения совместной работы в Кыргызстане в рамках проекта «Большой Алтай». Теперь без его участия, без его знаний и опыта, конечно, возникнут определенные трудности.

Мы, ученики Юлия Сергеевича Худякова, археологи Кыргызстана, отдаем дань его профессионализму, человечности, простоте, всегда будем благодарны ему за его заботу в период и научного руководства, и научных стажировок, и обучения в аспирантуре НГУ.

*Материал поступил в редакцию
Received
08.10.2021*

Список литературы

Бернштам А.Н. Историко-культурные связи Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М., Л., 1952.

Кибиров А.К. погребение из Ичке-Жылга // Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. Бишкек «Кыргызстан», 1995. С. 43–46 (По от-

чету А.Кибирова за 1954 год. Отдел рукописей и публикаций НАН Кыргызской Республики. Инв. №1575).

Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Сбруйный набор из местности Алкым в Кочкорской долине Тянь-Шаня // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1999. С. 514–519.

Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Опыт проведения охранных раскопок на могильнике Ала-Мышык в 1989 году // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Тезисы докладов и сообщений к конференции. Барнаул, 1991. С. 168–170.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Курганы из могильника Ала-Мышык // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. Сборник научных статей. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 112–129.

References

Bernshtam A. M. Istoriko-kulturnye sviazi Tsentralnogo Tian-Shania i Pamiro-Alaja. M.-L., 1954 (in russ.)

Kibirov A. K. Pogrebenie v Ichke-Zhilga //Kyrgyzy: etnogeneticheskie I etnokulturnye protsessy v drevnosti i srednevekovie v Tsentralnoi Azii. Bishkek: Kyrgyzstan, 1995. S. 43–46 (po otchetu A. Kibirova za 1954 god. Otdel rukopisei I publikatsii NAN Kyrgyzskoi Respubliki. Inv. №1575). (in russ.)

Tabaldiev K. Sh., Khudjakov Yu. S. Sbruinyi nabor iz mestnosti Alkym v Kochkorskoj doline Tian-Shania // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri I sopredelnykh territotii. Novosibirsk, 1999. S. 514–519. (in russ.)

Tabaldiev K. Sh., Khudjakov Yu. S. Opyt provedenia okhrannykh raskopok na mogilnike Ala-Myshik v 1989 godu // Okhrana I issledovania arkheologicheskikh pamiatnikov Altaia. Tezisy dokladov I soobtschenii konferentsii. Barnaul, 1991. S. 168–170. (in russ.)

Tabaldiev K. Sh., Khudjakov Yu. S. Kurgany iz mogilnika Ala-Myshik // Etnokulturnye protsessy v Yuzhnoi Sibiri I Tsentralnoi Azii v I–II tys. n.e. Sbornik nauchnykh statei. Кемерово: Kuzbassvuzizdat, 1994. S. 112–129. (in russ.)

Сведения об авторе / About the Author

Табалдиев Кубатбек Шакиевич,

кандидат исторических наук, профессор отделения истории, Кыргызско-Турецкий университет «Манас» (Кампус им. Ч. Айтматова, микрорайон Джал, Бишкек, 720038, Кыргызстан).

Kubatbek Sh. Tabaldiev,

Candidate of Historical Sciences, Professor of the History Department, Kyrgyz-Turkish Manas University (Chyngyz Aitmatov Campus, Djal Microdistrict, Bishkek, 720038, Kyrgyzstan).

E-Mail: kubatbek.tabaldiev@manas.edu.kg

Office: +996 312 492765

ORCID: ID 0000-0002-6679-8030.

Исследования

Еще раз о шлеме с золотой насечкой из собрания Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея

Л. А. Бобров¹, С. О. Байтенова², В. Н. Настич³

¹ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

² Северо-Казахстанский областной историко-краеведческий музей
ул. Конституции Казахстана, 48, Петропавловск, 150000, Казахстан

³ Институт востоковедения Российской Академии наук
ул. Рождественка, 12, Москва, 107031, Россия

Аннотация

Статья посвящена анализу старинного железного шлема, хранящегося в Северо-Казахстанском областном историко-краеведческом музее (г. Петропавловск, Республика Казахстан). Подробно описаны конструкция и оформление шлема, уточнены датировка и атрибуция, впервые представлены фотографии наголовья во всех основных ракурсах. По материалу изготовления тульи шлем относится к классу железных (стальных), по конструкции тульи – к отделу цельнокованых, по форме купола – к типу полусферических. Поверхность обруча и «коробчатого» козырька покрыта надписями на арабском языке, растительным и геометрическим орнаментом, выполненными в технике золотой насечки по металлу. Установлено, что на обруче воспроизведены изречения из Корана, в частности, айаты 255–257 суры 2 ал-Бакара «Корова»; на «щитке» козырька – оградительная молитва, обращенная к халифу 'Али и называемая «посланием о мире», которую полагалось читать перед дальней дорогой, трудным и опасным предприятием (в том числе перед сражением). В ходе эксплуатации наголовья оригинальное навершие было удалено и заменено на слабовыпуклое подвершие из медного сплава. Типологический анализ позволяет датировать шлем XVII – началом XVIII в. Наиболее вероятно, что он был изготовлен ремесленниками Мавераннахра, Восточного Туркестана или присырдарьинских городов Южного Казахстана по заказу знатного узбекского, уйгурского или казахского воина. Это объясняет сочетание цельнокованой тульи и обруча, покрытого арабскими надписями, с «коробчатым» козырьком, типичным для боевых наголовий монгольских и тюркских номадов Центральной Азии. Ближайшие аналоги шлема хранятся в музейных собраниях Республики Казахстан. Судя по следам ремонта и реконструкции, рассматриваемый образец защитного вооружения использовался на протяжении длительного исторического периода.

Ключевые слова

Средняя Азия, Казахстан, защитное вооружение, шлем, надпись на шлеме.

Источник финансирования

Работа проведена в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Для цитирования

Бобров Л. А., Байтенова С. О., Настич В. Н. Еще раз о шлеме с золотой насечкой из собрания Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея // *Universum Humanitarium*. 2022. № 1. С. 44–65
DOI 10.25205/2499-9997-2022-1-44-65

Once again about the helmet with golden notch from the collection of the North Kazakhstan Regional Museum

L. A. Bobrov, S. O. Baitenova, V. N. Nastich

*L. N. Gumilyov Eurasian National University,
Nur-Sultan, Kazakhstan*

Abstract

The article deals with a vintage iron helmet owned by the Northern Kazakhstan Regional Museum (Petropavlovsk, Republic of Kazakhstan). The design and decoration of the helmet are described in detail, the dating and attribution are specified, and photographs of the headpiece are presented for the first time under all main angles. Regarding the material of manufacture of the helmet crown, it belongs to the class of iron (steel), by the construction of the crown – to the section of solid-forged articles, by the shape of the dome – to the hemispherical type. The surface of the hoop and the “box-shaped” visor are covered with inscriptions in Arabic, floral and geometric ornaments reproduced in the technique of gold incision on metal. The inscription on the hoop contains verses 255–257 from the Qur’an, Surah 2 Al-Baqarah “The Cow”, while the one on the “shield” of the visor is a prayer for protection, addressed to caliph ‘Ali and known as the “message of peace” recited before a long journey or a difficult and dangerous enterprise, including combat action. During the use of the headpiece, the original pommel was removed and replaced with a slightly convex copper alloy pommel. Typological analysis allows us to date the helmet within the 17th – early 18th century. The item could have been manufactured in Mawara’annahr, Xinjiang, or a certain town on the Syr Darya, for a high-ranking Uzbek, Uyghur, or Kazakh warrior. This definition may explain the combination of a solid crown and a hoop with Arabic inscriptions with a box-type visor typical of helmets worn by Mongolian and Turkic nomads of Central Asia. The closest parallels are found in the museums of Kazakhstan. Judging by the traces of repair and reconstruction, this helmet was used for a long time.

Keywords

Central Asia, Kazakhstan, Mawara’annahr, protective armament, helmet, inscription.

Funding

The work was carried out as part of the implementation of the State task of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity (project No. FSUS-2020-0021).

For citation

Bobrov L. A., Baitenova S. O., Nastich V. N. Once again about the helmet with golden notch from the collection of the North Kazakhstan Regional Museum // *Universum Humanitarium*. 2022. № 1. P. 44–65.

DOI 10.25205/2499-9997-2022-1-44-65

Введение

Важным направлением изучения военно-культурного наследия населения Северной Евразии является введение в научный оборот богато оформленных шлемов тюрко- и монголоязычных nomads, представляющих собой эталонные образцы боевых и церемониальных наголовий различных исторических эпох. Всестороннее изучение подобных шлемов позволяет не только уточнить особенности эволюции степной паноплии на конкретном историческом этапе, но и зафиксировать примеры политического, экономического, технологического и культурного взаимодействия кочевых и оседлых народов региона.

В выставочном зале «Образование и становление казахской государственности. Казахская этнография» Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (СКОИКМ, г. Петропавловск, Республика Казахстан) экспонируется железный шлем, украшенный золотой насечкой (инв. № СКОМ оф. 455) (рис. 1).

Сведения о шлеме были впервые введены в научный оборот заведующей отделом этнографии СКОИКМ С. О. Байтеновой, которая собрала и систематизировала данные о времени и обстоятельствах его поступления в музейное собрание, а также дала краткое описание наголовья [Байтенова, 2015. С. 78–80]. Помимо прочего было установлено, что шлем входил в число первых экспонатов, поступивших в музей в 30-х гг. XX в. По предположению С. О. Байтеновой, шлем мог быть передан в формирующийся этнографический фонд СКОИКМ в составе предметов, «относящихся к материальной культуре казахов» [Там же. С. 79]. К сожалению, поступления 20–40-х гг. XX в. не были оформлены должным образом, поэтому первая запись об интересующем нас экспонате относится к 25 июля 1950 г. Сотрудники музея датировали шлем XV в. и соотнесли его с комплексом защит-

Рис. 1. Шлем из СКОИКМ (инв. № СКОМ оф. 455)
Fig. 1. Helmet from NKRM (Inv. No. NKRM No. 455).

ного вооружения кочевников Восточного Дашт-и-Кипчак данного периода. Арабская надпись на шлеме была прочитана имамом мечети «Дин-Мухаммад» г. Петропавловска Зейнуллою Камаллитдиновым: «По его утверждению, на поверхность обода нанесены тексты 4-х аятов 2-х сур из Корана, а также указано имя самого воина – Ахмед Якуб-улы. Надпись на козырьке шлема гласит: “Пророк Мухаммед с тобой”» [Там же].

В 2019 г. наголовье из СКОИКМ было изучено Л. А. Бобровым и Д. М. Исмаиловым [Бобров, Исмаилов, 2019]. Исследователи описали конструкцию и систему оформления шлема, а также указали его основные размеры. Кроме того, было установлено, что на обруче изучаемого образца защитного вооружения воспроизведены изречения из Корана, в частности, аяты 255–257 суры 2 *ал-Бакара* «Корова», а на «щитке» козырька – оградительная молитва, называемая «посланием о мире», которую полагалось читать перед дальней дорогой, трудным и опасным предприятием (в том числе перед сражением). Типологический анализ шлема позволил датировать его второй половиной XVI – серединой XVIII в. и соотносить с комплексом вооружения воинов Среднеазиатского региона. По мнению исследователей, заказчиком шлема мог выступать знатный узбекский, казахский или уйгурский воин. Текст был проиллюстрирован цветной фотографией шлема (общий вид в пол-оборота), цветной фотографией фрагмента налобной части обруча с козырьком, а также черно-белыми фотографиями фрагментов надписей и орнамента на правой височной части наголовья из СКОИКМ и НМРК [Там же. С. 114–117]. К сожалению, формат статьи не позволил дать фотографии шлема с четырех сторон, а также сверху и снизу.

В 2020 г. фотография шлема из СКОИКМ (общий вид в пол-оборота) была опубликована К. С. Ахметжаном. Исследователь отнес его к числу шлемов, входивших «в комплекс вооружения казахских воинов» XVII – XVIII вв. [Ахметжан, 2020. С. 208, рис. 3, 2, 209].

Таким образом, шлем из СКОИКМ неоднократно привлекал внимание российских и казахстанских исследователей. Однако необходимость всестороннего изучения особенностей конструкции и оформления наголовья понуждает нас вновь обратиться к этому выдающемуся произведению мусульманских оружейников эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Целью настоящей статьи является подробное описание шлема, уточнение его датировки и атрибуции, а также введение в научный оборот фотографий наголовья во всех основных ракурсах.

Рис. 2. Шлем из СКОИМК: 1 – вид спереди; 2 – вид справа. Фото В. Мударисова
Fig. 2. Helmet from NKRM: 1 – front view; 2 – right side view. Photo by V. Mudarisov

Описание конструкции и оформления шлема

По материалу изготовления тульи шлем относится к классу железных (стальных), по конструкции тульи – к отделу цельнокованых, по форме купола – к типу полусферических¹ (рис. 1–3). Его высота (без несохранившейся трубки-втулки для плюмажа) 23,5 см, диаметр 21,0 см. Характерным элементом конструкции шлема является низкая туля полусферической формы, выкованная из одного куска железа. Повреждения тульи незначительны, в основном это царапины и неглубокие вмятины. К ее нижней части приклепан широкий (4,5 см) железный обруч с ровными краями. Заклепки с медными или позолоченными шляпками вбиты вдоль его верхнего края. Центральная часть обруча украшена орнаментом, выполненным в технике золотой насечки по металлу². Узор представляет собой ряд подпрямоугольных горизонтальных «картушей», в которые помещены надписи на арабском языке и изображения миниатюрных двулепестковых стеблей. Боковые стороны «картушей» оформлены полукруглыми фестонами с двойным золотым кантом, фон убран золотыми «искрами», а пространство между «картушами» заполнено изображениями распустившегося пятилепесткового цветка в обрамлении вьющихся растительных побегов (рис. 2, 2; 3, 1). Основной рисунок на обруче шлема окаймлен сверху цепочкой колец, окруженных золотыми «искрами», снизу – гирляндой из S-образных завитков и двойным кантом. К налобной части шлема приклепан массивный «коробчатый» козырек, состоящий из горизонтальной пластины – «полки» (ширина 1,7 см) и вертикального «щитка» (ширина 2,3 см). Пятиугольная «полка» украшена густым растительным орнаментом. В центр рисунка помещен «картуш» с надписями на арабском языке. «Щиток» снабжен вертикальным ребром жесткости и слабовыраженным бортиком по нижнему краю. В боковые лопасти вбиты две пары заклепок, соединяющих козырек с тульей шлема (рис. 1–4). Практически все поле «щитка» покрыто золотыми надписями на арабском языке, а вдоль нижнего края идет ряд «жемчужин», выполненных в технике золотой насечки (рис. 5, 1). Техника и стиль узора на обруче и козырьке

¹ Установить первоначальную геометрию купола и силуэт шлема не представляется возможным в виду замены оригинального наверхия на уплощенное подвершие из медного сплава (см. ниже).

² Техника нанесения орнамента и надписей требует дополнительного изучения. В настоящее время можно предположить, что мы имеем дело с насечкой по рихтованной поверхности.

Рис. 3. Шлем из СКОИКМ: 1 – вид слева; 2 – вид сзади. Фото В. Мударисова
Fig. 3. Helmet from NKRM: 1 – left side view; 2 – rear view. Photo by V. Mudarisov

идентичны. Это позволяет предположить, что данные элементы были выполнены одним и тем же мастером.

Если надписи на шлеме сохранились достаточно хорошо, то окантовочный орнамент на обруче частично затерт, а золочение в значительной степени утрачено (рис. 1–3). По мнению ведущего научного сотрудника Музеев Московского Кремля, кандидата исторических наук В. Р. Новоселова насечка в рассматриваемом случае могла быть выполнена серебром, а затем вызолочена. Подобная манера нанесения изображения характерна для ювелиров Османской империи, а также для их ближних и дальних соседей, в том числе для русских и польских мастеров. Данный прием позволял существенно уменьшить стоимость затрат, сохранив при этом визуальный эффект золотой насечки. Повреждения насечки, наблюдаемые на шлеме из СКО-ИКМ, встречаются при очаговой коррозии и последующей очистке ржавчины³.

Венчает шлем полусферическое подвешие (пластина основания наверх) из медного сплава. Край пластины оформлен выпуклым бортиком (рис. 1–4). Подвешие крепится к тулье с помощью заклепок с медными шляпками. В центре пластины проделано округлое отверстие, в которое вставлялась трубка-втулка для плюмажа (рис. 4, 1). Сама трубка-втулка до нас не дошла, однако на ее наличие в первоначальной комплектации шлема, наряду со сквозными отверстиями в макушечной части железной тульи и медного подвешия, указывают железные подложки с заклепками на внутренней стороне купола наголовья (см. рис. 4, 1).

По материалу изготовления и оформлению подвешие резко контрастирует с другими элементами шлема. Это позволяет предположить, что оно было добавлено к наголовью позднее. Возможно, медная пластина заменила поврежденное в бою оригинальное железное подвешие, оформление которого гармонировало с декором обруча и козырька.

Вдоль нижнего края обруча пробиты 14 сквозных отверстий, в которые вставлены петли из медного сплава, служившие для крепления бармицы (в настоящее время сохранилась лишь часть петель). Наиболее вероятно, что бармица имела кольчатую структуру. Кольчатое полотно подвешивалось к железному пруту, который продевался сквозь петли на обруче шлема.

Значительный интерес представляют надписи, которые были прочитаны и атрибутированы руководителем отдела памятников пись-

³ Авторы выражают благодарность В. Р. Новоселову за помощь в атрибуции способа нанесения надписей и орнамента на поверхность шлема.

Рис. 4. Шлем из СКОИКМ: 1 – вид сверху; 2 – вид снизу. Фото В. Мударисова

Pic. 4. Helmet from NKRM: 1 – top view; 2 – bottom view. Photo by V. Mudarisov

Здесь приводятся две из них: первая, выполненная академиком И. Ю. Крачковским [Коран, 1963], вторая — доктором М.-Н. О. Османовым [Коран, 1995].

Перевод И. Ю. Крачковского:

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

256. (255). Аллах — нет божества, кроме Него, живого, сущего; не овладевает Им ни дремота, ни сон; Ему принадлежит то, что в небесах и на земле. Кто заступится пред Ним, иначе как с Его позволения? Он знает то, что было до них, и то, что будет после них, а они не постигают ничего из Его знания, кроме того, что Он пожелает. Трон Его объемлет небеса и землю, и не тяготит Его охрана их; поистине, Он — высокий, великий!

257. (256). Нет принуждения в религии. Уже ясно отличился прямой путь от заблуждения. Кто не верует в идолопоклонство и верует в Аллаха, тот ухватился за надежную опору, для которой нет сокрушения. Поистине, Аллах — слышащий, знающий!

258. (257). Аллах — друг тех, которые уверовали: Он выводит их из мрака к свету. 259. А те, которые неверны, друзья их — идолы; они выводят их от света к мраку. Это — обитатели огня, они в нем вечно пребывают!

Перевод М.-Н. О. Османова:

Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного.

255. Аллах – нет божества, кроме Него, вечно живого, вечно сущего. Не властны над Ним ни дремота, ни сон. Ему принадлежит то, что на небесах, и то, что на земле. Кто же станет без Его соизволения заступничать перед Ним [за кого бы то ни было]? Он знает то, что было до людей и что будет после них. Люди же постигают из Его знания лишь то, что Он пожелает. Ему подвластны небеса и земля, Ему не в тягость их охранять. Он – всевышний, великий.

256. Нет принуждения в вере. Уже [давно] истинный путь различили от ложного. Тот, кто не верует в идолов, а верует

в Аллаха, уже ухватился за прочную вервь, которая не рвется. Аллах - слышащий и знающий.

257. Аллах – покровитель тех, кто уверовал. Он ведет их от мрака к свету. Покровители же неверующих — идолы, которые ведут их от света к мраку. Они — обитатели адского огня и там пребудут вечно.

Вторая надпись на «щитке» козырька — арабская молитва, обращённая к ‘Али ибн Абу Талибу, зятю пророка Мухаммада и последнему из четырех «праведных» халифов (656–661); часто именуется по первым словам «*Нади ‘Алиййан*»:

كَلِمَاتُ اللَّهِ تَنْبِئُ بِأَنَّ اللَّهَ يَفْعَلُ مَا يُرِيدُ
 يَا أَلِيَّ بْنَ أَبِي تَالِبٍ يَا أَسَدَ بْنَ هَارِثٍ يَا مَوْلَى اللَّهِ
 يَا مَنْ جَاءَ بِالنَّبِيِّ وَالْإِسْلَامِ يَا مَنْ جَاءَ بِالنَّبِيِّ وَالْإِسْلَامِ
 يَا مَنْ جَاءَ بِالنَّبِيِّ وَالْإِسْلَامِ يَا مَنْ جَاءَ بِالنَّبِيِّ وَالْإِسْلَامِ

Перевод:

Призови ‘Али, проявителя чудес, [и] найдешь в нем помощника в трудную минуту. // Любая тягость и печаль исчезнет [благодаря] Твоему пророчеству, о Мухаммад, [и] Твоей святости (= близости к Богу), о ‘Али, о ‘Али!

Эта молитва очень популярна среди верующих мусульман, особенно в ши‘итской среде [Nadi Aliyyan, pas sim]. Известна в нескольких версиях, наиболее полная из которых содержит упоминания Аллаха и Мухаммада, а также троекратную инвокацию يَا أَلِيَّ «о ‘Али» в конце. В тексте, воспроизведенном на нашем шлеме, слова يَا أَلِيَّ «Твоему могуществу, о Аллах» отсутствуют, финальная же инвокация повторена лишь дважды.

Датировка и атрибуция

Шлем может быть датирован и атрибутирован на основе анализа конструкции и оформления тульи, козырька и обруча. Цельнокованные шлемы с полусферической тульей применялись воинами Западной Азии еще в эпоху раннего и развитого Средневековья [The Arts..., 2008, p. 314, 316; Горелик, 1983, с. 262, табл. VIII, рис. 11, 12; с. 264, табл. IX, рис. 2; 2002, с. 75, рис. 24, 26]. В позднем Средневековье их носили сибирские татары, узбеки, казахи, ойраты, тибетцы, бутанцы и др. [LaRocca, 2006. P. 7, 99, 134, 135; Бобров, Худяков, 2008. С. 458, рис. 189; Бобров, 2009; Бобров, Ожередов, 2021. С. 175, рис. 79; с. 176, рис. 80]. В связи с этим ключевым датирующим признаком шлема из СКОИКМ является «коробчатый» козырек, состоящий из «полки»

и «щитка». Это типичный элемент оформления шлемов XV – середины XIX в. в Центральной и континентальной Восточной Азии [Ахметжан, 2007. С. 153; Бобров, Худяков, 2008. С. 418, 426, 432, 440–444, 446, 447, 450–452; Анисимова, 2013. С. 276, 277; LaRocca, 2006. P. 7, 73–75, 77–79, 82, 85, 86, 91, 99; Бобров, Анисимова, 2013].

Однако в каждом из упомянутых регионов эволюция «коробчатых» козырьков отличалась известным своеобразием, что и позволяет использовать данный элемент шлема для датировки и атрибуции ойратских, монгольских, тибетских, казахских, минских, цинских, корейских наголовий XV – середины XIX в. Пятиугольные двухчастные козырьки с широким «щитком», ярко выраженным ребром жесткости и бортиком по нижнему краю характерны для центральноазиатских боевых и церемониальных шлемов середины рассматриваемого периода⁴. Ближайшим аналогом «коробчатого» козырька наголовья из СКОИКМ является козырек ойратского шлема из собрания Музеев Московского Кремля (рис. 5, 2). Данный образец защитного вооружения, известный в русских служебных документах как «Шапка колмыцкая большая» надежно датируется 1610-ми – началом 1680-х гг., но не позднее 1682 г., когда шлем впервые упоминается при проверке Большой Государевой Казны [Бобров, Орленко, 2020]. Вместе с тем указанные признаки конструкции козырька на шлеме из СКОИКМ выражены менее ярко, чем на ойратском аналоге, что позволяет немного раздвинуть хронологические рамки и датировать наголовье из СКОИКМ XVII – началом XVIII в.

Данная датировка хорошо согласуется с особенностями стиля и почерка надписи. По заключению В. Н. Настича, она выполнена поздней разновидностью письма *сульс*, вполне типичного для ремесленной эпиграфики Центральной Азии пост-тимуридской эпохи — невысокого каллиграфического качества, но вполне уверенной рукой *машшака*, привычной к оформлению воинской амуниции массового производства для «офицерского» контингента.

Сочетание цельнокованой полусферической тульи и «коробчатого» козырька наиболее часто встречается на боевых и церемониальных наголовьях Тибета и Бутана XVIII–XIX вв. [LaRocca, 2006. P. 7, 99, 134, 135; Бобров, Ожередов, 2021. С. 175, рис. 79, с. 176, рис. 80]. Однако наличие арабских надписей на обруче практически исключает вероятность изготовления рассматриваемого шлема бутанскими или тибетскими мастерами, исповедовавшими буддизм.

⁴ Подобными козырьками, в частности, снабжены ойратские шлемы конца XVI – начала XVIII в. [Бобров, Худяков, 2008. С. 440, 441, 443, 444].

До нашего времени дошли османские, мамлюкские и иранские наголовья с цельнокованой полусферической тульей украшенной золотой насечкой [Робинсон, 2006. Табл. VIIa, IXв; The Arts..., 2008. P. 316]. Некоторые османские, иранские и среднеазиатские шлемы XVI–XIX вв. украшены горизонтальными «картушами» подпрямоугольной формы с фестончатым краем [Государева Оружейная палата, 2002. С. 60–62, 64; Khorasani, 2006. P. 716; Бобров, 2014]. Их внутреннее поле покрыто надписями на арабском языке или растительным орнаментом. На некоторых шлемах «картуши» перемежаются четырехлепестковыми цветками [Там же]. Подобное оформление сближает наголовье из СКОИКМ с изделиями оружейников Западной Азии. Однако для шлемов османского и иранского производства совершенно не характерны клепаные обручи и особенно двухчастные «коробчатые» козырьки. Это не позволяет отнести рассматриваемое наголовье к числу произведений западноазиатских ремесленников.

Сочетание цельнокованой тульи с арабскими надписями и «коробчатого» козырька монголо-тюркского образца дает основания предположить, что шлем был изготовлен мусульманскими мастерами Средней Азии или, менее вероятно, Южного Казахстана. Его ближайшие аналоги хранятся в фондах Центрального государственного музея Республики Казахстан (ЦГМРК) и Национального музея Республики Казахстан (НМРК).

В отличие от рассматриваемого образца цельнокованая туля шлема из ЦГМРК (КП 2070/7) имеет не полусферическую, а сферокопническую форму⁵, однако к наlobной части купола приклепан «коробчатый» козырек, хотя и несколько иной конструкции и системы оформления (рис. 5, 3). Нижняя часть этого шлема украшена «псевдообручем» из арабских надписей, выполненных в технике золотой насечки по металлу. «Полка» и «щиток» козырька покрыты растительным орнаментом. Шлем из ЦГМРК был изготовлен мастерами Средней Азии или Южного Казахстана. Данный факт свидетельствует о том, что сочетание «коробчатого» козырька и цельнокованого купола, украшенного мусульманской символикой, не было чем-то исключительным для изделий кузнецов-оружейников рассматриваемого региона.

Важную роль в атрибуции шлема из СКОИКМ играет оригинальный узор на его обруче, представляющий собой цепь разомкнутых золотых колец. На наш взгляд, данный рисунок, выполненный в тех-

⁵ Не исключено, что и шлем из СКОИКМ до установки медного подвешия также имел сферокопнический силуэт, образованный коническим или полусферическим подвешием и трубкой-втулкой для плюмажа.

Рис. 5. Особенности конструкции и оформления: 1 – шлем из СКОИКМ; 2 – козырек «Шапки колмыцкой большой» из ММК, 10-е – начало 80-х гг. XVII в. [по: Бобров, Орленко, 2020]; 3 – шлем из ЦГМРК (КП 2070/7), фото Л. А. Боброва; 4 – крепежная бляха колчана из ТИАМЗ; 5 – оформление шлема из НМРК (ПМО УК 8228), фото Д. Исмаилова

Fig. 5. Design and decoration features: 1 – helmet from SKOIKM; 2 – visor «of Kolmyk Bolshaya Hat» from MMK, 10th – early 80s. 17th century [after: Bobrov, Orlenko, 2020]; 3 – helmet from TsGMRK (KP 2070/7), photo by L. A. Bobrov; 4 – fastening plate of a quiver from TIAMZ; 5 – design of a helmet from NMRK (PMO UK 8228), photo by D. Ismailov

нике насечки по металлу, имитирует традиционный для позднесредневековой Средней Азии способ украшения предметов вооружения рядами мелких круглых «гнезд» («кастов») с драгоценными и полудрагоценными камнями или кусочками цветного стекла [Художественное оружие..., 2010. С. 96–99, рис. 161, 163, 165, 167, 168, 172, 173; Анисимова, 2013. С. 261, 267, 270, 271, 273, 276–277; Бобров, Шереметьев, 2017].

Узор из золотых «жемчужин», присутствующий на козырьке шлема из СКОИКМ, также фиксируется на боевых и парадных шлемах среднеазиатского и иранского производства: «шапке Кучумовской» из Оружейной палаты Московского Кремля (ОР-164), шлеме «кула-худ» из собрания Российского этнографического музея (№ 3806-1), шишаке из Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (№ 0138/95) и др. [Государева Оружейная палата, 2002. С. 50–52; Бобров, Анисимова, 2013; Бобров, 2014].

Узор в виде гирлянды золотых S-образных завитков можно наблюдать на крепежной бляхе «ушка» позднесредневекового колчана из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (ТИАМЗ). Да и в целом декоративное оформление бляхи весьма близко стилистике узора шлема из СКОИКМ (рис. 5, 4). Судя по крою и отделке, колчан был выполнен в центральноазиатской (ойрато-монголо-тибетской) традиции, но крепежные бляхи для него изготовил среднеазиатский ювелир.

Наконец, в пользу нашей гипотезы о среднеазиатском происхождении наголовья из СКОИКМ свидетельствует и знаменитый позолоченный шлем из собрания НМРК (ПМО УК 8228). Некоторые элементы его декоративного оформления практически в точности соответствуют декору рассматриваемого наголовья. Так, тулья этого шлема украшена золотыми «картушами» с фестончатым краем, в которые помещены надписи на арабском языке; фон «картушей» убран золотыми «искрами», а в качестве окантовки использован ряд из характерных S-образных завитков (рис. 5, 5).

Выводы

Проведенный типологический анализ позволил уточнить время изготовления и атрибуцию шлема (инв. № СКОМ оф. 455) из собрания Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. Предложенная нами ранее широкая датировка шлема (вторая половина XVI – середина XVIII в.) сохраняет свою актуальность. В то же время изучение конструкции козырька и надписи дало возможность

выделить внутри данного периода более узкую дату изготовления наголовья – XVII – начало XVIII в. Наиболее вероятно, что шлем был выкован оружейниками Мавераннахра, Восточного Туркестана или одного из присырдарьинских городов Южного Казахстана. Заказчиком шлема мог быть состоятельный узбекский, уйгурский или казахский воин. Характерно в данной связи, что все три упомянутых в статье шлема, имеющих схожий декор, происходят с территории Казахстана, что косвенно свидетельствует в пользу того, что данные наголовья могли использоваться представителями высшей казахской аристократии. Судя по следам реконструкции и ремонта, шлем из СКОИКМ мог применяться в качестве боевого или церемониального наголовья на протяжении длительного исторического периода, вплоть до середины XIX в. включительно.

Благодарности

Авторы выражают благодарность директору СКОИКМ Мукушевой Гульнаре Бутановне, краеведу Мелехиной Лидии Матвеевне, ведущему научному сотруднику Музеев Московского Кремля, кандидату исторических наук Василию Рудольфовичу Новоселову.

Список литературы

Анисимова М. А. Оружие Востока XV – первой половины XX века: из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: Атлант, 2013. 527 с.

Ахметжан К. С. Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы: Алматыкитап, 2007. 216 с.

Ахметжан К. С. Шлем Богенбай батыра // «Актуальные вопросы военной истории Казахстана», посвященные 5-летию Военно-исторического музея Вооруженных Сил Республики Казахстан. Астана: б.и., 2020. С. 206–213.

Байтенова С. О. Тайны старинного шлема // Музейные раритеты в проекции истории казахской государственности : Сб. ст. науч.-практ. конф. в рамках межрегионального музейного фестиваля, посвященного 550-летию Казахского ханства. Кокшетау: б.и., 2015. С. 78–80.

Бобров Л. А. «Татарский» шлем с комбинированной бармицей из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 3. С. 251–254.

Бобров Л. А. Шлем «кула-худ» из «Арсенала хана Джангира» // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 5. С. 263–270.

Бобров Л. А., Анисимова М. А. Центральноазиатские шлемы позднего Средневековья и раннего Нового времени из Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 3. С. 196–207.

Бобров Л. А., Орленко С. П. «Шапка колмыцкая большая» из собрания Музеев Московского Кремля // *Oriental Studies*. № 5. 2020. С. 1184–1217.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2008. 770 с.

Бобров Л. А., Шереметьев Д. А. «Узбекский» шлем XVII – XIX в. из собрания Российского этнографического музея // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 4(20). С. 178–189.

Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1983. С. 244–269.

Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV вв.: Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: Вост. горизонт, 2002. 84 с.

Государева Оружейная палата. СПб.: Атлант, 2002. 408 с.

Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М.: ИВЛ, 1963.

Коран. Перевод с арабского и комментарий. М.-Н. О. Османова. М.: Ладомир; Вост. лит., 1995.

Робинсон Р. Доспехи народов Востока. История оборонительного вооружения. М.: Центрполиграф, 2006. 280 с.

Художественное оружие из собрания Государственного Эрмитажа: каталог выставки. СПб.: Славия, 2010. 272 с.

Khorasani M. M. Arms and Armor from Iran: The Bronze Age to the End of the Qajar Period. Tubingen: Legat, 2006. 776 pp.

LaRocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. N. Y.: Yale University Press, 2006. 307 pp.

Nadi Aliyyan <smma59.wordpress.com/2008/10/30/naade-ali/>; <www.shiachat.com/forum/topic/235000432-nade-ali-daif/>; <www.duas.org/nadali.htm>; и др.). Дата обращения – 27.10.2022.

The Arts of the Muslim Knight: The Furusiyya Art Foundation Collection. Milan: Skira, 2008. 416 pp.

References

Akhmetzhan K. S. Etnografiya traditsionnogo vooruzheniya kazakhov. Almaty: Almatykitap Publ., 2007, 216 p. (In Russ.).

Akhmetzhan K. S. Shlem Bogenbai batyra. In: «Aktual'nye voprosy voennoi istorii Kazakhstana», posvyashchennye 5-letiyu Voенno-istoricheskogo muzeya Vooruzhennykh Sil Respubliki Kazakhstan. Astana: w/o publisher, 2020, pp. 206–213. (in Russ.).

Anisimova M. A. Oruzhie Vostoka XV – pervoi poloviny XX veka: iz sobraniya Voенno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi. SPb.: Atlant Publ., 2013, 527 p. (In Russ.).

Baitenova S. O. Tainy starinnogo shlema. In: Sbornik statei nauchno-prakticheskoi konferentsii «Muzeinye raritety v proektsii istorii kazakhskoi gosudarstvennosti» v ramkakh mezhregional'nogo muzeinogo festivaля, posvyashchennogo 550-letiyu Kazakhskogo khanstva. Kokshetau: w/o publisher, 2015, pp. 78–80. (in Russ.).

Bobrov L. A. «The Tatar» helmet with combined camail (protection of a neck and a throat) from the Tobolsk State Historical-Architectural Museum-Reserve. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2009, vol. 8, № 3, pp. 251–254. (In Russ.)

Bobrov L. A. «Kulah-Khud» helmet from the collection of khan Zhangir. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2014, vol. 13, № 5, pp. 263–270. (In Russ.)

Bobrov L. A., Anisimova M. A. Central Asian helmets of late middle ages and early modern age from the military-historical museum of artillery, engineer and signal corps. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, vol. 12, № 3, pp. 196–207. (In Russ.)

Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noi Azii i Yuzhnoi Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.). SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2008, 770 p. (In Russ.).

Bobrov L. A., Orlenko S. P. «Kalmyk Shapka Bolshaya»: An Oirat Helmet from the Moscow Kremlin Museums Collection. *Oriental Studies*, 2020, vol. 13, № 5, pp. 1184–1217. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1184-1217

Bobrov L. A., Sheremetev D. A. «Uzbek» helmet of the 17th – the beginning of the 19th century from the collection of the Russian ethnographic museum. *Theory and practice of archaeological research*, 2017, vol. 20, № 4, pp. 178–189. (In Russ.). DOI: 10.14258/tpai(2017)4(20).-14

Gorelik M. V. Mongolo-tatarskoe oboronitel'noe vooruzhenie vtoroi poloviny XIV – nachala XV v. In: Kulikovskaya bitva v istorii i kul'ture nashei Rodiny. M.: Izd-vo Mosk. gos. un-ta, 1983, pp. 244–269. (In Russ.).

Gorelik M. V. Armii mongolo-tatar X–XIV vv.: Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie. M.: Vost. Gorizont Publ., 2002, 84 p. (In Russ.).

Gosudareva Oruzheinaya palata. SPb.: Atlant Publ., 2002, 408 p. (In Russ.).

Khorasani M. M. Arms and Armor from Iran: The Bronze Age to the End of the Qajar Period. Tubingen: Legat, 2006, 776 p.

Khudozhestvennoe oruzhie iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha: katalog vystavki. SPb.: Slaviya Publ., 2010, 272 p. (In Russ.).

Koran. Translation and comments by I. Yu. Krachkovsky. M.: “Oriental literature” Publishing House, 1963.

Koran. Translation from Arabic and comments by M.-N. O. Osmanov. M.: Ladomir; Vost. Lit., 1995.

LaRocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. N. Y.: Yale University Press, 2006, 307 p.

Nadi Aliyyan (numerous Internet resources: see e.g.: <smma59.wordpress.com/2008/10/30/naad-e-ali/>; <www.shiachat.com/forum/topic/235000432-nade-ali-daif/>; <www.duas.org/nadali.htm>; and many others). Reference date – 27.10.2022.

Robinson R. Dosppekhi narodov Vostoka. Istoriya oboronitel'nogo vooruzheniya. M.: Tsentrpoligraf Publ., 2006, 280 p. (In Russ.).

The Arts of the Muslim Knight: The Furusiyya Art Foundation Collection. Milan: Skira, 2008, 416 p.

*Материал поступил в редакцию
Received
25.10.2022 г.*

Информация об авторах / Information about the Authors

Бобров Леонид Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований; доцент кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, spsml@mail.ru).

ORCID: 0000-0001-5071-1116

Leonid A. Bobrov, Doctor of History, leading researcher at the Laboratory for Humanitarian Studies; Associate Professor of Department of Ar-

chaology and Ethnography in Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, spsml@mail.ru).

ORCID: 0000-0001-5071-1116

Байтенова Сауле Орынбасаровна, заведующая отдела этнографии Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (2002–2017 гг.) (ул. Конституции Казахстана, 48, Петропавловск, 150000, Казахстан, E-mail: baitensaule@mail.ru

Saule O. Baitenova, Head of the Ethnography Department of the North Kazakhstan Regional Museum of Local History (2002-2017) (Constitution of Kazakhstan str., 48, Petropavlovsk, 150000, Kazakhstan, E-mail: baitensaule@mail.ru

Настич Владимир Нилович, кандидат исторических наук, заведующий отделом памятников письменности народов Востока Института востоковедения Российской Академии наук (ул. Рождественка, 12, Москва, 107031, Россия, vnn@bk.ru ; vladimir@nastich.net).

ORCID: 0000-0003-3519-8734

Vladimir N. Nastich, PhD in History, Head of the Department of oriental written sources, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (12 Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russian Federation, , vnn@bk.ru ; vladimir@nastich.net).

ORCID: 0000-0003-3519-8734

Наконечники рогатин и пик из собрания Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника

Б. А. Илюшин

*Лаборатория гуманитарных исследований НГУ
г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1, 630090
arunta-desert@yandex.ru*

Аннотация

В научный оборот вводится информация о четырёх наконечниках длиннодревкового оружия из собрания Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Первые три наконечника находились среди старых поступлений музея, происхождение их неизвестно. Четвёртый экземпляр был передан в 1923 или 1925 г. в музей сыном известного нижегородского фотографа и собирателя древностей А. О. Карелина. Место приобретения наконечника фотографом неизвестно. В ходе работы анализируются конструктивные особенности наконечников, уточняются хронологические рамки, ареал и степень распространения подобных изделий. При анализе и интерпретации материалов применяется сравнительно-исторический метод, позволяющий определить аналогии рассматриваемым наконечникам. Первые три экземпляра можно охарактеризовать как втульчатые наконечники с широким удлинённо-треугольным и удлинённо-ромбическим пером и несведённым швом на втулке. Широкое массивное перо позволяет отнести их к рогатинам – популярному виду длиннодревкового оружия в России XV–XVII вв. Проведённый анализ и поиск аналогий позволили датировать их широким хронологическим интервалом XVI–XVII вв. Подобное оружие использовалось русскими ратниками, в первую очередь пешими – кошевой прислугой, ополченцами, городовыми казаками и др., поскольку в указанное время длиннодревковое оружие редко встречалось на вооружении дворян и детей боярских, а если и встречалось, то чаще в виде пик и копей. Подобные наконечники восходят к местным образцам домонгольского времени. Четвёртый экземпляр определён как наконечник казацкой «уставной» пики образца 1839 г.

Ключевые слова

Наконечники, длиннодревковое оружие, пики, рогатины, холодное оружие

Благодарности

Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки России в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021)..

Для цитирования

Илюшин Б. А. Наконечники рогатин и пик из собрания Нижегородского государственного историко-архитектурного музея заповедника // *Universum Humanitarium*. 2022. № 1. С. 66–84

DOI 10.25205/2499-9997-2022-1-66-84

Spearheads of boar-spear and peaks from the collection of the Nizhny Novgorod State historical and architectural museum-park

67

Boris A. Ilushin

*PhD in History, Junior Researcher at the Laboratory
of Humanities at the Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation
arunta-desert@yandex.ru*

Abstract

In this article we introduced into scientific turnover four spearheads of long-barreled weapons from the collection of the Nizhny Novgorod state Historical and Architectural Museum-park. The first three tips were among the old receipts of the museum, their origin is unknown. The fourth exemplar was transferred to the museum in 1923 or 1925 by the son of famous photographer and collector of antiquities A. O. Karelin (Nizhny Novgorod). The place of acquisition of the tip by the photographer is unknown. We analyzed the design features of the spearheads, clarified the chronological framework, the area and extent of distribution of such products. In the analysis and interpretation of materials, a comparative historical method was used to determine the analogies of the tips. The first three exemplars can be characterized as hollow tips with a wide elongated-triangular and elongated-rhombic feather and an unconnected seam on the sleeve. A wide, massive feather allows them to be attributed to boar-spears (rogatina) – a popular type of long-shaft weapons in Russia of the XV–XVII centuries. The analysis and the search for analogies made it possible to date them with a wide chronological interval of the XVI–XVII centuries. Such weapons were used by Russian warriors, primarily «infantry» – convoy servants, militia, city Cossacks, etc., since at the specified time long-shaft weapons were rarely found in the arms of nobles and boyar children, and if they were, then more often in the form of spades and spears. Similar aspearheads date back to local samples of pre-Mongol time. The fourth copy is defined as the tip of the Cossack «statutory» pike of the sample of 1839.

Keywords

Spearheads, long-barreled weapons, pikes, slingshots, boar-spears, edged weapons.

Acknowledgements

Spearheads, long-barreled weapons, pikes, slingshots, boar-spears, edged weapons

For citation

B. Ilushin Spearheads of boar-spear and peaks from the collection of the Nizhny Novgorod state historical and architectural museum-park // *Universum Humanitarium*. 2022. № 1. P. 66–84.

DOI 10.25205/2499-9997-2022-1-66-84

Введение

Долгое время русское позднесредневековое вооружение оставалось слабоизученным. Предпочтение отдавалось более раннему времени, чему способствовал и больший объем археологического материала XI–XIV вв. [Двуреченский, 2015. С. 67]. Написанные в последние годы работы по частным [Бобров, Филиппович, 2015; Бобров, Худяков, 2010; Комаров, 2016; Несин, 2019; Шиндлер, 2019] и общим [Багрин, 2013; Двуреченский, 2015; Пенской, 2008] вопросам, демонстрирующие рост интереса к военному делу Московского царства XV–XVII вв. и его соседей, тем не менее, не охватили весь доступный материал, что делает актуальным привлечение информации о новых предметах вооружения из музейных собраний, частных коллекций и позднесредневековых археологических памятников. Кроме того, исследование хранящихся в запасниках предметов позволяет уточнить их датировку, что важно для музейного дела.

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот четырёх наконечников длиннодревкового оружия, хранящихся в собрании Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (НГИАМЗ), до настоящего момента не становившихся объектом самостоятельного исследования. При анализе и интерпретации материалов применялся сравнительно-исторический метод, позволяющий определить аналогии рассматриваемым наконечникам.

Ранее нами уже были введены в научный оборот пять наконечников длиннодревкового оружия из собрания НГИАМЗ [Илюшин, 2019; Илюшин, 2020].

Три ромбических в сечении наконечника рогатин с декоративными завитками (отрожками), отверстиями на плоскости пера и «яблоком» на шейке втулки относятся к двум типам. Удлиненно-ромбический тип представлен двумя экземплярами. Экземпляр с инвентарным номером ГОМ 11943. ИМ 1512. ОР 378 (рис. 1, 1) передан в фонды НГИАМЗ после 1945 г. из собрания музея г. Лысково. Источник поступления неизвестен. Можно предположить, что наконечник происходит из Макарьевского Желтоводского монастыря. Экземпляр ГОМ 7274-13. ОР 451 (рис. 1, 2) передан в музей после 1917 г. сыном известного художника и фотографа А. О. Карелина (1837–1906 гг.), интересовавшегося российскими древностями. Место приобретения изделия неизвестно. К удлинённо-треугольному типу отнесён один наконечник с инвентарным номером ГОМ 7274-10. ОР 382 (рис. 1, 3).

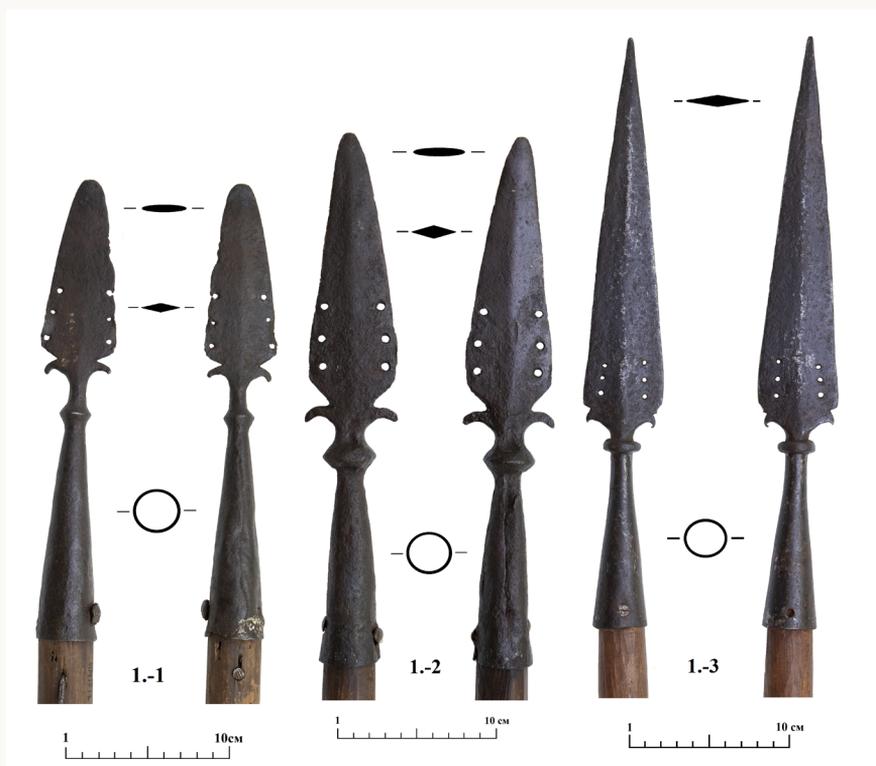

Рис. 1. Наконечники НГИАМЗ (с двух сторон): 1 – наконечник № 1, инвентарный номер ГОМ 11943. ИМ 1512. ОР 378; 2 – наконечник № 2, инвентарный номер ГОМ 7274-13. ОР 451; 3 – наконечник № 3, инвентарный номер ГОМ 7274-10. ОР 382
 Fig. 1. 1.-1 Spearhead No. 1 (from both sides), inventory number ГОМ 11943. ИМ 1512. ОР 378; (NNHAMP). 2. Spearhead No. 2 (from both sides), inventory number ГОМ 7274-13. ОР 451; (NNHAMP). 3. Spearhead No. 3 (from both sides), inventory number ГОМ 7274-10. ОР 382. (NNHAMP)

Данный наконечник также происходит из собрания А. О. Карелина. Наличие отрощков у основания пера и декоративных отверстий в поверхности пера являются характерными элементами одного из типов наконечников русских рогатин XVII в. [Илюшин, 2019].

Два наконечника пик с треугольным сечением пера отнесены к типу шиловидных с двумя вариантами.

Вариант 1 (инвентарный номер ГОМ 7259-1 ОР 389) представлен шиловидным наконечником с уплощённым «яблоком» и оттяжками (пожилинами) на втулке (рис. 2, 1).

Вариант 2 (инвентарный номер ГОМ 7259-2 ОР 391) с уплощённым гранёным «яблоком» не имеет оттяжек (рис. 2, 2).

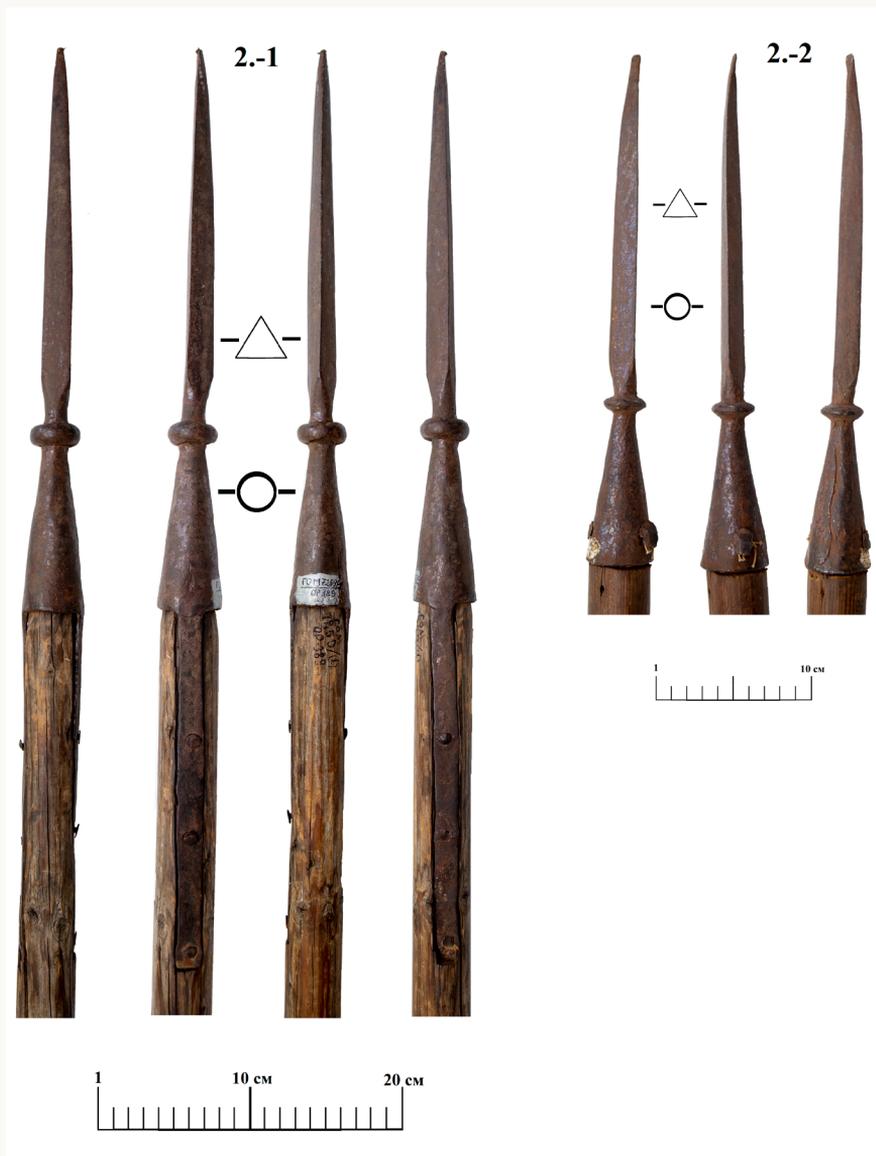

Рис. 2. Наконечники НГИАМЗ: 1 – наконечник № 4 (с четырёх сторон),
инвентарный номер ГОМ 7259-1 ОР 389; 2 – наконечник № 5 (с трёх сторон),
инвентарный номер ГОМ 7259-2 ОР 391

Рис. 2. 1. Spearhead No. 4 (from four sides), inventory number GOM 7259-1 OR 389
(NNHAMP). 2. Spearhead No. 5 (from three sides), inventory number GOM 7259-2 OR
391 (NNHAMP)

Оба наконечника были переданы в собрание НГИАМЗ после 1917 г. сыном художника и фотографа А. О. Карелина. Место приобретения наконечника фотографом неизвестно. Исходя из рассмотренных в статье аналогий, охарактеризованные нами наконечники пик можно датировать в сравнительно широких пределах со второй половины XVI до конца XVII в., а, возможно, даже по середину XIX в. Наиболее вероятно их российское производство в конце XVI – первой половине XVII в. и использование конными или пешими военными формированиями (как старыми – дворянами, казаками, посадским ополчением, так и полками нового строя – пикинёрами, солдатами, кавалерией) [Илюшин, 2020].

Результаты исследований и их обсуждение

Переходя к рассмотрению не опубликованных ранее наконечников, отметим, что все они относятся к классу железных, по способу насада на древко – к отделу втульчатых.

Первые три экземпляра могут быть отнесены к категории рогатин. Они находятся в сравнительно хорошем состоянии и насажены на более поздние древки. По сечению пера наконечники относятся к группе ромбических. По форме пера можно выделить два типа.

К удлинённо-треугольному относится один экземпляр с инвентарным номером ГОМ 7254-1 ОР 364 (рис. 3). Наконечник покрыт налетом ржавчины. Общая длина 24,3 см. Длина пера 14,5 см. Ширина пера в нижней части 4,5 см, в средней части (в 7,2 см от острия) – 3,4 см, в нижней части (в 3 см от острия) – 2,1 см. Максимальная толщина пера 0,6 см. Острие затуплено, левый край пера неровный. Плечики слабо сглажены. Левое плечико сильно приподнято. Пропорции пера (ширина у основания к длине) – 1 × 3,2. Длина втулки 10 см. Диаметр втулки в верхней части 1,9 см, в средней части (в 5 см от края) – 2,5 см, в нижней части – 3 см. Толщина стенок втулки 0,3 см. Шов не сведен. На левой стороне по краю втулки имеется П-образная выбоина. На лицевой стороне втулки в 0,8 см от края находится отверстие для крепежного гвоздя. В него вставлен штырь, выходящий с обратной стороны древка на месте шва втулки. Благодаря наличию шва на втулке можно выделить лицевую и тыльную стороны.

К удлинённо-ромбическому типу относятся два экземпляра.

Первый имеет инвентарный номер ГОМ 7254-2 ОР 452 (рис. 4). Общая длина 26 см. Длина пера 16 см. Ширина пера в нижней части 5 см, в средней части (в 8 см от острия) – 4 см, в нижней части (в 3 см от острия) – 2,1 см. Максимальная толщина пера 0,7 см. Острие при-

Рис. 3. Наконечник № 6 (с двух сторон), инвентарный номер ГОМ 7254-1 ОР 364 (НГИАМЗ)

Рис. 3. Spearhead No. 6 (from both sides), inventory number GOM 7254-1 OR 364 (NNHAMP)

Рис. 4. Наконечник № 7 (с двух сторон), инвентарный номер ГОМ 7254-2 ОР 452 (НГИАМЗ)

Рис. 4. Spearhead No. 7 (from both sides), inventory number GOM 7254-2 OR 352 (NNHAMP)

туплено, правый нижний край имеет выбоины. Сечение сильно сглаженное, почти линзовидное. Пропорции пера (ширина у основания к длине) – $1 \times 3,2$. Длина втулки 11 см. Диаметр втулки в верхней части 1,8 см, в средней части – 2,8 см, в нижней части – 3,8 см. Толщина стенок втулки 0,1 см. Шов не сведен. На лицевой стороне втулки в 1,5 см от края находится отверстие для крепления с уже вставленным гвоздем. Благодаря наличию шва на втулке можно выделить лицевую и тыльную стороны.

Второй экземпляр имеет инвентарный номер ГОМ 7254-4 ОР 365 (рис. 5). Общая длина наконечника 29,5 см. Длина пера 17 см. Ширина пера в нижней части 4,9 см, в средней части (в 9 см от острия) – 3,8 см, в нижней части (в 3 см от острия) – 1,8 см. Максимальная толщина пера 0,8 см. Острие притуплено, чуть загнуто вперед. У основания пера на лицевой стороне имеется выемка в форме трапеции, расширяющаяся кверху (высота выемки 2 см, ширина верхнего края 1 см, ширина нижнего края – 0,6 см). Края плечиков утолщены и выступают вперед. Пропорции пера (ширина у основания к длине) – $1 \times 3,4$. Длина втулки 12,5 см. Диаметр втулки в верхней части 1,9 см, в средней части – 2,9 см, в нижней части – 4 см. Толщина стенок втулки 0,3 см. Шов не сведен. По бокам втулки имеются отверстия для крепежного гвоздя. Правое расположено в 1,3 см от края втулки, левое – в 1,5 см. В отверстие вставлен штырь. В нижней трети втулки левее центра имеется подквадратное отверстие. Благодаря наличию шва на втулке можно выделить лицевую и тыльную стороны.

Все три наконечника были обнаружены при сверке старых поступлений музея, их происхождение неизвестно. Но они могут быть датированы и атрибутированы по особенностям конструкции и системе оформления элементов.

Большая ширина пера и абсолютные размеры наконечников позволяют отнести их к рогатинам – одному из трех основных видов длиннодревкового оружия (наряду с копьями и пиками) [Двуреченский, 2015. С. 103–112].

Данный вид оружия использовался для нанесения широкой кровоточащей раны незащищенному доспехом противнику. Рогатина, в отличие от пика, была малоэффективна против неприятеля, защищенного доспехом. В XVI – первой трети XVII в. длиннодревковое оружие на вооружении русских дворян встречалось редко (уступая первое место саадаку и сабле), однако его продолжала активно использовать кошева я «прислуга», особенно пешие ратники – посадское ополчение, даточные люди, городовые казаки [Богоявленский, 1938. С. 266–267; Книги разрядных, 1853. Ст. 515, 517–519, 569, 571–

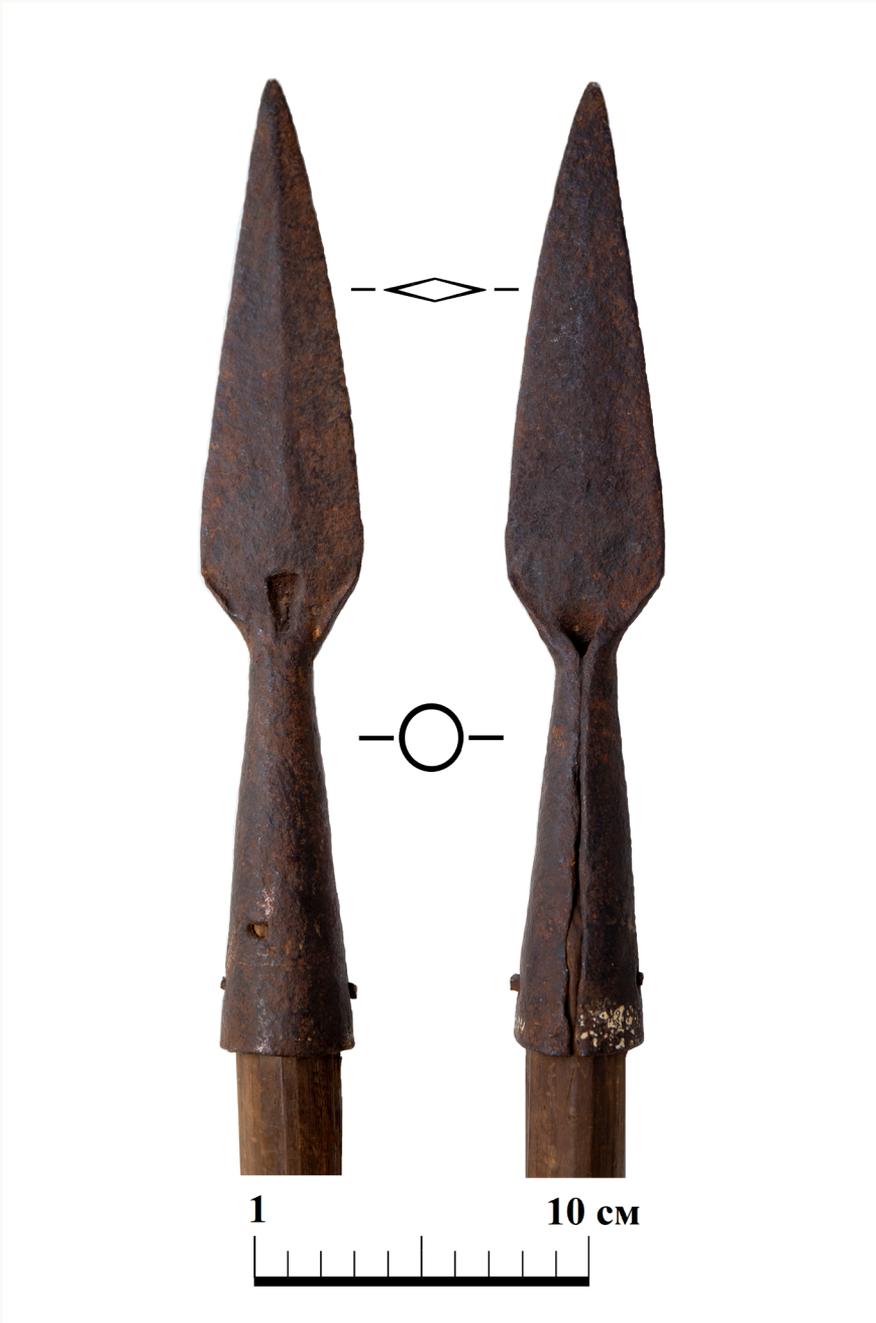

Рис. 5. Наконечник № 8 (с двух сторон), инвентарный номер ГОМ 7254-4 ОР 365 (НГИАМЗ)

Рис. 5. Spearhead No. 8 (from both sides), inventory number GOM 7254-4 OR 365 (NNHAMF)

575, 656]. К тому же конники использовали в первую очередь пики (*спицы*) и копья. Видимо, изначально рогатина была орудием охоты на крупную дичь и в таком качестве продолжала использоваться в XVII в., что говорит об универсальности этого вида оружия [Бобров, Филиппович, 2015. С. 95].

Русские рогатины изучались трудами В. А. Городцова, С. К. Богоявленского, А. Ф. Медведева, А. Н. Кирпичникова, О. В. Двуреченского [Городцов, 1913. С. 14–15; Богоявленский, 1938. С. 266–267; Медведев, 1959. С. 127; Кирпичников, 1976. С. 21–22; Двуреченский, 2015. С. 104–105, 110]. Сибирские находки анализировались в статьях Л. А. Боброва, Ю. С. Худякова [Бобров, Худяков, 2010. С. 179; Бобров и др., 2014. С. 119–120].

Наиболее проработанной нам видится классификация позднесредневековых наконечников длиннодревкового оружия, разработанная О. В. Двуреченским на базе трудов А. Н. Кирпичникова и В. А. Городцова. В его классификации наконечники, схожие с рассмотренными нами, определены как «наконечники рогатин небольших размеров с характерным подтреугольным, ближе к ромбовидному, очертанием пера и крупной тяжелой втулкой» и отнесены к типу 2. Учтено шесть экземпляров. Длина наконечников 150–304 мм, длина пера 65–71 мм, ширина – 30–60 мм. Археологически такие наконечники датируются XVI–XVII вв. О. В. Двуреченский отмечает, что данный тип наконечников восходит еще к домонгольским формам и имеет давнюю традицию изготовления в Московском государстве [Двуреченский, 2015. С. 104–105, 110; Медведев, 1959. С. 127]. Будучи сравнительно простыми в изготовлении, они были широко распространены среди русских ратников, с которыми попали и в Сибирь, откуда происходят несколько известных экземпляров [Бобров и др., 2012. С. 21. Рис. 1, 1–4, 20]. Более точно датировать наконечники данного типа, включая рассмотренные нами экземпляры, ввиду их простой конструкции и отсутствия дополнительных деталей, затруднительно.

Четвёртый экземпляр под инвентарным номером ГОМ 7260-3 ОР 388 (рис. 6) может быть определён как наконечник пики. По сечению пера он относится к группе четырёхгранных, по форме пера – к типу удлинённо-треугольных. Состояние наконечника сравнительно хорошее, но со значительным налётом ржавчины, с тыльной стороны втулки – выбоина и дыра. Наконечник заметно искривлён.

Общая длина наконечника 22,4 см. Длина пера 13,3 см. Ширина пера внизу 2 см, в средней части (6 см от низа) – 1,4 см. Толщина пера внизу 1,5 см, в средней части (6 см от низа) – 1 см.

Рис. 6. Наконечник № 9 (с трёх сторон), инвентарный номер ГОМ 7260-3 ОР 388 (НГИАМЗ)

Рис. 6. Spearhead No. 9 (from three sides), inventory number GOM 7260-3 OR 388 (NNHAMP)

Длина втулки 8,5 см. Диаметр втулки в нижней части 4,2 см, в верхней части – 1,4 см. Толщина стенок втулки 0,3 см; снизу втулка имеет утолщение толщиной 0,5 см. На втулке слабо прослеживается заваренный шов, позволяющий выделить тыльную и лицевую стороны; перо искривлено назад, приблизительно на 13 часов. На втулке по бокам имеются два отверстия для гвоздей; левый гвоздь со шляпкой диаметром 1,2 см, правый – 0,4 см.

Экземпляр был передан в 1923 или 1925 гг. в музей сыном А. О. Карелина. Место приобретения наконечников неизвестно.

Данный наконечник по своим конструктивным особенностям может быть определён как казацкая уставная пика образца 1839 г. Стандартизированные пики подобной конструкции призваны были заменить в казачьих частях применявшиеся ранее разнообразные типы пик, хотя до конца стандартизировать казачий арсенал длиннодревкового оружия тогда, видимо, не получилось, что связано с отсутствием государственного снабжения казаков оружием такого типа. Казаки вооружались пиками за свой счёт, что приводило к разнообразию форм и размеров наконечников. Длина такой уставной пик с оригинальным древком – 340 см, длина уставного наконечника – 25 см, ширина древка – 3,5 см. [Кулинский, 2001. С. 281–282]. В связи с этим можно сделать два дополнительных наблюдения. Во-первых, экземпляр из НГИАМЗ на 2,6 см короче уставного. Этого как раз говорит о частном заказе на такую пик, о её неказённом происхождении. Во-вторых, можно допустить, что наконечник насажен на аутентичное древко, поскольку по диаметру оно соответствует уставному, хотя выглядит новым и сильно укорочено (88 см), что может объясняться нуждами хранения в музее или коллекции А. О. Карелина.

Кроме того, нужно отметить, что в музейной экспозиции НГИАМЗ в Нижегородском кремле в настоящее время находятся три наконечника представленных выше типов. Наконечник рогатины удлинённо-ромбического типа с декоративными отрощками, отверстиями и «яблоком» на шейке пера обычен (рис. 7, 1). Оригинальную форму имеет другой наконечник рогатины удлинённо-треугольного типа с теми же декоративными элементами (рис. 7, 2), поскольку его перо сильно вытянуто (соотношение ширины пера у основания и его длины – ок. 1 × 7,5) и в нём имеется, соответственно, сразу восемь пар отверстий. Третий экземпляр представлен шиловидным наконечником пик, схожим с ранее опубликованными нами (рис. 7, 3). В собрании НГИАМЗ хранятся ещё два необычных наконечника, которым будет посвящено отдельное исследование.

7-1

7-2

7-3

Рис. 7. Наконечники из экспозиции НГИАМЗ: 1 – наконечник № 10; 2 – наконечник № 11; 3 – наконечник № 12

Рис. 7. 1. Spearhead No. 10. Museum exposition; 2. Spearhead No. 11. Museum exposition; 3. Spearhead No. 12. Museum exposition

Заключение

Предпринятый анализ наконечников рогатин позволил определить их аналогии, представленные в оружейных коллекциях, музейных собраниях и археологических материалах. Это позволяет датировать рассмотренные нами экземпляры широкими хронологическими рамками XVI–XVII вв. Их следует отнести к двум близким типам, распространенным среди российских ратников того времени, восходящим к старинным, домонгольским образцам. В первую очередь рогатины использовали пешие ратники – кошевая прислуга, ополченцы, городовые казаки и др. С русскими ратниками такие наконечники проникли и в Сибирь.

Четвёртый рассмотренный нами экземпляр уверенно определяется как наконечник «уставной» казацкой пики образца 1839 г., вероятно, кустарного производства.

*Материал поступил в редакцию
Received
29.09.2022*

Список литературы

Багрин Е. А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб.: Нестор-История, 2013. 288 с.

Богоявленский С. К. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Ист. зап. М.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 4. С. 258–283.

Бобров Л. А., Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI – XVII в. // Вооружение и военная организация: Учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 2012. 128 с.

Бобров Л. А., Филиппович Ю. А. Копейный наконечник с S-образными «отрожками» из Сузунского района Новосибирской области // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 3: Археология и этнография. С. 93–99.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С., Филиппович Ю. А. Новая находка копейного наконечника с «отрожками» на территории Южной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Ин-т археол. и этногр. СО РАН, 2014. Т. 20. С. 118–120.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Копья с завитками-отрожками как пример взаимовлияния русских, тюркских и монгольских во-

енно-культурных традиций на территории Южной Сибири в XVII–XVIII веках // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 3: Археология и этнография. С. 174–181.

Городцов В. А. Описание холодного оружия Исторического музея // Тр. Ист. музея. М.: Синодальная типография, 1913. 38 с.

Двуреченский О. В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула: Изд-во Гос. музея-заповедника «Куликово поле», 2015. 498 с.

Илюшин Б. А. Наконечники рогатин из собрания Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, вып. 5: Археология и этнография. С. 146–153.

Илюшин Б. А. Два наконечника пик из собрания Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // Археология Евразийских степей. Казань, 2020. № 6. С. 387–392.

Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. 135 с.

Комаров О. В. Изучение комплекса вооружения дворянского войска XVI в. и документальные источники // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. VII. С. 392–460 / URL: http://www.milhist.info/2016/02/03/komarov_1 (дата обращения: 26.04.2019)

Кулинский А. Н. Русское холодное оружие XVIII – XX вв. СПб.: ТПП «Атлант», 2001. Т. 1. Определитель. 384 с.

Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Наука, 1959. № 3. С. 121–191.

Несин М. А. Доспех-призрак (взгляд историка на проблемы оружейведения) // Novogardia. № 1. 2019. С. 348–384.

Пенской В. В. От лука к мушкету. Вооруженные силы Российского государства во 2-й половине XV–XVII вв.: проблемы развития. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. 256 с.

Шиндлер О. В. К вопросу о методологии исследования московских доспехов XV–XVII веков // Novogardia. № 1. 2019. С. 323–347.

Список источников

Книги разрядных, по официальным оных спискам изданныя с высочайшего соизволения II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб.: В Тип. II отд-ния Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1853. Т. 1. 1380 стб.

References

Bagrin E. A. Voennoe delo russkih na vostochnom pogranič'e Rossii v XVII v.: Taktika i vooruzhenie sluzhilyh lyudej v Pribajkal'e, Zabajkal'e i Priamur'e. Sankt Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013. 288 p. (In Russ.).

Bogoyavlenskij S. K. Vooruzhenie russkih vojsk v XVI–XVII vv. Istoricheskie zapiski. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1938. Vol. 4. Pp. 258–283. (In Russ.).

Bobrov L. A., Borisenko A. Yu., Hudyakov Yu. S. Russkie voiny na yuzhnyh rubezhah Sibiri v konce XVI–XVII v. Vooruzhenie i voennaya organizaciya: Uchebnoe posobie. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 2012. 128 p. (In Russ.).

Bobrov L. A., Filippovich Yu. A. Kopejnyj nakonechnik s S-obraznymi «otrozhkami» iz Suzunskogo rajona Novosibirskoj oblasti. Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2015. Vol. 14, part 3: Arheologiya i etnografiya. Pp. 93–99. (In Russ.).

Bobrov L. A., Hudyakov Yu. S., Filippovich Yu. A. Novaya nahodka kopejnogo nakonechnika s «otrozhkami» na territorii Yuzhnoj Sibiri // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. Novosibirsk: Institut arheologii i etnografii SO RAN, 2014. Vol. 20. Pp. 118–120. (In Russ.).

Bobrov L. A., Hudyakov Yu. S. Kop'ya s zavitkami – otrozhkami kak primer vzaimovliyanija russkih, tyurkskih i mongol'skih voenno-kul'turnyh tradicij na territorii Yuzhnoj Sibiri v XVII–XVIII vekah. Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2010. Vol. 9, part 3: Arheologiya i etnografiya. Pp. 174–181. (In Russ.).

Gorodcov V. A. Opisanie holodnogo oruzhiya Istoricheskogo muzeya // Trudy Istoricheskogo muzeya. Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 1913. 38 p. (In Russ.).

Dvurechenskij O. V. Holodnoe oruzhie Moskovskogo gosudarstva XV–XVII vekov. Tula: Izd-vo Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Kulikovo pole», 2015. 498 p. (In Russ.).

Ilyushin B. A. Nakonechniki rogatin iz sobraniya Nizhegorodskogo gosudarstvennogo istoriko-arhitekturnogo muzeya-zapovednika. Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2019. Vol. 18, № 5: Arheologiya i etnografiya. Pp. 146–153. (In Russ.).

Ilyushin B. A. Dva nakonechnika pik iz sobraniya Nizhegorodskogo gosudarstvennogo istoriko-arhitekturnogo muzeya-zapovednika // *Arheologiya Evrazijskih stepej*. Kazan', 2020. № 6. Pp. 387–392. (In Russ.).

Kirpichnikov A. N. Voennoe delo na Rusi v XIII–XV vv. Leningrad: Nauka, 1976. 135 p. (In Russ.).

Komarov O. V. Izuchenie kompleksa vooruzheniya dvoryanskogo vojska XVI v. i dokumental'nye istochniki. Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. 2016. Vol. VII. Pp. 392–460. URL: http://www.milhist.info/2016/02/03/komarov_1 (data obrashcheniya: 26.04.2019). (In Russ.).

Kulinskij A. N. Russkoe holodnoe oruzhie XVIII – XX vv. Tom 1. Opredelitel'. Sankt Petersburg: TPG «Atlant», 2001. 384 p. (In Russ.).

Medvedev A. F. Oruzhie Novgoroda Velikogo // *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*. M.: Nauka, 1959. № 3. Pp. 121–191. (In Russ.).

Nesin M. A. Dospekh-prizrak (vzglyad istorika na problemy oruzhievedeniya) // *Novogardia*. № 1. 2019. Pp. 348–384. (In Russ.).

Penskoj V. V. Ot luka k mushketu. Vooruzhennyye sily Rossijskogo gosudarstva vo 2-j polovine XV–XVII vv.: problemy razvitiya. Belgorod: Izd-vo BelGU, 2008. 256 p. (In Russ.).

SHindler O. V. K voprosu o metodologii issledovaniya moskovskih dospekhov XV–XVII vekov // *Novogardia*. № 1. 2019. Pp. 323–347. (In Russ.).

Knigi razryadnyya, po official'nym onyh spiskam izdannyya s vysochajshago soizvoleniya II-m otdeleniem Sobstvennoj Ego Imperatorskago Velichestva kancelyarii. Sankt Petersburg: V Tip. II otd-niya Sobstvennoj Ego Imperatorskago Velichestva kancelyarii, 1853. Vol. 1. 1380 p. (In Russ.).

Список сокращений

НГИАМЗ – Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

NNHAMP – Nizhny Novgorod State Historical and Architectural Museum-Park

Сведения об авторе / About Autor

Илюшин Борис Анатольевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

arunta-desert@yandex.ru

Boris A. Ilushin,

Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher at the Laboratory of Humanities at the Novosibirsk State University, 1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

E-mail: arunta-desert@yandex.ru

Свиток «Цзинъин бинцзи» как источник по костюму и вооружению эпохи Цин

А. М. Пастухов

*инженер лаборатории гуманитарных исследований НГУ
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Российская Федерация*

Аннотация

В научный оборот вводится новый иконографический источник – свиток «Цзинъин бинцзи», являющийся ценным источником по цинскому военному и придворному костюму XVIII в., а также вооружению и снаряжению цинских воинов. Свиток, запечатлевший облик цинских сановников и полководцев, отличившихся во время подавления восстания Линь Шуанвэня и Чжуан Датяня на Тайване в 1787–1788 гг., рассматривается в связи с другими свитками и иконографическими материалами иных видов; предпринимается попытка вписать его в реалии цинской придворной живописи второй половины XVIII в. Изучение цинской иконографии представляется актуальным не только в свете получения дополнительных данных о внешнем виде людей этого периода, позволяющих более полно представить реалии изучаемого периода, но и для выявления новых подлинных памятников изобразительного искусства эпохи Цин, поскольку в настоящее время наблюдается избыток информации о тех или иных памятниках цинской иконографии, не имеющих научной верификации, что снижает возможности исследователей для изучения этих памятников и затрудняет использование полученных данных для научной работы.

Ключевые слова

Придворная живопись, Цин, свиток, Цзыгуангэ, портрет, сановник, военачальник.

Источник финансирования

Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Для цитирования

Пастухов А. М. Свиток «Цзинъин бинцзи» как источник по костюму и вооружению эпохи Цин // *Universum Humanitarium*. 2022. № 1. С. 85–98.

DOI 10.25205/2499-9997-2022-1-85-98

«Jingying bingji» painting scroll as the source of Qing era weaponry and costumes

A. M. Pastukhov

*Engineer of the Laboratory of the Humanitarian Researches of NSU
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

This article puts into the scientific circulation the new iconographic source – the painting scroll «Jingying bingji» which is the valuable source of the Qing military and court costume of 18th century as well as the weapons and accessories of the Qing warriors. The scroll depicting Qing ministers and generals distinguished themselves during the pacification of Taiwan in 1787-1788 is considered in connection with the other painting scrolls and iconographic sources of other kinds. Researches of the Qing iconography seem to be actual not only from the point of view to get additional data about outlook of the people of the epoch studied as it allows to get the comprehensive impression of that epoch. But it seems to be actual also from the point of view that we need to discover the new genuine iconographic objects from Qing period as now researches face the abundance of the information about non-verified objects of Qing iconography. It makes impediments to the researchers to study these objects and apply the data received in these researches.

Keywords

Court painting, Qing, painting scroll, Ziguangge, portrait, minister, general.

Funding

The study was performed as the part of the realization of the State task of the Ministry of Science and High Education of the Russian Federation in the field of scientific activity (project No. FSUS-2020-0021).

For citation

*Pastukhov A. M. «Jingying bingji» painting scroll as the source of Qing era weaponry and costumes // Universum Humanitarium. 2022. № 1. P. 85–98.
DOI 10.25205/2499-9997-2022-1-85-98*

Работы выдающегося советского и российского археолога и оружейоведа Ю. С. Худякова сыграли важную роль в деле изучения военно-культурного наследия не только народов Центральной Азии и Южной Сибири, но и Дальнего Востока. Написанная им в 2003 г. (в соавторстве с Л. А. Бобровым) фундаментальная статья «Эволюция защитного вооружения чжурчжэней и маньчжуров в периоды развитого, позднего Средневековья и раннего Нового Времени» со-

храняет свою актуальность вплоть до сегодняшнего дня (Бобров, Худяков, 2003). В данной работе ее авторы, помимо прочего, впервые всесторонне рассмотрели вопросы эволюции цинского доспеха XVII–XVIII вв. К сожалению, объем статьи не позволил исследователям проанализировать, наряду с защитным вооружением, цинский придворный и военный костюм указанного периода. По данной причине изучение профильной проблематики представляет собой актуальную научную задачу.

Исследование костюма эпохи Цин (1636–1912)¹ возможно на основе комплексного анализа вещественных, письменных и изобразительных источников. Особенно важную роль играют портреты цинских офицеров и чиновников, выполненные (в том числе с натуры) цинскими придворными художниками. Данные произведения помогают составить целостное представление об одежде того или иного сановника в конкретный исторический период.

В настоящей работе рассмотрим новый, еще не вводившийся в научный оборот источник – живописный свиток малого формата «Цзиньин бинцзи», показав его место в сложившемся в Китае XVIII в. комплексе иконографических источников.

В XVIII в. империя Цин достигла зенита своего могущества, присоединив к себе земли Джунгарии и Восточного Туркестана, окончательно включив в состав империи княжества Большая и Малая Цзиньчуань и населенные племенами мяо территории юго-западного Китая, а также поставив под свой фактический контроль Тибет (Бобров, Пастухов, 2021а; 2021б; 2021в; Lavaulx-Vrecourt, Leverenz, Pastukhov, 2021).

Эти события стимулировали развитие в Китае второй половины XVIII в. новых видов изобразительного искусства, призванных увековечить свершения цинских императоров – монументальную живопись маслом, портретную живопись в смешанном сино-европейском стиле и гравюру на меди. По приказу императора Цяньлуна (1735–1796) придворные художники – европейские миссионеры, китайцы и маньчжуры – создавали красочные многофигурные батальные сцены и запечатлевали портреты героев сражений, а потом переносили сюжеты на медные клише, чтобы тиражировать изображения три-

¹ Традиционно указываемая в синологических работах датировка эпохи Цин 1644–1911 гг. не представляется нам верной, поскольку провозглашение династии произошло в мае 1636 г., а отречение от престола последнего императора – в феврале 1912 г. Традиционно указываемая дата 1644 г. указывает лишь на дату воцарения уже существовавшей династии в Пекине, а 1911 г. – это лишь дата начала Синьхайской революции, а не низложения династии.

умфа цинского оружия (Lavaulx-Vrecourt, Leverenz, Pastukhov, 2021. P. 11, 47–51).

Цинское придворное искусство этого периода справедливо именуется сино-европейским: восприняв многие методы европейской живописи, позволяющие добиться точного портретного сходства запечатленных на картинах персонажей, цинские живописцы умело сочетали их с традиционной для Китая скупостью и условностью пейзажа (Lavaulx-Vrecourt, Leverenz, Pastukhov, 2021. P. 33–39).

Зримым свидетельством этого периода являются дошедшие до наших дней многочисленные парадные портреты сановников и военачальников, монументальные батальные полотна, альбомы цветных копий монументальных полотен для личного пользования императором, оттиски гравюр и резные лаковые ширмы, копирующие батальные картины и даже сами медные клише для печатания гравюр (Lavaulx-Vrecourt, Leverenz, Pastukhov, 2021. P. 51–93).

В ходе войны в Джунгарии и Восточном Туркестане в 1755–1760 гг. в империи Цин зарождается традиция увековечения облика особо отличившихся сановников и военачальников, благодаря действиям которых в ходе кампаний были одержаны блестящие победы, налажено снабжение войск и т.п. Подобные портреты создавались в трех разных форматах: погрудные портреты, выполнявшиеся масляной краской на плотной корейской бумаге; ростовые портреты в виде цветных вертикальных свитков на шелке, представлявшие собой плод совместного творчества художников из числа европейских миссионеров при дворе императора Цяньлуна и их цинских учеников, вывешивавшиеся в павильоне Цзыгуангэ² после победоносного окончания очередной кампании; а также компактные горизонтальные цветные свитки на бумаге, на которых изображены портреты всех героев военных кампаний, входящих в ту или иную серию.

Эти горизонтальные свитки занимают особое место во всем впечатляющем художественном наследии империи Цин второй половины XVIII в.³

² Цзыгуангэ (紫光閣) – павильон на территории императорского Запретного Города в Пекине, использовавшегося с 1760 г. в качестве своеобразного зала славы цинского оружия. Там вывешивались портреты прославленных военачальников, картины, изображающие битвы, в которых они сражались, а также трофейное оружие и реликвии, связанные с деятельностью выдающихся цинских военачальников и сановников. Экспозиция время от времени менялась в связи с очередной военной кампанией.

³ Сведения о свитках и портретах в основном собраны на сайте <http://www.battle-of-qurman.com.cn/e/list.htm>, который ведет независимый исследователь из Германии Никлас Леверенц.

В настоящее время сохранились как минимум три подобных свитка, находящихся в частных коллекциях. Первый, сохранившийся фрагментарно, свиток содержит изображения десяти военачальников в доспехах и походной одежде, принимавших участие в кампаниях 1755–1760 гг. в Джунгарии и Восточном Туркестане. Портреты сорока сановников и военачальников, а также открывающая свиток поэма, составленная лично императором Цяньлуном, утрачены.

Согласно архивам Жуигуань (如意館)⁴, известный придворный художник Цзинь Тинбяо (金廷標, ? – 1767) получил 12 декабря 1761 г. предписание создать данный горизонтальный свиток. В других документах Жуигуань указывается, что этот горизонтальный свиток предписано сделать по образцу вертикальных свитков для Цзыгуангэ, в создании которых принимали участие европейские художники-миссионеры (изображение лиц) и китайские мастера (изображения фигур, деталей одежды, оружия и т.д.)⁵.

Сохранившийся фрагмент свитка был описан хранильницей Восточноазиатского фонда Музея прикладного искусства (Museum für Angewandte Kunst) во Франкфурте-на-Майне Аннеттой Бюгенер (Annette Bügener) в процессе подготовки артефакта к продаже на аукционе Сотбис в Нью-Йорке в 2005 г. Высота свитка составляет 29,3 см, длина сохранившегося фрагмента не указана.

Кроме того, на японском Международном аукционе в Йокогаме в 2019 г. был продан еще один фрагмент этого свитка, изображающий военачальника Айлуньа (愛隆阿, ? – 1766), также входящий в первую серию портретов героев войны в Джунгарии и Восточном Туркестане. Размеры фрагмента 29,6 × 32 см.

Второй свиток, изображающий 17 из 50 заслуженных полководцев и сановников, отличившихся во время кампании в Цзиньчуани, также сохранился частично – 33 портрета утрачено вместе с подписью художника, что затрудняет атрибуцию свитка⁶.

В каталоге нью-йоркского аукциона Сотбис за 1992 г. упоминается, что в собрании Сэмюэла Джозефа Ноумова (Samuel Joseph Noumoff, 1935–2014), хранящемся в университете Мак-Джилл в Монреале,

⁴ Своего рода Академия живописи при цинском дворе.

⁵ Предполагается, что горизонтальные свитки предназначались для того, чтобы император мог обратиться к портретам своих военачальников и министров в любой момент, не посещая Цзыгуангэ.

⁶ Предположительно, автором свитка в его живописной части является цинский придворный художник Цзя Цюань, как это указывается в каталоге гонконгского аукциона Сотбис за 2012 г. Там же указывается, что свиток был создан в 1779 г., через три года после написания вертикальных свитков с портретами этих же сановников и военачальников для размещения в Цзыгуангэ.

находится еще один фрагмент, предположительно являющийся частью этого свитка. Данное художественное произведение датируется по указанию месяца в тексте поэмы, написанной специально для этого свитка лично императором Цяньлуном, и соответствующему периоду 16 июня – 14 июля 1776 г. Длина сохранившейся части свитка – 640 см, ширина – 31 см.

Третий свиток, написанный цинским придворным живописцем Цзя Цюанем (賈全), называется *Цзингын бинцзи* (靖瀛炳績), что можно перевести как «Яркий успех умиротворения морей». Он посвящен героям кампании цинских войск на Тайване в 1787–1788 гг. и также

Рис. 1. Начало свитка «Цзингын бинцзи» с вступительной поэмой императора Цяньлуна
Fig. 1. The beginning of the “Jingying bingji” painting scroll with the poetic introduction by the emperor Qianlong

Рис. 2. Портреты свитка № 1–4
Fig. 2. Portraits of the scroll #1–4

Рис. 3. Портреты свитка № 5–8
Fig. 3. Portraits of the scroll #5–8

находится в частном собрании ⁷. Именно он является предметом настоящего исследования.

Общая длина свитка составляет 1060,5 см при ширине в 32 см ⁸. Длина живописной части свитка – 760 см. На свитке указана дата создания поэмы, составленной императором лично в первую декаду последнего весеннего лунного месяца 53-го года Цяньлуна, что соответствует 6–16 апреля 1788 г. ⁹ Свиток находился в личном владении императора Цяньлуна и упоминается в цинском каталоге «Бидянь чжулинь шицзюй баоцзи хуйбянь. Сюйбянь» (秘殿珠林石渠寶笈彙編·

⁷ Как и прочие свитки подобного типа, данный свиток исполнен на бумаге в технике акварели, последний раз был продан в 2015 г. на аукционе Poly в Пекине.

⁸ Все сохранившиеся фрагменты свитков имеют близкую ширину – от 29,3 до 31 см. Видимо, это было связано со стандартными размерами бумажных свитков, производившихся в империи Цин или поступавших в качестве дани (например, из Кореи).

⁹ Период составления поэмы может коррелировать с периодом создания свитка крайне опосредованно, давая лишь нижнюю границу его создания.

Рис. 4. Портреты свитка № 9–12
Fig. 4. Portraits of the scroll #9–12

續編)¹⁰. Согласно этому каталогу, свиток изначально хранился в императорском летнем рабочем кабинете Чуньюочжай (春耦齋)¹¹ на искусственном острове Интай (瀛台) в дворцовом озере Чжуннаньхай (中南海).

Свиток «Цзиньин бинци» сохранился полностью, вместе с подклеенными к нему каллиграфически исполненным названием и обширной поэмой-вступлением «Пиндин Тайвань эрши гунчэнь сянцизань, юсюй» 平定臺灣二十功臣像贊，有序 (Портреты и восхваления 20 отличившимся при умиротворении Тайваня сановникам по порядку). На живописной части свитка имеются составленные лично императором восхваления (цзань 贊), надписанные около каждого портрета.

¹⁰ Свод драгоценных записей из Каменного Канала Леса Жемчужин из Тайного дворца. Продолжение.

¹¹ Букв. «Кабинет весенней поры». Предназначался на случай, если император желал испить чай во время прогулок по парку, и заняться какими-либо делами, требовавшими использования кисти и бумаги.

Рис. 5. Портреты свитка № 13–16
Fig. 5. Portraits of the scroll #13–16

Также на свитке имеются оттиски 21 разных красных печатей, принадлежавших владельцам, художнику и экспертам, в том числе как минимум четыре печати, принадлежавшие императору Цяньлуну и относящиеся к концу его правления – *Гуси Тяньцзы* 古稀天子 (Сын Неба в 70 лет)¹², *Тайшаньхуанди чжи бао* 太上皇帝之寶 (Драгоценность отрекшегося государя)¹³, *Уфу Удайтан гуси Тяньцзы бао* 五福五代堂古希天子寶 (Драгоценность Сына Неба в 70 лет из Зала Полного счастья пяти поколений)¹⁴, *Бачжэн мао нянь чжи бао* 八征耄念之寶 (Драгоценность постигшего восемь способов познания человека в 80 лет)¹⁵.

На свитке изображены сановники и военачальники, отличившиеся при подавлении восстания Линь Шуанвэня и Чжуан Датяня, про-

¹² Печать была изготовлена при достижении императором возраста 70 лет (1780) – по китайским представлениям на год раньше реального юбилея.

¹³ Печать была изготовлена после отречения императора от престола в 1796 г.

¹⁴ Печать была изготовлена при достижении императором возраста 70 лет (1780).

¹⁵ Печать была изготовлена при достижении императором возраста 80 лет (1790).

Рис. 6. Портреты свитка № 17–20
Fig. 6. Portraits of the scroll #17–20

изошедшего на Тайване в 1787–1788 гг. – Агуй, Хэшэнь, Ван Цзе, Фуканъань, Хайланьча, Фучжанъань, Дун Гао, Ли Шияо, Сунь Ши, Сюй Сыцэн, Эхуй, Шулян, Пхурбу, Цай Паньлун, Лян Чаогуй, Сюй Шихэн, Мукэдэнъа, Пуцзибао, Чжан Чжиюань и Мутар.

Это так называемая первая серия портретов героев Тайваньской кампании, поэтическое вступление к которому и славословия к портретам полководцев написал лично император. Включение того или иного отличившегося сановника или полководца в первую серию портретов было своего рода знаком отличия, своеобразной «первой степенью» этого вида награды.

Изображения располагаются на свитке справа налево. Все фигуры изображены в полный рост, анфас, что выдает авторство цинского художника – портреты цинских военачальников, созданные европейскими художниками, часто используют поворот лица портретируемого в три четверти, что позволяет добиться очень высокой степени портретного сходства.

Все 20 портретов героев Тайваньской кампании со свитка «Цзиньин бинци» можно условно разделить на две логические серии: 11 портретов гражданских и сановников в парадных одеяниях и 9 портретов военачальников, одетых в повседневную одежду *чанфу* (常服) и с разными видами вооружения.

В первую логическую серию входят портреты с № 1 по № 11 и включают изображения таких крупных гражданских и военных сановников, как Агуй, Хэшэнь, Ван Цзе, Фуканъань, Хайланьча, Фучжанъань, Дун Гао, Ли Шияо, Сунь Ши, Сюй Сыцэн, Эхуй.

Портрет № 12 маньчжурского военачальника Шуляна открывает вторую логическую серию портретов, изображающих военачальников в повседневной воинской одежде, имеющих при себе разнообразное оружие – луки, сабли, копье, фитильное ружье. В серию входят портреты военачальников разных национальностей – как маньчжуров, так и китайцев, также есть ойрат (из племени дербетов), китайский мусульманин и представитель тибетоязычных племен Цзиньчуани¹⁶.

Эта логическая серия является не менее важной для изучения цинского костюма и вооружения, чем ее предшественница, поскольку изображает военачальников в той одежде, в которой они участвовали в боях, с характерным для них оружием.

Кроме того, она демонстрирует имперский универсализм в использовании кадров и распределении наград – несмотря на привилегированное положение маньчжуров, представители другой национальности также занимали высокие посты в империи и продвигались вверх по служебной лестнице в зависимости от достигнутых ими успехов на своих постах.

В серию входят портреты военачальников Шуляна (маньчжур), Пхурбу (ойрат из племени дербетов), Цай Паньлун (китаец), Лян Чаогуй (китаец), Сюй Шихэн (китайский мусульманин), Мукэдэнъа (маньчжур), Пуцзибао (маньчжур), Чжан Чжиюань (китаец) и Мутар (цзиньчуанец).

Портреты всех сановников и военачальников выполнены с высокой степенью детализации и в значительной степени перекликаются с изображениями сановников и военачальников из других серий портретов, а также монументальных батальных полотен и других видов цинских иконографических источников.

¹⁶ Вопрос о выделении мусульман Китая в отдельную от китайцев (хань) национальность в настоящее время является дискуссионным. Кроме того, крайне сложно найти точное соответствие между племенами Цзиньчуани XVIII в. и современными тибетоязычными народами КНР.

Свиток «Цзинъин бинцзи», несмотря на недоступность в настоящее время для непосредственного изучения исследователями, представляет собой важный источник по изучению костюмного комплекса империи Цин XVIII в. Его принадлежность к обширному пласту высококлассных цинских изобразительных источников эпохи Цяньлун позволяет производить широкие обобщения на основании сравнительного анализа изобразительных источников, что в немалой степени способствует изучению эволюции цинского костюмного комплекса XVII – начала XX в.

Наиболее перспективным представляется сравнительный анализ данных этого и прочих сохранившихся до наших дней свитков с вертикальными портретами для Цыгуангэ, часть из которых в настоящее время находится не только в частных коллекциях, но и музейных собраниях, и, таким образом, в большей степени доступна для изучения.

Кроме того, важным средством для разрешения возникающих при анализе данного типа источников вопросов является ввод в научный оборот цинских документов, содержащих сведения о тех или иных деятелях, изображенных на портретах, включая сведения об их назначениях и награждениях, а также текстов цинских кодексов, содержащих регламентации относительно костюма, аксессуаров, знаков различия и отличия и вооружения.

Анализ портретов свитка «Цзинъин бинцзи» с точки зрения соответствия изображенных деталей костюма и вооружения зафиксированным в других источниках реалиям является для нас ближайшей непосредственной задачей, вытекающей из характера данной публикации.

Введение в научный оборот новых документальных и иконографических источников позволит значительно продвинуться в вопросе изучения костюмного комплекса империи Цин не только в XVIII в., но и на всем протяжении правления маньчжурской династии (1636–1912) и существенно пополнить и расширить наши знания по данному вопросу.

*Материал поступил в редакцию
Received*

05.10.2022

Список литературы

Бобров Л. А., Пастухов А. М. «Циньдин Хуаньюй Сией тучжи» как источник по вооружению и военной символике населения Центральной Азии середины XVIII в. // *Bylye Gody*. 2021a. Т. 16(2). С. 506–526.

Бобров Л. А., Пастухов А. М. Вооружение и знамена ойратов Джунгарии середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуаньюй Сией тучжи» // *Oriental Studies*. 2021b. Т. 14. № 4. С. 770–796.

Бобров Л. А., Пастухов А. М. Вооружение и знамена мусульманского населения Восточного Туркестана и сопредельных территорий середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуаньюй Сией тучжи» // *Монголоведение*. 2021в. Т. 13. № 2. С. 186–221.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Эволюция защитного вооружения чжурчжэней и маньчжуров в периоды развитого, позднего Средневековья и раннего Нового Времени // *Археология Южной Сибири и Центральной Азии Позднего Средневековья*. Новосибирск, 2003. С. 66–212.

Lavault-Vrecourt H., Leverenz N., Pastukhov A. M. Berlin Battle Engravings. 34 Copperplates for the Emperors of China. Deutscher Kunstverlag, 2021. P. 248. (на англ. и нем. яз.).

Каталог аукциона Сотбис в Нью-Йорке (фрагмент), 1992. URL: <http://www.battle-of-qurman.com.cn/literature/SothebysNY-1992-17smallOfficers.pdf> (Дата обращения: 15.05.2022). (на англ. яз.).

Каталог аукциона Сотбис в Нью-Йорке (фрагмент), 2005. URL: <http://www.battle-of-qurman.com.cn/pict/Off-10small-SNY05.pdf> (Дата обращения: 15.05.2022). (на англ. яз.).

Сайт аукциона iGavel (фотоизображения свитка «Цзиньин бинцзи»). URL: https://bid.igavelauctions.com/Bidding.taf?function=detail&dir=n&Auction_uid1=3389534 (Дата обращения: 15.05.2022). (на англ. яз.).

References

Bobrov L. A., Pastukhov A. M. “Qinding Huangyu Xiyu tuzhi” as the source for weapons and military symbolic of the population of the Central Asia in the middle of 18th century // *Bylye Gody*. 2021a. 16(2). P. 506–526.

Bobrov L. A., Pastukhov A. M. Weapon and banners of Dzungarian Oirats in the middle of 18th century according to the “Qinding Huangyu Xiyu tuzhi” // *Oriental Studies*. 2021b. Vol. 14. #4. P. 770–796.

Bobrov L. A., Pastukhov A. M. Weapon and banners of Moslem population of the Eastern Turkestan and adjacent territories in the middle of 18th century according to the “Qinding Huangyu Xiyu tuzhi” // Mongolian studies. 2021c. Vol. 13. #2. P. 186–221.

Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. The evolution of the armor of Nuzhen and Manchu people in the middle and late periods of the Middle Ages and early Modern Time // Archeology of the Southern Siberia and Central Asia in the late Middle Ages. Novosibirsk, 2003. P. 66–212.

Lavaulx-Vrecourt H., Leverenz N., Pastukhov A. M. Berlin Battle Engravings. 34 Copperplates for the Emperors of China. Deutscher Kunstverlag, 2021. P. 248. (in Eng. and German)

Catalogue of Sotheby’s auction in New York (fragment), 1992. URL: <http://www.battle-of-qurman.com.cn/literature/SothebysNY-1992-17smallOfficers.pdf> (accessed: 05.15.2022). (in Eng.).

Catalogue of Sotheby’s auction in New York (fragment), 2005. URL: <http://www.battle-of-qurman.com.cn/pict/Off-10small-SNY05.pdf> (accessed: 05.15.2022). (in Eng.).

WEB-site of iGavel auction (photo reproductions of the “Jingying bingji” scroll). URL: https://bid.igavelauctions.com/Bidding.taf?_function=detail&dir=n&Auction_uid1=3389534 (accessed: 05.15.2022). (in Eng.).

Сведения об авторе / About the Author

Алексей Михайлович Пастухов,
инженер лаборатории гуманитарных исследований НГУ, Новосибирский государственный университет (д. 1, ул. Пирогова, 630090, Новосибирск, Российская Федерация)

Alexey Mikhailovich Pastukhov,
Novosibirsk State University (1, Pirogova Str., 630090, Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: chinesewarfare@inbox.ru

ORCID: 0000-0003-0151-1796.

Анализ портретов свитка «Цзингын бинцзи» с точки зрения оружиеведения и костюмологии

А. М. Пастухов

*инженер лаборатории гуманитарных исследований НГУ
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Российская Федерация*

Аннотация

На основании впервые вводимого в научный оборот иконографического источника – свитка «Цзингын бинцзи» – рассматривается цинский военный и придворный костюм XVIII в., а также вооружение и снаряжение цинских воинов. Портреты цинских сановников и полководцев, отличившихся во время подавления восстания Линь Шуанвэня и Чжуан Датяня на Тайване в 1787–1788 гг., рассматриваются в связи с имперскими уложениями, регламентирующими одежду, оружие и аксессуары военных и гражданских чиновников, знаки отличия и различия проверяются по соответствующим императорским указам о награждениях. Это позволило выявить как достаточно высокую степень достоверности изображений отличившихся сановников и военачальников, так и поставить вопросы о некоторых неточностях в изображении знаков отличия и различия на портретах. Дальнейшее изучение цинской иконографии XVIII в. с привлечением имперских регламентов и документации позволит добиться значительного прогресса в изучении военного и придворного костюма эпохи Цин, а введение в научный оборот биографий портретированных деятелей даст ценную информацию не только относительно обстоятельств награждения, но и исторических событий, в которых отличились портретируемые. Это позволит создать более подробную картину исторических событий в Китае XVIII в., значительно пополнив наши знания об этом периоде.

Ключевые слова

Маньчжурский костюм, Цин, магуа, гуаньмао, Хуанчао лица туши.

Источник финансирования

Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Для цитирования

Пастухов А. М. Анализ портретов свитка «Цзингын бинцзи» с точки зрения оружиеведения и костюмологии // *Universum Humanitarium*. 2022. № 1. С. 99–142. DOI 10.25205/2499-9997-2022-1-99-142

Analysis of portraits from the “Jingying bingji” from the points of view of studying of weaponry and costumes

A. M. Pastukhov

*Engineer of the Laboratory of the Humanitarian Researches of NSU
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article deals with the Qing military and court costume of 18th century as well as the weapons and accessories of the Qing warriors on the base of the iconographic source – painting scroll “Jingying bingji” – which is represented to the scholar circulation in the first time. Portraits of Qing ministers and generals distinguished themselves during the pacification of Taiwan in 1787–1788 are studied in connection with the Imperial regulations in respect of the cloths, weapons and accessories of civil and military officials, their insignia and signs of rank are checked in accordance with the Imperial orders concerning awards. It allowed to determine the high level of the historical accuracy of images of distinguished ministers and generals as well as found some inaccuracies in respect of the insignia and signs of rank on the portraits. Further researches of Qing iconography of 18th century in parallel with Imperial regulations and documents would allow to make big progress in studies of Qing military and court costume, and introduction of biographies of the portrayed persons to the scholar circulation would provide the valuable information not only in respect of the circumstances of their awards, but in respect of the historical events which allowed the portrayed persons to make their deeds. It would allow to create the more detailed scenery of the historical events in the China in 18th century and add a lot to our knowledge about that period.

Keywords

Manchu costume, Qing, magua, guanmao, Huangchao liqi tushi.

Funding

The study was performed as the part of the realization of the State task of the Ministry of Science and High Education of the Russian Federation in the field of scientific activity (project No. FSUS-2020-0021).

For citation

Pastukhov A. M. Analysis of portraits from the “Jingying bingji” from the points of view of studying of weaponry and costumes // Universum Humanitarium. 2022. № 1. P. 99-142.

DOI 10.25205/2499-9997-2022-1-99-142

Введение

Данная публикация является логическим продолжением описания свитка «Цзиньин бинци» как иконографического источника и ставит своей целью показать состав цинского придворного и военного костюмного комплекса XVIII в. и его соответствие регламентам этого периода.

Важное значение при анализе портретов для оценки реалистичности изображения является установление национальной принадлежности портретируемого, должности, титула и ранга портретируемого.

Описание и анализ портретов

Первый портрет свитка изображает маньчжура Агуя (阿桂, 1717–1797), заслуженного цинского военачальника из рода Чжанцзя (章佳氏), к 1787 г. принимавшего участие во всех походах цинских войск и пожалованного титулом Чэнмоу Инъюн-гун 1-го ранга ¹ за покорение княжеств Большая и Малая Цзиньчуань (1771–1776).

С 1776 г. Агуй занимал пост *Уиндянь дасюэши* (канцлер при дворце Уиндянь), ранг 1а, и *Либу шаншу* (глава Ведомства чинов), являлся *дутунном* (командиром) маньчжурского Красного Знамени. В ходе Тайваньской кампании 1787–1788 гг. Агуй участвовал в разработке стратегии подавления восстания.

Агуй изображен в придворном одеянии синего цвета, расшитом четырьмя круглыми медальонами с изображением драконов *лун* ², пожалованном ему указом от 7 апреля 1787 г. за победы в Цзиньчуани [ГЧШ, цз. 1275, л. 17а – 17б] ³.

¹ Строящий стратегические планы Отважный князь 1-го ранга.

² Дракон, лапы которого имеют по пять когтей. С эпохи Мин (1368–1644) считается исключительным символом императора Китая. Использование изображения дракона *лун* без санкции императора в эпохи Мин и Цин являлось уголовно наказуемым деянием, однако император мог пожаловать заслуженным сановникам и военачальникам одеяния, расшитые драконами *лун*, с правом ношения. Подобные случаи обязательно фиксировались в хрониках, поскольку представляли собой награждение высочайшего уровня.

³ В указе императора Цзяцина (1796–1820) от 12 октября 1797 г., изданном по случаю смерти Агуя, скончавшегося 10 октября 1797 г., перечисляются награды, полученные покойным: титул Чэнмоу Инъюн-гун 1-го ранга (一等誠謀英勇公), одеяние, расшитое драконами (四團龍補服), желтый пояс (黃帶), пурпурные поводья (紫韁), рубин на шапку (紅寶石頂), павлинье перо с 2 глазками (雙眼花翎), портрет для вывешивания в павильоне Цзыгуангэ (圖像紫光閣) [ГЧШ, цз. 1497, л. 5б]. Агуй был четырежды удостоен портретами для Цзыгуангэ – за кампании в Джунгарии и Восточном Туркестане (1755–1760), Цзиньчуани (1771–1776), на Тайване (1787–1788)

Рис. 1. Агуй
Fig. 1. Agui

Верхнее одеяние дополняется накладным воротником *пилин* (披領) синего цвета с подбоем из алой парчи, затканной золотой нитью, а также придворным ожерельем *чаочжу* (朝珠) из жемчуга, кораллов и драгоценных / полудрагоценных камней, собранных на шелковом шнуре и разделенных на четыре секции по 27 однородных бусин более крупными бусинами, изготовленными из другого материала ⁴. С задней стороны ожерелья на спину свешивался длинный шнур с большой жемчужиной.

Под верхней придворной одеждой с драконами надет синий нижний халат с четырьмя разрезами *сыкай сенао* (四開襖袍), под ним – синий придворный халат *нэйчэнь чаофу* (內襯朝服), рукава которого простеганы поперек и имеют характерные для маньчжурской одежды копытообразные обшлаги *мати* (馬蹄) ⁵. Изначально они предназначались для того, чтобы в холодную погоду воин мог обходиться без перчаток, а впоследствии превратились в элемент традиционного костюма, напоминающего маньчжурам об их национальной идентичности как воинов и охотников.

Воротник, обшлаги и низ подола *сыкай сенао* украшены богатой вышивкой. На внешней стороне воротника и обшлагах изображены драконы, на подоле – традиционный узор, практически скрытый верхней одеждой. На открытых участках угадываются изображения драконов, играющих с пламенеющей жемчужиной, исполняющей желания (*лун си чжу* 龍戲珠), а также гора Сумеру, возвышающаяся из бездн мирового океана, и восемь благих символов буддизма (八吉祥), однако отсутствует характерная кайма, украшенная орнаментом *лишуй* (立水) в виде параллельных наклонных полосок разного цвета, символизирующих волны мирового океана.

Данная орнаментация имеет буддийское происхождение: пламенеющая жемчужина восходит к исполняющему желания камню Чинтамани (кит. *Жу баочжу* 如意寶珠), а играющие с ней драконы – к змееподобным существам Нага, охраняющим Чинтамани. Гора Сумеру соотносится в буддизме с осью мира, а океан – первооснова и колыбель всего сущего.

На голове Агуя – придворная шапка *чаогуань* (朝冠) с пышной красной кистью *хуньин* (紅纓), покрывающей всю тулью головного

и Непале (1792) [ЦШГ, 1927. Цз. 318].

⁴ Цветопередача портрета позволяет предположить, что ожерелье Агуя собрано из коралловых бусин среднего размера и крупных бусин-разделителей из лазурита. Подобного рода ожерелья, принадлежавшие цинским императорам, хранятся в собрании Музеев Гугун.

⁵ Рукав с таким обшлагом называется по-китайски *матисю* (馬蹄袖), букв. «рукав – конское копыто».

убора, и красной финалью *хунбаоши маодин* (紅寶石頂) в виде про-долговатого ограненного рубина, укрепленного в металлическом под-вершии, и плюмажем в виде двухочкового павлиньего пера *шуаньян* *хуалин* (雙眼花翎), вставленного в держатель в виде резной трубки из нефрита *лингвань* (翎管), крепящейся к подвершию.

Финаль головного убора соответствует рангу 1а. Плюмаж из пав-линьего пера с двумя глазками представляет собой одну из высших наград империи, жалуюмую за воинские заслуги ⁶.

Костюм дополняется поясом с двойным утиральником *пэйшуй* (佩帨) и подвесными почковидными кошельками *хэбао* (荷包) ⁷, на поясе подвешена по маньчжурскому обычаю лезвием вниз, рукоятью назад сабля в золоченой оправе стиля *фанши* (方式) ⁸, ножны обтянуты шли-фованной кожей ската, окрашенной в зеленый цвет ⁹. Видимая на пор-трете отделка сабли соответствует предписаниям уложения «Хуанчао лица туши» (Иллюстрированное изображение ритуальной утвари ав-густейшей династии, 皇朝禮器圖式), составленного в 1759 г. ¹⁰ Са-новник обут в парадные войлочные сапоги *цаосюэ* (皂靴) на высокой стеганой матерчатой подошве белого цвета с загнутыми носками ¹¹.

Костюм также включает в себя короткие штаны *ку* (褲) с высокой посадкой и завязками на поясе и нижний короткий халат (衫) с осе-вым разрезом, длинным рукавом и правым запяхом ¹².

Вторым следует портрет императорского фаворита Хэшэня (和珅, 1746–1799) из маньчжурского рода Ньюхуру (鈕祜祿氏), *дасюэши* при дворце Вэньхуадянь (文華殿), ранг 1а, с титулом Чжунсян-бо 3-го ранга (三等忠襄伯) ¹³. В ходе подавления восстания на Тайване Хэ-шэнь выполнял роль императорского секретаря.

На головном уборе Хэшэня – *хуалин* с двухглазковым павлиньим пером, пожалованный ему высочайшим указом от 5 июля 1783 г. [ГЧШ, цз. 1182, л. 10b].

⁶ В природе не встречаются павлины, на перьях которых имеется два или три природных глазка. Такого рода наградные плюмажи изготавливались путем склейки нескольких обычных перьев.

⁷ *Хэбао* и *пэйшуй* видны на портрете лишь частично.

⁸ Букв. «квадратный стиль». Условное современное название для стиля оправы сабель, применявшегося в империи Цин в XVII–XVIII вв. В XIX в. вышел из моды.

⁹ Отделка рукояти сабли в данном случае не видна. Как правило, деревянная основа рукоятей сабель высокого класса оклеивалась шлифованной кожей ската и опле-талась плоским шелковым шнуром.

¹⁰ Форма и отделка клинка уложением не регламентировалась.

¹¹ Такого рода сапоги носили с длинными стегаными на вате чулками [*гаояо*] *мяньва* (高靴綿袜).

¹² По естественным причинам не изображены на портрете.

¹³ Верный помогающий граф 3-го ранга.

Рис. 2. Хэшэнь
Fig. 2. Heshen

Одеяние Хэшэня в целом идентично одеянию Агуя, также принадлежавшего к маньчжурской аристократии, за исключением верхней одежды – это одеяние, положенное носителям титула *бо*, с квадратной нашивкой *буцзы* (補子) на груди и спине, изображающей дракона *чжэнман* (正蟒)¹⁴.

Имеет некоторые отличия и изображение сабли – при нескольких иных пропорциях она имеет оплетку рукояти плоским шелковым шнуром зеленого цвета, в тон отделке ножен, и темляк из такого же шнура¹⁵.

Третий портрет изображает *дасюэши* китайца Ван Цзе (王杰, 1725–1805)¹⁶. В отличие от Агуя и Хэшэня, которые, как маньчжуры, автоматически считались военными, имевшими возможность занимать гражданские посты¹⁷, Ван Цзе изображен как гражданский чиновник.

В 1787–1788 гг. Ван Цзе занимался вопросами снабжения карательных войск.

Отличие костюма Ван Цзе от костюма Хэшэня, также занимавшего должность *дасюэши*, состоит в изображении на *буцзы* – на нем изображен уссурийский журавль *сяньхэ* (仙鶴), соответствующий гражданскому рангу 1а, к которому относилась должность *дасюэши*. Кроме того, у Ван Цзе отсутствуют сабля, что также указывает на его гражданский чин, и *хуалин*.

В остальном костюм Ван Цзе соответствует костюму Хэшэня, что свидетельствует о слабой дифференцированности форменной одежды для военных и гражданских чинов в эпоху Цин.

Четвертый портрет изображает крупного военного деятеля конца XVIII в. *себань дасюэши* (помощник канцлера), *цзунду* (наместник) провинций Шэньси и Ганьсу с титулом *Цзяюн-гун* 1-го ранга (一等嘉

¹⁴ *Чжэнман* – развернутый анфас дракон с четырьмя когтями на лапах. В соответствии с цинским этикетом имевший титул *бо* Хэшэнь должен был носить *буфу* с двумя квадратными нашивками, изображающими драконов *чжэнман*, однако на портрете очевидно, что дракон имеет по пять когтей на лапах, тем самым являясь драконом *чжэнлун*. Возможно, это связано с тем, что Хэшэнь был фаворитом императора.

¹⁵ Сабля Агуя также может иметь темляк, но из-за обшлага левого рукава заметна только небольшая часть двойного шнура, возможно, являющегося темляком сабли.

¹⁶ Несмотря на привилегированное положение маньчжуров, правительству империи Цин приходилось принимать во внимание китайское большинство – практически все должности «дублировались», и параллельно маньчжурским сановникам и военачальникам назначались сановники и военачальники из этнических китайцев, что позволяло управлять страной без особых столкновений на национальной почве до конца первой трети XIX в.

¹⁷ Статус военного подчеркнут на портретах Агуя и Хэшэня изображением сабли.

Рис. 3. Ван Цзе
Fig. 3. Wang Jie

Рис. 4. Фукангань
Fig. 4. Fukang'an

Рис. 5. Хайланьча
Fig. 5. Hailancha

勇公)¹⁸ Фуканъаня (福康安, 1754–1796) из маньчжурского рода Фуча (富察氏).

В ходе Тайваньской кампании Фуканъань с ноября 1787 г. и до самого окончания кампании руководил карательными войсками, полностью подавив восстание и захватив его лидеров – Линь Шуанвэня и Чжуан Датяня.

Одеяние Фуканъаня полностью соответствует одеянию Агуя – указом от 21 января 1788 г. за деблокаду города Цзяи Фуканъань был удостоен титула *гун*, императорского одеяния с драконами и рубиновой финали на головной убор [ГЧШ, цз. 1294, л. 21а – 23б].

Единственным видимым различием облачения и аксессуаров Фуканъаня от таковых у Агуя является темляк на сабле.

Пятый портрет изображает заместителя Фуканъаня – *цаньцзань-дачэнь* (советника) Хайланьча (海蘭察, ? – 1793), солоня из рода Долар (多拉爾氏). Считавшиеся родственными маньчжурам народом солоня пользовались большими привилегиями в имперском аппарате управления, будучи фактически равными по своему положению маньчжурам.

В 1787 г. Хайланьча являлся командиром императорских телохранителей (*лин шивэй нэй-дачэнь* 領侍衛內大臣), ранг 1а. В ходе подавления восстания лично возглавлял войска в ряде боев.

За свои подвиги Хайланьча был удостоен не только аристократического титула *Чаюнь-гун* 3-го ранга (三等超勇公)¹⁹, но и императорского одеяния с драконами и рубиновой финали на головной убор [ГЧШ, цз. 1294, л. 21а – 23б].

Одеяние Хайланьча полностью соответствует одеянию Агуя и Фуканъаня, темляк на сабле из шнура зеленого цвета.

Шестой портрет изображает Фучжанъаня (福長安, 1760–1817), младшего брата Фуканъаня. На момент событий он занимал должность *Гунбу шаншу* (глава Ведомства Работ), ранг 1б. В документах невятно говорится о его консультативном участии в подготовке кампании.

Одеяние Фучжанъаня практически полностью соответствуют одеянию Ван Цзе, за исключением одной детали – даже занимая гражданскую должность, Фучжанъань, как маньчжур, автоматически причислялся к военному сословию, на что указывает его сабля.

Любопытной деталью изображения представляется то, что сабля подвешена лезвием вниз, рукоятью (скрыта под одеждой) вперед. В настоящее время не выявлены цинские уложения, которые регла-

¹⁸ Превосходный храбростью князь 1-го ранга.

¹⁹ Выдающийся храбростью князь 3-го ранга.

Рис. 6. Фучжангань
Fig. 6. Fuzhang'an

ментировали бы ношение длинноклинкового оружия гражданскими сановниками маньчжурского происхождения, поэтому такой подвес сабли вызывает закономерный исследовательский интерес.

Еще одним отличием аксессуаров, изображенных на портрете Фучжаньбяня, от аксессуаров на портрете Ван Цзе – это *хуалин*, перо которого имеет один глазок, в то время как у Ван Цзе *хуалин* отсутствует.

Седьмой портрет изображает *Хубу шаншу* (главу Ведомства Доходов) Дун Гао (董誥, 1740–1818), известного литератора эпохи Цин, собравшего и систематизировавшее огромное литературное наследие императора Цяньлуна.

Вклад Дун Гао в подавление восстания не вполне ясен – возможно, Дун Гао, как высокопоставленный гражданский сановник, имел отношение к снабжению войск Зеленого Знамени и даже руководил их частями, ответственными за транспортировку продовольствия²⁰.

Одеяние и аксессуары на портрете Дун Гао полностью совпадают с одеянием и аксессуарами на портрете Ван Цзе, поскольку оба являлись высокопоставленными гражданскими сановниками (Ван Цзе – ранг 1а, Дун Гао – ранг 1б).

Восьмой портрет серии изображает *цзунду* провинций Фуцзянь (к которой относился в качестве одного из округов остров Тайвань) и Чжэцзян китайца Ли Шияо (李侍堯, ? – 1788), ранг 2а. С началом восстания 25 февраля 1787 г. Ли Шияо проявил себя с лучшей стороны при обеспечении войск продовольствием и организации охраны побережья, так как цинские власти небеспочвенно опасались распространения восстания на материк.

Одеяние и аксессуары на портрете Ли Шияо полностью совпадают с портретом Дун Гао, поскольку оба являлись высокопоставленными гражданскими сановниками²¹. Единственным отличием является *хуалин*, перо которого имеет один глазок.

Данное обстоятельство крайне интересно для исследователя, так как 20 декабря 1787 г. Ли Шияо был награжден *хуалином* с двухглазковым пером за то, что осмелился не выполнить буквально распоряжение императора, а исполнил только в той его части, которая соответ-

²⁰ В составе войск Зеленого Знамени выделялись так называемые «сплавные дивизии» *цаобяо* (漕標), подчинявшиеся особому военному чину – *цаоюнь цзунду* (漕運總督). В обязанности «сплавных дивизий» входила охрана перевозимого по рекам и каналам продовольствия.

²¹ При совмещении должности *цзунду* с должностью главы Военного ведомства ранг чиновника повышался с 2а до 1б.

Рис. 7. Дун Гао
Fig. 7. Dong Gao

Рис. 8. Ли Шияо
Fig. 8. Li Shiyao

ствовала обстановке на местах, что привело к укреплению позиций правительственных сил на острове.

Поскольку никаких распоряжений относительно лишения Ли Шияо *хуалина* с двумя глазками на пере и пожалования ему *хуалина* с одноглазковым пером неизвестно, вопрос о причине ошибки Цзя Цюаня в изображении его *хуалина* остается открытым²².

Девятый портрет изображает *цзунду* наместничества Лянгуан (兩廣總督)²³ с титулом *цинцзюй дувэй* 1-го ранга (一等輕車都尉)²⁴ Сунь Шии (孫士毅, 1720–1796). В 1787–1788 гг. он отличился деятельной переброской подкреплений и продовольствия на остров, за что был награжден дважды – 23 января 1788 г. *хуалином* с двухглазковым пером, а 8 марта 1788 г. – титулом *цинцзюй дувэй* 1-го ранга.

Одеяние и аксессуары на портрете Сунь Шии полностью совпадают с одеянием и аксессуарами Ли Шияо. И, как и у Ли Шияо, *хуалин* на головном уборе Сунь Шии изображен с одноглазковым пером, что также не соответствует историческим реалиям.

Десятый портрет изображает генерал-губернатора (*сюньфу* 巡撫) провинции Фуцзянь Сюй Сыцэна (徐嗣曾, ? – 1790), ранг 2в.

В ходе подавления восстания Сюй Сыцэн исполнял военно-административные функции, обследовал ущерб, нанесенный хозяйству округа, а впоследствии отыскал и арестовал сына Чжуан Датяня Чжуан Тяньвэя и его помощника Хуан Тяньяня и истребил морских пиратов. За все это он был награжден *хуалином*.

Одеяние и аксессуары на портрете Сюй Сыцэна почти полностью совпадают с одеянием и аксессуарами Ли Шияо, за исключением изображения на *буцзы* – знаком различия его ранга был *цзиньцзи* 錦雞 (золотистый фазан).

Финаль на головном уборе чиновников 2-го ранга изготавливались из коралла, что передано на портрете розовым цветом. *Хуалин*, правом носить который Сюй Сыцэн был пожалован указом от 28 января 1789 г. [ГЧШ, цз. 1320, л. 4а–4б], изображен с одноглазковым пером.

Одиннадцатый портрет изображает *цзянцзюня* Чэнду (成都將軍), *Фашишангя-батура* (法什尚阿巴圖魯) с титулом *юньцивэй* (雲騎尉)²⁵ маньчжура Эхуя (鄂輝, ? – 1798).

²² Ошибки в знаках различия и отличия, допущенные при создании портрета, рассценивались как проявление непочтительности к императору и подлежали уголовному наказанию.

²³ Состояло из провинций Гуандун и Гуанси.

²⁴ Букв. «Военачальник легких колесниц 1-го ранга», архаичный аристократический титул 7-го ранга, жаловавшийся лицам, не состоявшим в родстве с правящим домом.

²⁵ Букв. «Военачальник облачной конницы», аристократический титул 8-го ранга,

Рис. 9. Сунь Шии
Fig. 9. Sun Shiyi

Рис. 10. Сюй Сыцэн
Fig. 10. Xu Siceng

Рис. 11. Эхуй
Fig. 11. Ehui

Во время боев на Тайване Эхуй возглавлял отряды, набранные из горцев Цзиньчуани, и отличился во многих боях, а также операции по захвату Линь Шуанвэня, за что был пожалован титулом *юньцивэй* и *хуалином* с двухглазковым пером.

Одеяние и аксессуары на портрете Эхуя практически полностью соответствуют таковым на портрете Фучжаньяня, за исключением изображения на *буцзы* – поскольку Эхуй имел военный ранг 1b, то на его *буцзы* изображен единорог *цилин* (麒麟), соответствующий этому рангу.

Положение сабли, подвешенной на поясную португею лезвием вниз и рукоятью вперед, соответствует положению сабли на портрете Фучжаньяня.

Изображение на *хуалине* Эхуя пера с одним глазком также входит в противоречие с фактом пожалования ему *хуалина* с двухглазковым пером.

Двенадцатый портрет изображает ветерана войны в Цзиньчуани (1771–1776), *хуцзюнь тунлина* (護軍統領)²⁶ Мутэнъэ-батура (穆騰額巴圖魯) с титулом *юньцивэй* Шуляня (舒亮, ? – 1798), происходившего из маньчжурского рода Суцзя (蘇佳氏).

На Тайване Шулян отличился в ряде боев, участвовал в поимке и конвоировании пленного вождя восстания и его помощника Лай Да (賴大) в столицу. За это Шулян был пожалован титулом *юньцивэй* и причислен к сонму военачальников, почитаемых в храмах *шэнцы* (生祠) в городах Тайваньфу и Цзяи [ЦШГ, 1927. Цз. 328]²⁷.

Шулян изображен в походной одежде *синфу* (行服), состоящей из светло-синего верхнего халата с правосторонним запахом, круглым проемом горловины и четырьмя разрезами для облегчения посадки на коня, нижнего халата *нэйтао* (內套) голубого цвета с воротником-стойкой²⁸. Рукава верхнего халата имеют обшлага *мати*, на левом рукаве обшлаг подвернут, что создает иллюзию отсутствия обшлага вообще. Интересной деталью верхней одежды Шуляня является приставная нижняя часть правой передней полы, крепящейся на пуговицы в районе колена. Подобная деталь характерна для цин-

жаловавшийся лицам, не состоявшим в родстве с правящим домом.

²⁶ *Хуцзюнь* – охранные войска, в обязанность которых входило несение караульной службы в Запретном Городе Пекина, а также сопровождение и охрана выезда императора [Бичурин, 2002. С. 207]. *Тунлин* – военный чин ранга 2а, обычно переводится как «полковник».

²⁷ В указанных храмах прижизненно почитались Фуканъань, Хайланьча, Ли Шияо, Пхурбу, Эхуй, Сюй Сыцэн и Шулян.

²⁸ В китайских аукционных описаниях свитка встречается атрибуция этого костюма как «походная одежда военного чиновника» *угуань синфу* (武官行服).

Рис. 12. Шулян
Fig. 12. Shuliang

ской верхней одежды XVIII–XIX вв. и именуется *цюэцинь* (缺襟), т.е. «отсутствующая пола». Нижняя часть правой полы отрезалась по прямой линии и затем пристегивалась к месту отреза на трех пуговицах (в виде узелков или же круглых металлических). По мнению Майкла Фридольма фон Эссена, эта деталь цинского костюма была вызвана практическими нуждами воина-всадника – при передвижении в конном строю *цюэцинь* отстегивался [Von Essen, 2009. P. 84]. Он же указывает, что впоследствии, в связи с ростом престижа военных в результате ряда победоносных кампаний, *цюэцинь* начинает встречаться и на одежде гражданских чиновников.

На поясе повязан двухлопастной передник *синшан* (行裳) из стеганой материи светло-коричневого цвета, назначением которого было защищать нижнюю часть одежды всадника от повреждения ветвями и колючками во время верховой езды.

Шулян обут в сапоги для верховой езды из войлока на толстой белой подошве из стеганой хлопчатобумажной материи *масюэ* (馬靴), которые отличаются от сапог *цзаосюэ* тем, что их подошвы плоские, более тонкие и не имеют загнутых носков.

На голове Шуляна надета чиновничья шапка *гуаньмао* (冠帽) с финалью в виде розового кораллового шарика и плюмажем *хуалин*, перо которого имеет один глазок. Однако, согласно официальной биографии Шуляна из «Цин ши гао», свой *хуалин* он получил только в начальный год эры Цзяцин (1796) за участие в подавлении восстания в провинции Хубэй, т.е. через восемь лет после подавления восстания на Тайване [ЦШГ, 1927. Цз. 328].

Вооружение Шуляна состоит из колчана с налучем и сабли, подвешенных на поясную портупею. Сабля оформлена в стиле *фанши* и подвешена по-маньчжурски рукоятью назад, лезвием вниз. Ножны обтянуты шлифованной кожей ската зеленого цвета, рукоять оплетена плоским шелковым шнуром зеленого цвета и имеет зеленый темляк. Прибор сабли и ножен позолочен. Ремни портупеи собраны в кольцо, которое обычно составляет деталь, комбинированную с поясным крюком *даогуа хуаньгоу* (刀挂環钩).

Сабля такого типа не соответствует рангу военачальника, не принадлежавшего к высшей аристократии империи – согласно «Хуанчао лици туши», военные чиновники носили сабли с рукоятями, обмотанными синим тонким шнуром, и ножнами, обтянутыми кожей. Прибор ножен и оружия изготавливался из позолоченной стали, но не говорится о наличии какого-либо орнамента [ХЛТ, цз. 15, л. 7а–7б].

Поверх сабли подвешен налуч черного цвета с вышитым орнаментом. В левом верхнем углу налуча крепится подвижное кольцо,

через которое продевается обнаженная сабля. Подобная система подвески сабли и налуча рассчитана на то, чтобы облегчить всаднику манипуляции оружием в бою – поскольку основным оружием цинского конника являлся лук, остальное оружие имело вспомогательное значение. Поэтому сабля подвешивалась под налучем, и ее рукоять была обращена назад. Таким образом сабля не мешала быстро извлечь луку из налуча и возвращения его в налуч.

Если предполагалось, что в ходе боя возможна рукопашная схватка, саблю обнажали заранее и продевали в кольцо в углу налуча. В таком положении оружие также не мешало манипуляциям с луком и в то же самое время позволяло в нужный момент быстро выхватить саблю.

Лук маньчжурского типа, с мощными плечами, снаружи покрыт берестой. Оружие уложено в налуч до половины, как предписывается в «Хуанчао лица туши», однако расцветка налуча и детали его отделки отличаются от предписанных [ХЛТ, цз. 14, л. 92a–92b].

На портрете изображена только часть донца колчана, а из-за спины Шуляна видны концы 15 стрел с оперением двух разных расцветок (две стрелы имеют светлое оперение, 13 прочих – более темное).

Не соответствует предписаниям и пояс – судя по изображению, он изготовлен из синей материи и завязан спереди на узел, в то время как, согласно «Хуанчао лица туши», стрелковый пояс для военачальника 1–2-го рангов должен был изготавливаться из кожи с подбоем из голубого холста, а также кольцами, крюками и пряжками из позолоченной стали [ХЛТ, цз. 14, л. 92b].

На большом пальце правой руки Шулян носит стрелковое кольцо *баньчжи* (扳指) белого цвета с темной полосой посередине²⁹. Дошедшие до наших дней цинские стрелковые кольца обычно изготавливались из металла, кости (в том числе слоновой) или нефрита и могли быть украшены рельефными изображениями.

Тринадцатый портрет изображает *хуцзюнь тунлина* (護軍統領) *Шарманьхай-батурса* (沙爾瑪海巴圖魯) дербета Пхурбу (普爾普)³⁰, носившего титулы *Фэньюн-нань* 3-го ранга (三等奮勇男) и *юньцивэй*.

В целом одеяние Пхурбу аналогично одеянию Шуляна, однако цветовая гамма другая: *нэйтао* голубого цвета, а верхний халат – фиолетового, с вытканым флоральным орнаментом. Обшлаги *мати* подвернуты, демонстрируя подкладку голубого цвета. Передник *синшан*, наоборот, синего цвета, без простежки.

²⁹ Кольца использовались для натяжения тетивы тугого китайского лука.

³⁰ Имя тибетского происхождения, традиционные транскрипции – Пхурба или Пхурбу. Обозначает ритуальный кинжал, используемый в тантрических обрядах. В современном монгольском языке звучит как Пүрэв.

Рис. 13. Пхурбу
Fig. 13. Пуерпу

На головном уборе Пхурбу *хуалин* с одноглазковым пером, что вызывает вопросы у исследователя – известно, что в 1776 г., за подвиги во время кампании в Цзиньчуани, Пхурбу был награжден *хуалином* с двухглазковым пером. За провинность, совершенную в 1778 г., Пхурбу был лишен *хуалина* указом от 20 февраля 1778 г. [ГЧШ, цз. 1049, л. 15b–16a].

Третьего апреля 1788 г. за подвиги, совершенные на Тайване, Пхурбу вновь был удостоен этой награды [ГЧШ, цз. 1299, л. 18a]. Однако на портрете Пхурбу изображен почему-то с *хуалином*, перо которого имеет всего один глазок³¹.

На поясной португее у Пхурбу подвешены сабля и колчан с налучем. Очертания ножен и рукояти позволяют определить тип сабли как *люедао* (柳葉刀)³², имевшей слабоизогнутый клинок и рукоять, изогнутую по направлению к лезвию. Прибор сабли из позолоченного металла в стиле *фаниши*, рукоять оплетена плоским шелковым шнуром зеленого цвета, ножны обтянуты шлифованной кожей ската, окрашенной в зеленый цвет. Темляк из шнура зеленого цвета. Как и у Шуляна, отделка сабли не соответствует предписаниям для военачальника 2-го ранга.

Налуч отличается по внешнему виду от предписанного в «Хуанчао лица туши» для военачальников 1-го и 2-го рангов, хотя черно-зеленая расцветка соответствует регламенту. Колчан частично виден с донца, из-за спины Пхурбу видны оперенные концы 14 стрел. На пальце правой руки – стрелковое кольцо белого цвета с темной полосой посередине.

Особенностью портрета Пхурбу является соответствие позы военачальника позы героя кампании в Джунгарии в 1755 г. – ойрата Аюши – на портрете 1760 г. из Цзыгуангэ и на свитке, описанном Анеттой Бюгенер. Однако копьё Аюши имеет конструктивные отличия от копья Пхурбу: у подтока копья Аюши имеется ременная петля, использовавшаяся для фиксации копья на носке сапога во время верховой езды в походном положении, у копья Пхурбу такой петли нет. Форма наконечника копья Аюши с короткой втулкой отлична от формы кинжаловидного наконечника копья Пхурбу с двумя параллельны-

³¹ Примечательно, что в «Цин ши гао» упоминается только о лишении Пхурбу *хуалина* в 1778 г. и ни слова не говорится о том, что в 1788 г. *хуалин* был ему возвращен.

³² В современном китайском языке словом *люедао* называют хирургический скальпель. Также этим словом современные китайские коллекционеры антиквариата называют китайские сабли с узким слабоизогнутым клинком и рукоятью, отогнутой в направлении к лезвию. Из лексикона антикваров это слово перекочевало в лексикон исследователей.

ми долами и длинной втулкой³³. Китайские и маньчжурские аналоги такому копью в настоящий момент не выявлены.

Также под наконечником копья Аюши имеется характерный для ойратского оружия XVIII в. «отрез», представляющий собой прямой однолезвийный клинок, крепящийся к древку и превращавший копьё в колюще-рубящее оружие³⁴. У копья Пхурбу подобный элемент отсутствует.

Четырнадцатый портрет изображает *тиду* судовой рати (水師提督) провинции Фуцзянь *Цзяньюн-батура* (健勇巴圖魯)³⁵ китайца Цай Паньлуна (蔡攀龍, 1738–1798), ранг 1b.

Во время кампании на Тайване Цай Паньлун несколько раз одерживал победы над мятежниками и участвовал в операции по захвату Чжуан Датяня.

Цай Паньлун изображен одетым в стеганую куртку для верховой езды (*чанфу магуа*)³⁶ сиреневого цвета, на шапке *хуалин* с одноглазковым пером³⁷, за спиной колчан со стрелами (*гаоцзянь* 囊韃), к поясу подвешены сабля и лук. На пальце военачальника стрелковое кольцо белого цвета с темной полосой посередине.

В остальном его одеяние и аксессуары схожи с одеянием и аксессуарами других военачальников. Отделка сабли, оправленной в стиле *фанши*, не соответствует регламенту.

Пятнадцатый портрет изображает *тиду* сухопутной рати (陸路提督) провинции Фуцзянь, *Фэньюн-батура* (奮勇巴圖魯)³⁸ китайца Лян Чаогуй (梁朝桂, ? – 1794), ранг 1b.

Во время восстания Линь Шуанвэня Лян Чаогуй сражался на юге острова и участвовал в операции по захвату Чжуан Датяня.

За свои подвиги Лян Чаогуй был награжден почетным титулом *Фэньюн-батур* 10 декабря 1787 г., весной 1788 г. назначен *тиду* сухопутных сил провинции Фуцзянь, а после окончания военных действий – удостоен создания портрета для Цзыгуангэ.

³³ Ближайшим по типу аналогом наконечника копья Пхурбу являются кинжаловидные наконечники с долами нивхов Нижнего Амура.

³⁴ Основной функцией такого копья оставалась колющая, а рубящая имела вспомогательное значение.

³⁵ Сильный герой-богатырь.

³⁶ Некоторые китайские авторы, описывавшие свиток перед аукционом, писали, что верхняя куртка Цай Паньлуна представляет собой легкий стеганный панцирь *цин мяньцзя* (輕棉甲). Однако насколько тонкая простеганная ткань была способна выполнять функции панциря – неясно.

³⁷ Цай Паньлун был удостоен *хуалина* указом от 12 июня 1787 г. [ГЧШ, цз. 1279, л. 21а]. Количество глазков на перо *хуалина* в указе не упомянуто.

³⁸ Доблестный герой-богатырь.

Рис. 14. Цай Паньлун
Fig. 14. Cai Panlong

Рис. 15. Лян Чаогуй
Fig. 15. Liang Chaogui

Лян Чаогуи облачен в верхний халат голубого цвета и *нэйтао* голубоватого оттенка, на шапке *хуалин* с одноглазковым павлиньим пером³⁹, рукой военачальник придерживает саблю в ножнах на поясной португее. Прибор сабли в стиле *фанши*, рукоять оплетена плоским шелковым шнуром зеленого цвета, ножны обтянуты шлифованной кожей ската зеленого цвета. На рукояти темляк из зеленого шнура. Расцветка отделки сабли не соответствует регламенту.

Набедренные лопасти *синшань* отсутствуют. Полы верхнего халата подвернуты и заткнуты за пояс, обнажая *нэйтао*. Хорошо показаны сапоги *масюэ* – по голенищу и головке сапога отчетливо прорисован характерный для такой обуви шов.

В целом одеяние Лян Чаогуя соответствует одеянию Шуляна, за исключением *синшань*. Также отсутствует налuch и колчан, но на правой руке Лян Чаогуя заметно стрелковое кольцо.

Шестнадцатый портрет изображает военачальника из мусульман Сычуани Сюй Шихэна (許世亨, ? – 1789).

На Тайване Сюй Шихэн участвовал в ряде сражений и операции по захвату Чжуан Датяня. За это он был произведен в *тиду* провинции Чжэцзян и пожалован почетным титулом *Цзяньюн-батур* (堅勇巴圖魯)⁴⁰, а *хуалин* он получил намного ранее – за сражения в Цзиньчуани.

Одежда, аксессуары, оружие и снаряжение Сюй Шихэна отличаются от таковых на портрете Цай Паньлуна исключительно расцветкой – верхний халат у него серого цвета, а набедренники – синего. Сабля по своей отделке не соответствует регламенту.

На семнадцатом портрете изображен военачальник-маньчжур из рода Дунъао (董鄂氏) по имени Мукэдэнъя (穆克登阿, ? – 1807), *цзунбин* гарнизона (*чжэнь*) в *тине* непосредственного подчинения (*чжилитин*)⁴¹ Сунпань (松潘) провинции Сычуань, носивший почетный титул Фэньтули-батур (奮圖禮巴圖魯).

В 1787–1788 гг. Мукэдэнъя принимал активное участие в боях, лично штурмуя укрепления повстанцев.

Этот портрет выделяется из череды других портретов – Мукэдэнъя одет в верхний стеганный повседневный халат *чанфу* (常服) с прямыми рукавами без обшлагов *мати* и нижний халат *нэйтао*. Верхний халат простеган частой вертикальной строчкой.

³⁹ В официальной биографии Лян Чаогуя упоминается, что он был удостоен *хуалина* из павлиньего пера еще в 1775 г. во время боев в Цзиньчуани [ЦШГ, 1927. Цз. 328].

⁴⁰ Сильный и отважный богатырь.

⁴¹ *Тин* – административная единица, соответствующая уезду, но образовывавшаяся на территориях с преимущественно инородческим населением. *Чжилитин* (直隸廳) – *тин*, непосредственно подчиняющийся губернатору провинции.

Рис. 16. Сюй Шихэн
Fig. 16. Xu Shiheng

Рис. 17. Мукэдэнгъа
Fig. 17. Mukedeng'a

На поясе Мукэдэньа висит патронташ с бамбуковыми зарядницами *чжугуань яодай* (竹管腰袋) и пороховница *сяньяоци* (線藥器), на груди – закрепленный шнуром на пуговице халата укороченный рог с затравочным порохом *чуньяоци* (銃藥器).

Такая амуниция для фитильного ружья появилась в Китае в XVI в. и была зафиксирована в сочинении известного полководца и военного теоретика эпохи Мин Ци Цигуана (戚繼光, 1528–1587) «Цзисяо синьшу» (紀效新書), составленном в 1560 г. В этом трактате полководец отразил свои практические наработки, поэтому описанная им амуниция, опробованная в боях, являлась удобной и функциональной. Жизнеспособность патронташей из коленец бамбука доказывают позднейшие иконографические источники – например, аналогичный патронташ изображен на иллюстрации из книги Р. Суинхоу «Рассказ о кампании 1860 г. в Северном Китае», запечатлевшей «татарского солдата в Тангу» [Swinhoe, 1861. См.: вклейку перед Р. 102] ⁴², а также на фотографии воина Восьмизнаменных войск, сделанной Джоном Томсоном 18 сентября 1871 г. в Пекине во время смотра у ворот Аньдинмэнь [Thomson, Vol. IV, 1874. P. 216, fig. 43] ⁴³.

В руках Мукэдэньа держит короткое фитильное ружье *хочун* (火銃) с подвязанным плечевым ремнем ⁴⁴. Такой тип ружья не описан в «Хуанчао лица туши». Ложе ружья короткое, с рудиментарным прикладом типа пистолетной рукояти, скрепляется со стволом двумя ложевыми кольцами. Общая длина оружия незначительно превышает 1 м. Длина ствола менее метра. У дульного среза ствол украшен золотой насечкой (?) ⁴⁵. Цевье не доходит до дульного среза примерно на 12–15 см. Шомпол отсутствует ⁴⁶.

Замок типа *boxlock* со скрытым механизмом и пружиной. Серпентин проходит через прорезь ложа. Спуск рычажного типа. Запальное

⁴² Книга Р. Суинхоу (Robert Swinhoe, 1835–1877) была издана в 1861 г.

⁴³ Эта конструкция схожа с широко распространенной конструкцией кавказских газырей.

⁴⁴ Голландский антиквар Петер Деккер считает, что такое ружье именуется *мацян* (馬槍) и является кавалерийским карабином. Такое слово встречается в «Хуанчао вэньсюань тункао» за правление Цяньлун, но не является устойчивым военно-техническим термином для этого периода, поэтому говорить о том, как называть этот вид огнестрельного оружия, остается открытым.

⁴⁵ Подобный стиль отделки характерен для цинских ружей высокого класса XVIII в.

⁴⁶ Целый ряд цинских ружей из «Хуанчао лица туши» не имеет шомполов. Видимо, при зарядке использовались пули меньшего калибра или же дробь [Пастухов, 2010. С. 143].

отверстие не имеет крышки. Прицельные приспособления состоят из мушки у дульного среза.

Плечевой ремень крепится на две точки – одна у конца цевья, другая – перед спуском. Детали крепления ружейного ремня прорисованы нечетко. Возможно, это подвижные кольца. Ремень (шелковая лента?) синего цвета укорочен путем подвязки посередине.

Слева на поясной портупее на комбинированный крюк-пряжку подвешена сабля в черных ножнах, с рукоятью, оплетенной плоским шелковым шнуром зеленого цвета, и зеленым темляком. Прибор рукояти и ножен позолочен. Прибор оформлен в «круглом стиле» *юаньши* (圓式)⁴⁷, начавшим распространяться в империи не позднее чем с конца первой половины XVIII в., плоская гарда *паньхушоу* (盤護手) орнаментирована⁴⁸.

Примечательно, что в данном случае ножны обтянуты кожей черного цвета, что соответствует требованиям «Хуанчао лица туши», однако при этом рукоять оплетена зеленым шнуром, что противоречит этим требованиям.

Мукэдэньа носит шапку *гуаньмао* с *хуалином*, перо которого имеет один глазок. Сведений о награждении Мукэдэньа *хуалином* в доступных документах не обнаружено. Финаль на шапке светло-розового цвета, изображающего коралл, что соответствует рангу 2а и должности *цзунбин*, которую в это время занимал Мукэдэньа.

Военачальник обут в сапоги *масюэ*.

Портрет Мукэдэньа очень редкий – всего известно четыре портрета цинских полководцев с ружьями: это *нэй-дачэнь* из рода Борджигит Очир (內大臣鄂齊爾), герой кампании в Джунгарии и Восточном Туркестане (1755–1760), *линдуй-дачэнь* Даньба-батур Гуаньдасэ, *цзунбин чжэня* Дагун в провинции Шаньси (領隊大臣山西大同鎮總兵巴爾丹巴圖魯官達色), *цзунбин чжэня* Чжаотун провинции Юньнань Бакэтаньбу (雲南昭通鎮總兵巴克坦布), герои кампании в Цзиньчуани (1771–1776), и портрет самого Мукэдэньа, отличившегося на Тайване. Портреты предназначались для вывешивания в Цзыгуангэ.

До Второй мировой войны (1939–1945) все четыре портрета хранились в собрании Берлинских Государственных музеев (Staatliche

⁴⁷ Искусственно созданный в среде коллекционеров цинского холодного оружия термин, обозначающий прибор с округлыми очертаниями наконечника ножен и наверхия рукояти. В настоящее время применяется в оружейведении.

⁴⁸ Чаще всего гарды из латунного сплава имели рельефный орнамент, доработанный после отливки чеканкой. Однако встречаются и другие техники декорирования – обронная резьба по металлу, чеканка, гравировка, насечка и т.д. По данному изображению сложно определить технику декорирования.

Museen zu Berlin), но в настоящее время местонахождение портретов для Цзыгуангэ не установлено, и они известны лишь по черно-белым довоенным фотографиям. Это делает портрет Мукэдэнъя на свитке особенно ценным для изучения военного костюма, оружия и снаряжения эпохи Цин.

Восемнадцатый портрет изображает военачальника-маньчжура Пуцзибао (普吉保, ? – 1800) из рода Чжакута (札庫塔氏), носившего титул *Чунце-батур* (冲傑巴圖魯).

В ходе подавления восстания Пуцзибао принимал участие в решающих сражениях кампании и операциях по поимке Линь Шуанвэня и Чжуан Датяня.

За свои заслуги Пуцзибу был назначен *цзунбином* Тайваньского *чжэня* (台灣鎮總兵) – высшего соединения войск Зеленого Знамени на острове, условно соответствующего дивизии. Однако в 1789 г. император счел, что Пуцзибао не справляется со сложной задачей окончательного умиротворения острова, и перевел его на службу в Гуанси.

Одевание, аксессуары и вооружение Пуцзибао соответствует такому на портрете Сюй Шихэна с незначительными отличиями – на портрете Пуцзибао *синшань* серого, а не синего цвета, а халат – синий, а не серый⁴⁹. Кроме того, *магуа* Пуцзибао не простегана, в отличие от *магуа* Сюй Шихэна. Как и на предыдущих портретах, цветовая гамма отделки сабли не соответствует регламенту.

Девятнадцатый портрет свитка изображает китайца Чжан Чжиюаня (張芝元, ? – 1792), *цзунбина* в *чжэне* Цзяньчан (建昌鎮) провинции Сычуань, носившего титул Чжадуньба-батур (札敦巴巴圖魯).

Чжан Чжиюань командовал войсками, набранными из тибетоязычных горных племен, поскольку понимал их язык – редкое для высокопоставленных китайских военачальников обстоятельство. Отряд Чжан Чжиюаня принимал участие в решающих сражениях кампании. Во время штурма горы Сяобаньтяньшань Чжан Чжиюань во главе воинов-горцев обошел позиции противника с тыла и нанес внезапный удар, решивший исход боя. Сам Чжан Чжиюань вместе с Пхурбу пер-

⁴⁹ Поза, в которой изображен Пуцзибао, очень схожа с позой, в которой изображен Сюй Шихэн. Повторы заметны и в портретах других сановников и военачальников. Возможно, имея сжатые сроки для исполнения масштабных заказов императора, Цзя Цюань использовал трафаретные решения для изображения фигур портретируемых. Кроме того, на портретах можно отметить два типа лица – треугольное, узкое, и квадратное, что также свидетельствует о высокой вероятности применения стандартных решений. Для окончательного выяснения этого вопроса в будущем следует обратиться к изучению документации цинской придворной академии живописи Жуигуань.

Рис. 18. Пуцзибао
Fig. 18. Pujibao

Рис. 19. Чжан Чжюань
Fig. 19. Zhang Zhiyuan

выми поднялись на гору и разрушили вражеский частокол, выдернув бамбуковые колья, чтобы расчистить дорогу своим войнам.

За подвиги в ходе подавления восстания указом от 29 февраля 1788 г. Чжан Чжиюаня пожаловали чином *цзунбин*, ранг 2а⁵⁰. После подавления мятежа Чжан Чжиюань был удостоен портрета в Цыгуангэ, написанном в период 6 мая – 3 июня 1788 г. Дата пожалования *хуалина* не установлена, но, скорее всего, это произошло еще по результатам кампании в Цзиньчуани.

Чжан Чжиюань облачен в дорожный халат *синфу* (行服) серо-коричневого цвета с узкими рукавами *матисю*, приставной правой полкой и светло-голубой *нэйтао*, обут в сапоги *масюэ*. На голове шапка *гуаньмао* с *хуалином*, перо которого имеет один глазок. Пояс синего цвета (матерчатый?), завязан плоским узлом, металлических пряжек и накладок нет. Такой пояс без отделки не соответствует рангу *цзунбин*.

На поясе висят налuch с колчаном, в котором находится 15 стрел, а также сабля в ножнах, обтянутых шлифованной кожей ската зеленого цвета. Рукоять оплетена плоским шелковым шнуром зеленого цвета с зеленым темляком. Прибор сабли типа *люедао* из позолоченного металла, украшен орнаментом. Сабля подвешена нетипично для цинских воинов – рукоятью вперед. Такая подвеска использовалась ситуативно. Как и на предыдущих портретах, отделка сабли не соответствует предписаниям для сабель военачальников чина *цзунбин*.

Налuch и колчан из черной кожи с зеленой кожаной окантовкой, прошитой красной нитью. Рисунок окантовки не соответствует изображению из «Хуанчао лица туши».

В руках Чжан Чжиюань держит покрытый берестой лук и стрелу с наконечником типа *мэйчжэньцзянь* (梅針箭), которые являлись одним из двух основных типов цинских боевых стрел. На большом пальце правой руки – белое стрелковое кольцо с темной полосой посередине.

Двадцатый портрет изображает военачальника Мутара (穆塔爾, ? – 1795)⁵¹, происходившего из горных племен Малой Цзиньчуани, оставшихся лояльными Цинам во время войны 1771–1776 гг. За подвиги во время этой войны Мутар был удостоен почетного титула

⁵⁰ Назначение произошло достаточно внезапно, так как в *чжэне* Цзяньчан освободилась вакансия на должность *цзунбина*.

⁵¹ В «Цин ши гао» этому военачальнику посвящена нормативная биография в цз. 333, где имя Мутар 木塔爾 записывается с другим первым иероглифом *му* – 木 вместо 穆

Рис. 20. Мутар
Fig. 20. Mutaer

Цзаньба-багур (贊巴巴圖魯), а в 1784 г. – чина *саньчжи-дачэнь* (散秩大臣銜), ранг 2b, за подавление восстания мусульман в Шифэнбао (石峰堡).

На Тайване Мутар вместе с военачальником-дауром Бобинем (博斌, ? – 1797) взял в плен лидера повстанцев Чжуан Датяня. После окончания боевых действий Мутар был пожалован портретом в Цзыгуангэ⁵².

На портрете Мутар одет в синий *синфу* с приставной правой полкой, и вертикально простеганную куртку *магуа* (馬褂) фиолетового цвета с рукавом длиной в $\frac{3}{4}$, с осевым разрезом, застегнутым на пять круглых позолоченных пуговиц, и голубой *нэйтао*, обут в сапоги *масюэ*. Пояс не изображен – ремни, на которых подвешены колчан со стрелами, налуч и сабля, проходят через боковые разрезы на *магуа*. Налуч практически не виден, на портрете изображен лишь покрытый берестой лук, а также колчан черного цвета с зеленой отделкой. В колчане изображены 15 стрел, три из которых вложены в индивидуальные гнезда на внешней стороне колчана. Возможно, это сигнальные стрелы, снабженные свистунками⁵³.

Сабля в черных ножнах имеет позолоченный прибор в стиле *фанши* и темляк из шнура зеленого цвета. Прорисовка не позволяет утверждать наверняка наличие орнамента на деталях прибора. Как и на предыдущих портретах, отделка сабли не соответствует регламенту.

На голове Мутар носит шапку *гуаньмао*, на шапке *хуалин* с одним глазком и светло-розовая коралловая финаль, соответствующая 2-му чиновному рангу.

Вопрос о *хуалине* Мутара остается открытым – существует поздний указ от 3 мая 1795 г., согласно которому Мутар (穆塔爾) был удостоен не *хуалина*, а *ланьлина* (藍翎) – плюмажа из фазаньих перьев, окрашенных в синий цвет. Такой плюмаж был менее престижной наградой – обычно им жаловали императорских телохранителей низших рангов, которые назывались по этому знаку отличия *ланьлин шивэй* (藍翎侍衛).

⁵² Первый раз Мутара пожаловали портретом в Цзыгуангэ за подвиги в Цзиньчуньской кампании.

⁵³ Все типовые цинские стрелы, применяемые в войсках, могли иметь дополнительно установленную свистунку. Такие стрелы использовались для подачи сигнала войскам.

Заключение

Разобрав все двадцать портретов, представленных на свитке «Цзиньин бинцзи», можно прийти к выводу, что наибольшей точностью отличаются портреты высокопоставленных сановников, изображенных в парадных придворных одеяниях.

Однако первая логическая серия портретов сановников и военачальников, нарисованных на свитке в парадных придворных одеяниях, все-таки имеет ряд ошибок в изображении деталей. Вразумительных объяснений этим обстоятельствам в настоящий момент у нас нет.

Подобные ошибки художника требуют дальнейшего тщательного исследования, поскольку несоответствие количества глазков на *перехуалинов* Ли Шияо, Сунь Ши и Эхуя и количество когтей у дракона на *буцзы* у Хэшэня входят в противоречие с известными относительно этих исторических персонажей фактами.

Портреты военачальников также нарисованы с большим количеством несоответствий с регламентными требованиями имперского этикета.

Самым простым решением было бы предположить поддельный характер свитка, к тому же недоступного для непосредственного исследования⁵⁴. Однако целый ряд деталей рисунка, а также несомненное сходство примененных техник и общая манера живописи с другими известными свитками не позволяют утверждать подобное наверняка. Вопрос о степени соответствия предписаний цинских уложений повседневной практике ношения одежды, головных уборов, знаков различия и отличия, а также оружия и аксессуаров, требует дальнейшего пристального изучения.

Введение в научный оборот новых документальных и иконографических источников позволит значительно продвинуться в вопросе изучения костюмного комплекса империи Цин в XVIII в. и существенно пополнить и расширить наши знания по данному вопросу.

*Материал поступил в редакцию
Received*

05.10.2022

⁵⁴ В настоящий момент свиток находится в частной коллекции лица, пожелавшего остаться неизвестным, и для изучения доступны только фотографии этого свитка, сделанные не в самом лучшем разрешении, что сильно осложняет изучение данного иконографического источника.

Список литературы

Гаоцзун Чунь-хуанди шилу (Хроника правления императора Цяньлуна). Б/м, 1808. URL: <http://sillok.history.go.kr/mc/inspectionList.do> (Дата обращения: 15.04.2022). (на кит. яз.).

Хуанчао лица туши (Иллюстрированное описание ритуальной утвари августейшей династии), цз. 13-18 Убэй (Вооружение). Б/м, б/г., фотокопия ксилографа. (на кит. яз.).

Чжао Эрсюнь Цин ши гао (Черновая история империи Цин). Пекин, 1927. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%B8%85%E5%8F%B2%E7%A8%BF> (Дата обращения: 15.05.2022). (на кит. яз.).

Хуанфу Цзян Чжунго даоцзянь (Китайские мечи и сабли). Цзинань: Минтянь чубаньшэ, 2007. 252 с. (на кит. яз.).

Бичурин Н. Я. Статистическое описание Китайской империи. М.: Вост. дом, 2002. 464 с.

Пастухов А. М. Китайские ружья XVII–XVIII веков (по данным письменных и изобразительных источников) // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX века. Вып. I. Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 131–199.

Dekker P. Chinese cavalry matchlock. URL: <https://www.mandarinmansion.com/item/chinese-cavalry-matchlock> (Дата обращения: 15.05.2022). (на англ. яз.).

Swinhoe R. Narrative of the North China campaign of 1860. L.: Smith, Elder and Co., 1861. 391 p.

Thomson J. Illustration of China and its people. Vol. IV. L.: Sampson Low, Marston, Low and Searle, 1874. 320 p.

Von Essen M. F. Eight Banners and Green Flag. The army of the Manchu empire and Qing China, 1600–1850. Oxford: Joshua Horgan, 2009. 204 p.

Сайт аукциона iGavel (фотоизображения свитка «Цзиньин бинцзи»). URL: https://bid.igavelauctions.com/Bidding.taf?function=detail&dir=n&Auction_uid1=3389534 (Дата обращения: 15.05.2022). (на англ. яз.).

References

Gaozong Chun-huangdi shilu (Chronicle of the reign of Qianlong emperor), no place, 1808. URL: <http://sillok.history.go.kr/mc/inspectionList.do> (Accessed: 04.15.2022). (in Chin.).

Huangchao liqi tushi (Illustrations of Imperial Ritual Paraphernalia), juan 13-18 Wubei (Weaponry), no place, no year, photocopy of woodblock prints (in Chin.).

Zhao Erxun Qing shi gao (Draft history of Qing). Beijing, 1927. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%B8%85%E5%8F%B2%E7%A8%BF> (Accessed: 05.15.2022). (in Chin.).

Huangfu Jiang Zhongguo daojian (Chinese swords and sabers). Jinan: Mingtian chubanshe, 2007. 252 p. (in Chin.).

Bichurin N. Ya. Statisticheskoe opisanie Kitaiskoi imperii. M.: Vostochny Dom, 2002. 464 p.

Pastukhov A. M. Kitaiskie ruzh'ya 17-18 vekov (po dannym pismennykh I izobrazitelnykh istochnikov) // Voennoye delo v Aziatsko-Til'hookeanskom regione s drevneyshikh vremen do nachala 20 veka. Vyp. I. Vladivostok: Dalnauka, 2010. P. 131-199.

Dekker P. Chinese cavalry matchlock. URL: <https://www.mandarin-mansion.com/item/chinese-cavalry-matchlock> (Accessed: 05.15.2022). (in Eng.).

Swinhoe R. Narrative of the North China campaign of 1860. London: Smith, Elder and Co., 1861. 391 p.

Thomson J. Illustration of China and its people, Vol. IV. London: Sampson Low, Marston, Low and Searle, 1874. 320 p.

Von Essen M. F. Eight Banners and Green Flag. The army of the Manchu empire and Qing China, 1600-1850. Oxford: Joshua Horgan, 2009. 204 p.

WEB-site of iGavel auction (photo reproductions of the “Jingying bingji” scroll). URL: https://bid.igavelauctions.com/Bidding.taf?_function=detail&dir=n&Auction_uid1=3389534 (accessed: 05.15.2022). (in Eng.).

Список сокращений

ГЧШ – Гаоцзун Чунь-хуанди шилу

ХЛТ – Хуанчао лица туши

ЦШГ – Цин ши гао

List of abbreviations

GChSh – Gaozong Chun-huangdi shilu

HLT – Huangchao liqu tushi

QShG – Qing shi gao

Сведения об авторе / About the Author

Алексей Михайлович Пастухов,

инженер лаборатории гуманитарных исследований НГУ, Новосибирский государственный университет (д. 1, ул. Пирогова, 630090, Новосибирск, Российская Федерация)

Alexey M. Pastukhov,

Novosibirsk State University (1, Pirogova Str., 630090, Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: chinesewarfare@inbox.ru

ORCID: 0000-0003-0151-1796.

Древнетюркская богиня плодородия Умай: гора и храм на Енисее

С. Г. Скобелев

*Новосибирский государственный университет
630090, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, Россия
sgskobelev@yandex.ru*

*Работа посвящается памяти выдающегося
исследователя археологии Сибири и Центральной Азии
доктора исторических наук профессора Юлия Сергеевича Худякова*

Аннотация

В культуре и фольклоре тюрко-монгольских этносов, а также населения тунгусского происхождения, несмотря на сильное укоренение христианства, ислама и буддизма, до сих пор явственно отмечаются элементы верований собственного происхождения, включая трехчастную структуру верховных божеств – Тенгри (божественное небо, высшая власть во вселенной), Йер-суг (родимая земля и вода) и Умай (обеспечение плодородия на земле). Имеется и много археологических свидетельств бытования культа Умай. Но при этом лишь в четырех случаях на планете имеются прямые указания на точные место и природные объекты, где обитает и откуда действует эта богиня. Одно из них – гора Умай и рядом находящееся скальное образование, называемое «башней» Умай, на правом берегу Енисея при выходе его из Западно-Саянского каньона. Несмотря на многочисленные упоминания горы в фольклоре хакасов, в том числе в уже опубликованных материалах, детального описания она еще не получила. О наличии рядом с ней скального образования оригинальной формы в научной литературе вообще не упоминалось. Таким образом, необычных форм гора (в виде женской груди) и скальное образование (по виду напоминающее башню) на Енисее, в комплексе обладают характеристиками сакрального центра для такого хтонического персонажа, как Умай. Оба эти природных объекта могут уверенно включаться в число священных мест, связанных с нею. По данным свидетельствам можно проследить ряд аспектов истории миграций в Евразии, в частности, границ расселения, степени мобильности и межэтнических контактов, главным образом тюркоязычного, а также населения тунгусо-монгольского происхождения.

Ключевые слова

Тюрко-монгольские и этносы тунгусоязычного происхождения, пантеон, богиня Умай, гора и храм на Енисее.

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект

№ 20-18-00111) «Мобильность и межкультурные контакты в становлении и развитии социумов Западной Сибири (Древность – Средневековье – Новое время)» (руководитель – академик В. И. Молодин)

Для цитирования

Скобелев С. Г. Древнетюркская богиня плодородия Умай: гора и храм на Енисее // *Universum Humanitarium*. 2022. № 1. С. 143–152.
DOI 10.25205/2499-9997-2022-1-143-152

Ancient turkic goddess of fertility Umai: a mountain and a temple on the Yenisei

S. G. Skobelev

*Novosibirsk State University
630090, st. Pirogova, 1, Novosibirsk, Russia
sgskobelev@yandex.ru*

Abstract

In the culture and folklore of the Turkic-Mongolian ethnic groups, as well as the population of Tungus origin, despite the strong rooting of Christianity, Islam and Buddhism, elements of beliefs of their own origin are still clearly noted, including the tripartite structure of the supreme deities – Tengri (divine sky, the highest power in the universe), Yer-sug (native earth and water) and Umai (providing fertility on earth). There is also a lot of archaeological evidence of the existence of the Umai cult. But at the same time, only in four cases on the planet there are direct indications of the exact place and natural objects where this goddess lives and from where she acts. One of them is Mount Umai and a nearby rock formation, called the “tower” of Umai, on the right bank of the Yenisei at its exit from the West Sayan Canyon. Despite the numerous mentions of the mountain in the folklore of the Khakasses, including in already published materials, it has not yet received a detailed description. The presence of a rock formation of an original form next to it was not mentioned at all in the scientific literature. Thus, an unusually shaped mountain (in the form of a female breast) and a rock formation (looking like a tower) on the Yenisei, in combination, have the characteristics of a sacred center for such a chthonic character as Umai. Both of these natural objects can confidently be included in the number of sacred places associated with it. Based on this evidence, a number of aspects of the history of migrations in Eurasia can be traced, in particular, the boundaries of settlement, the degree of mobility and interethnic contacts, mainly of Turkic-speaking, as well as the population of Tungus-Mongolian origin.

Keywords

Turkic-Mongolian and ethnic groups of Tungus-speaking origin, pantheon, goddess Umai, mountain and temple on the Yenisei.

Acknowledgments

The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00111) «Mobility and intercultural contacts in the formation and development of societies in Western Siberia (Antiquity – the Middle Ages – Modern times)» (supervisor – Academician V. I. Molodin)

For citation

Skobelev S. G. Ancient turkic goddess of fertility Umai: a mountain and a temple on the Yenisei // *Universum Humanitarium*. 2022. № 1. P. 143–152.
DOI 10.25205/2499-9997-2022-1-143-152

*The work is dedicated to the memory
of the outstanding researcher of the archaeology
of Siberia and Central Asia, Professor, Doctor of Historical Sciences
Yuli Sergeevich Khudyakov*

Введение

Тюрко-монгольские и тунгусоязычные этносы Евразии в настоящее время принадлежат к различным конфессиям, которые в абсолютном большинстве являются воспринятыми у соседей. Однако даже более, чем у многих народов индоевропейского происхождения, в культуре и фольклоре тюрков, несмотря на сильное укоренение христианства, буддизма или ислама, до сих пор явственно отмечаются элементы верований собственного происхождения, включая существование трехчастной структуры верховных божеств – Тенгри (божественное небо, высшая власть во вселенной), Йер-суг (родимая земля и вода) и Умай, где последняя обеспечивала плодородие на земле. В мире, видимо, мало таких тюрков, кто в детстве не слышал про Умай хотя бы в производных дефинициях от этого имени; данный персонаж известен и у монголо-, и тунгусоязычных народов. Богиня выступает под многими именами: Умай-иче, Ымай идже, Май-иче, Май-ана, Эхын Умай, Пай-ана, Пай идже – «богатая, добрая мать» и Улуг ак ине – «Великая белая мать», Ума, Омай, Нумай, Убай и т. п. [Абрамзон, 1949; Бутанаев, 1984; Бутанаев, 1995; Бутанаев, 2003; Дыренкова, 1928; Неклюдов, 1981; Потапов, 1973]. Например, у современных татар Поволжья почитание божества Умай не сохранилось, но оно отмечается в доисламских дастанах и легендах, в обычаях и в языке, где есть много общеизвестных слов, которые образовались от корней *ум*, *ым*, *им*, *ам*, подразумевающих женскую утробу, связь матери и ребенка: *ым*, *ымсын*у, *ымын аму*, *йумалау*, *им-гэк*, *иму*, *имезу*, *имезлек*, *ими*, *имчяк*, *ам*, *амый*, *май* и т. д. Имеется достаточно большое количество и археологических свидетельств бытования культа Умай, включая ее упоминания в рунических текстах (где супруга каганов именовалась не иначе как «величественная мать-катун, подобная Умай»), изображения на скалах, валунах, монетах, костяных пластинах, в виде серег и т. д. [Скобелев, 1990; Skobelev Sergey, 2012]. По этим свидетельствам

можно проследить ряд аспектов истории миграций в Евразии, в частности, границ расселения, степени мобильности и межэтнических контактов, главным образом тюркоязычного, а также населения тунгусо-монгольского происхождения.

Однако, как и в большинстве иных религий, в тюркском пантеоне абсолютно устоявшегося, канонического облика богини не существует. Имеются различные его вариации, однако в обязательном порядке присутствуют такие элементы, как подчеркнута женский облик, трехрогой формы головные уборы (до сих пор стрела с трехрогим наконечником как символом Умай сохранилась в детских амулетах от Средней Азии до Сибири) и крылья за плечами. Подобные изображения известны на весьма широких территориях Евразии и присутствуют там, где проживали ранее или живут сейчас тюрко- и монгоязычные этносы, конкретно от Забайкалья, Енисея и Абакана до Средней Азии, Поволжья и Причерноморья [Скобелев, 1990; Skobelev Sergey, 2012]. Но при этом лишь в четырех случаях на планете имеются прямые указания на точные место и природные объекты, где обитает и откуда действует эта богиня. Имеются в виду современные гора Белуха на Алтае (для алтайцев она является храмом Умай, и пространство около нее священно), гора Умай в виде женской груди и находящееся рядом скальное образование, иногда называемое «башней» Умай, расположенные на правом берегу Енисея при выходе его из Западно-Саянского каньона, а также горы Чар у г. Нарына в Кыргызстане, где в пещере появляется Умай и куда простой человек не может войти [Абрамзон, 1949. С. 82]. Четвертый объект – это естественный грот длиной около 4 м и высотой более 1 м под названием Эхын Умай (Чрево Матери) в национальном парке «Алханая» в Забайкальском крае. Грот – одно из самых посещаемых культовых мест Алханая, где паломники совершают ритуальные обряды и просят у хранительницы Эхын Умай детей для продолжения своего рода [Стойчев, 2016]. Хотя напрямую об обитании здесь богини Умай не говорится, ясно, что в основе такого отношения к данному природному объекту лежит именно это (несколько трансформированное) представление. На иных территориях тюрко-монгольского мира конкретных природных объектов, связываемых с Умай, не известно. Лишь крымские татары без какого-либо упоминания имени Умай предполагают в своих представлениях о «золотой колыбели», что последняя может находиться в той или иной горе на полуострове.

Что касается священной для хакасов горы Умай на Енисее, то несмотря на многочисленные упоминания данного объекта в фольклоре хакасов, в том числе в уже опубликованных материалах, детально-

го описания она еще не получила. О наличии рядом с ней скального образования оригинальной формы в научной литературе вообще не упоминалось. Подавляющее число сведений о горе Умай выявил и опубликовал В. Я. Бутанаев [Бутанаев, 1984; 2003], однако он сам считает, что их недостаточно для того, чтобы эту тему можно было закрыть. Именно В. Я. Бутанаев и порекомендовал автору настоящей публикации заняться данной проблемой с точки зрения описания объекта и привязки сведений фольклора хакасов к конкретным памятникам природы. В связи с этим целью настоящей работы предполагается введение в научный оборот новых предварительных сведений о горе Умай и так называемой «башне» Умай на Енисее. Научная значимость и актуальность исследования состоит в том, что возможно получение детализированных знаний о характере использования данных двух объектов в практике почитания этой богини у хакасов.

Основная часть

Исследование предполагается провести с использованием историко-сравнительного метода, в том числе с анализом элементов фольклора и этнографии. Первой составляющей частью использованных материалов станут данные Топонимического словаря Хакаско-Минусинского края, созданного В. Я. Бутанаевым.

Там приводятся следующие сведения об этих объектах: «Ымай-тас (Каменная Умай) – г. Б. М. Амай по правому берегу р. Енисей, напротив поселка Майна. Согласно хакасским мифам, здесь находится храм богини Умай, где хранятся души детей...» [Бутанаев, 1995. С. 213]. Исходя из текстов бурханистских молитв, гора Ымай-тас располагается по небесной оси в центре земли (*тигір ортазы тимір өрген*). «Храм» охраняется духом-хозяином этой горы [Бутанаев, 2003. С. 178].

Вторая составляющая часть источников – это результаты нашего знакомства с данными природными объектами непосредственно на местности.

Так, сама гора высотой 861 м от уровня океана расположена в самой северной части хребтов Западного Саяна. Координаты ее вершины – 53° 02'48.87" с.ш. 91°34'58.18" в.д. Отличается своей правильной, похожей на женскую грудь, треугольной формой (при взгляде в секторе с северо-востока и почти до запада). Хорошо выделяется визуально даже при облачной погоде на фоне высоких, но значительно более удаленных горных вершин. Видна с больших расстояний с территории прилегающей с севера Койбальской степи Хакасии. Часто над ней или поперек горы лежит облачность (рис. 1). Последний факт

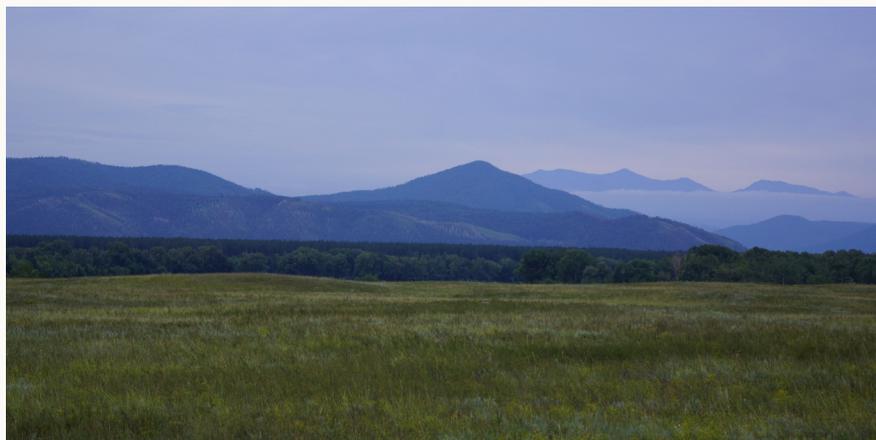

Рис. 1. Гора Умай в системе Западного Саяна – на заднем плане видна трехглавая вершина хребта Борус (фото автора; снято с С)

Fig. 1. Mount Umai in the Western Sayan system the three-headed peak of the Borus ridge is visible in the background (photo by the author; taken from N)

важен в связи с тем, что, согласно представлениям хакасов, Умай невидима людям и может находиться среди белых облаков, откуда следит за рождением детей и оберегает их от несчастий. Осенью на этой горе довольно рано появляется снег, что соответствует пониманию ее статуса как снежной священной вершины и дает основания хакасам называть гору Ымай-тасхыл и Ымай-таг. Саянский острог, поставленный в 1718 г. на Енисее, назывался хакасами Омай (Ымый)-Тура. Названия Майнский порог на Енисее, Майнский рудник, пос. Майна также происходят от этой горы.

Второй объект – скальное образование в виде башни высотой 360 м от уровня океана, расположено также на правом берегу Енисея, несколько выше по течению от горы Умай, у ее западного подножия. Координаты вершины – $52^{\circ}59'32.70''$ с.ш. и $91^{\circ}30'47.70''$ в.д. Представляет собой скалу колоннообразной формы с зауженным закругленным верхом, западным подножием выходящую достаточно близко к берегу Енисея (рис. 2). На ее крутых склонах имеются неглубокие и небольшие по размеру гроты. Своей необычной формой, напоминающей голову сурово нахмуренного старика, как бы выполненной искусственно, скала заметно выделяется на фоне остальных обнажений на склонах гор, чем, видимо, и привлекала внимание людей, в первую очередь шаманов. В настоящее время у местного русского населения скала известна под именем Хабас. Она также покрывается облачностью, обычно единой с горой Умай.

О каком из этих двух объектов, называемом Ымай-тасхыл, шла речь в ходе камланий шаманов с обращением к Умай, сказать сложно. По их словам, близлежащая с юга трехглавая гора Борус – это отец, ассоциируемый с верховным божеством Тенгри, а гора Ымай-таг – мать. Башня, возможно, служила жилищем старика – духа-хозяина горы Ымай-тасхыл. Могла считаться и входом в гору, где обитала Умай. Но, скорее всего, и гора, и башня, как в случае с ближайшими окрестностями горы Белуха, понимались единым священным комплексом и потому в обращениях шаманов одновременно упоминались и гора Умай, и храм Умай, и дух-хозяин в виде старика [Бутанаев, 1984. С. 96; 2003, С. 178, 182–183], где храмом или «стариком» мог считаться объект, более похожий на сотворенный искусственно.

Следует отметить, что из числа известных в Евразии находок предметов с изображениями Умай наиболее детализированные из них были найдены в результате наших раскопок в 1985 г. недалеко от места расположения этих горы и скалы (на расстоянии около 55 км к юго-западу) в кургане № 7 могильника Койбалы на Абакане, на серьгах из золота и серебра, изображавших крылатую женщину. Присутствовали также нимб над головой, чаша в руках на уровне груди (с освященным молоком), две ромбовидные привески (символизировали *кин* – футляр для хранения пуповин детей) с изображе-

Рис. 2. Башня Умай (гора Хабас; фото автора; снято с ЗЮЗ)

Fig. 2. Umai Tower (Mount Khabas; photo by the author; taken from the WSW)

нием трилистника (символов плодородия) и подвески в виде шариков (символов зародышей душ) [Скобелев, 1990]. В хорошую погоду с площади могильника в Койбальской степи можно различить контуры горы Умай и хребта Борус.

Заключение

Таким образом, необычной формы гора и скальное образование, по виду напоминающее башню на Енисее (помимо того, что и сама гора заключает в себе идею центральной надземной вертикали, в верхнем пределе достигающей неба) в комплексе обладают характеристиками сакрального центра для такого хтонического персонажа, как Умай. Поэтому оба эти природных объекта могут уверенно включаться в число священных мест, связанных с богиней Умай. В результате представленный материал уже в нынешнем виде расширяет наши знания о духовном мире хакасов, выявляя новые стороны их историко-культурных связей в сфере мифологии с иными народами Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, населением некоторых других территорий. Но требуются более детальные поиски сведений фольклора хакасов и иных народов, на основании которых можно было точнее определить возможную взаимосвязь и соподчиненность обоих объектов, учитывая, что как нет единого канонического облика Умай, так и не может быть абсолютно идентичных представлений у разных народов относительно мест и условий ее обитания.

*Материал поступил в редакцию
Received
04.11.2022*

Список литературы

Абрамзон С. М. Рождение и детство киргизского ребенка (Из обычаев и обрядов тянь-шаньских киргизов) // Сборник МАЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 78–138.

Буганаев В. Я. Культ богини Умай у хакасов // Этнография народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1984. С. 93–105.

Буганаев В. Я. Топонимический словарь Хакаско-Минусинского края. Абакан: Лаборатория этнографии НИС Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 1995. 267 с.

Буганаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2003. 260 с.

Дыренкова Н. П. Умай в культуре турецких племён // Культура и письменность Востока. Баку: Издание ВЦК НТА, 1928. Кн. 2. С. 134–139.

Неклюдов С. Ю. Мифология тюркских и монгольских народов // Тюркол. сб. 1977. М.: Наука, 1981. С. 183–202.

Потапов Л. П. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных. Тюркол. сб. 1972. М.: Наука, 1973. С. 265–286.

Скобелев С. Г. Подвески с изображением древнетюркской богини Умай // Сов. археология. 1990. № 2. С. 226–233.

Стойчев Р. Алханай: чрево матери. Электронный ресурс <http://lan.at.ua/news/alkhana/2016-02-14-44> – Дата обращения: 28.08.2016 (in Russ.).

Skobelev Sergey. Eski Türklerin Metal Heykellerinde Bereket Tanrıçası Umai İmajinin Üslup ve Tasarım Özellikleri // 1. Uluslararası Avrasya Türk Sanatları Kongresi. 21–24 Kasım. Özet Kitabı. İstanbul, 2012. S. 22.

References

Abramzon S. M. Birth and childhood of a Kyrgyz child (From the customs and rituals of the Tien Shan Kirghiz) // Collection of the MAE. M.; L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Press, 1949, pp. 78–138.

Butanaev V. Ya. The cult of the goddess Umai among the Khakas // Ethnography of the peoples of Siberia. Novosibirsk: Nauka Press, 1984, pp. 93–105.

Butanaev V. Ya. Toponymic Dictionary of the Khakass-Minusinsk Territory. Abakan: Laboratory of Ethnography NIS Khakass State University N.F. Katanov Press, 1995. 267 p.

Butanaev V. Ya. Burkhanism of the Turks of Sayano-Altai. Abakan: Publishing House of the Khakass State University N.F. Katanov Press, 2003. 260 p.

Dyrenkova N. P. Umai in the cult of Turkish tribes // Culture and writing of the East. Baku: Edition of the All-Union Central Committee of the NTA Press, 1928. Book. 2. P. 134–139.

Neklyudov S. Yu. Mythology of the Turkic and Mongolian peoples // Turkological collection. 1977. М.: Nauka Press, 1981. S. 183–202.

Potapov L. P. Umai – the deity of the ancient Turks in the light of ethnographic data. Turkological collection 1972. М.: Nauka Press, 1973. S. 265–286.

Skobelev S. G. Pendants depicting the ancient Turkic goddess Umai // Soviet archaeology. 1990. No. 2, pp. 226–233.

Stoychev R. Alkhanai: the womb of the mother. Electronic resource <http://lan.at.ua/news/alkhana/2016-02-14-44> – Date of access: 28.08.2016 (in Russ.).

Skobelev Sergey. Eski Türklerin Metal Heykellerinde Bereket Tanrıçası Umai İmajinin Üslup ve Tasarım Özellikleri // 1. Uluslararası Avrasya Türk Sanatları Kongresi. 21–24 Kasım. Özet Kitabı. İstanbul, 2012. S. 22. (in Turk.)

Список сокращений

МАЭ – Музей археологии и этнографии
MAE – Museum of Archaeology and Ethnography

НИС – Научно-исследовательский сектор
NIS – Research sector

ВЦК НТА – Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита
VCK NTA – All-Union Central Committee of the New Turkic Alphabet

Информация об авторе / About the Autor

Скобелев Сергей Григорьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Новосибирский государственный университет, заведующий лабораторией гуманитарных исследований

Sergey G. Skobelev,

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Novosibirsk State University, Head of the Laboratory of Humanitarian Studies

Office: 8-383-347-19-35, 8-913-458-70-21

E-mail: sgskobelev@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4056-0670>

К вопросу о возможности боевого использования чеканов сарагашенского этапа тагарской культуры

О. В. Минор¹, А. Л. Петренко²

¹ Новосибирский государственный университет

Пирогова 1, Новосибирск, Россия

E-mail: lesya-minor@yandex.ru

² АУ РХ ИТВ Центр «Хакасия»

Пушкина, 111, Абакан, Республика Хакасия, Россия

E-mail: alaket@yandex.ru

Аннотация

Настоящая работа посвящена выявлению боевых свойств чеканов сарагашенского этапа тагарской культуры. На всем ее протяжении чеканы являлись одним из видов оружия ближнего боя и были предназначены для нанесения колотых ран. На территории Хакасско-Минусинской котловины чеканы известны еще в эпоху поздней бронзы, но широкое применение получили у населения тагарской культуры. Они являются исключительно мужским предметом. В археологической литературе сложилось мнение о не-боевом назначении чеканов на сарагашенском этапе, они трактуются как «вотивные» (предназначенные исключительно для ритуального использования – в качестве сопроводительного инвентаря усопшего). Тагарские петроглифы демонстрируют два вида чеканов: большой и малый. Проведенный анализ изделий и их изображений позволяет говорить о боевом применении и уменьшенных, и полноразмерных видов. Можно предположить, что уменьшение размеров чеканов связано с изменением тактики ведения боя.

Ключевые слова

Тагарская культура, сарагашенский этап, оружие, чекан

Для цитирования

Минор О. В., Петренко А. Л. К вопросу о возможности боевого использования чеканов сарагашенского этапа тагарской культуры // *Universum Humanitarium*. 2022. № 1. С. 153–163.

DOI 10.25205/2499-9997-2022-1-153-163

To the question about the opportunity of militant use of the checans of the saragashen stage of the Tagar culture

O. V. Minor¹, A. L. Petrenko²

¹ *Novosibirsk national research state university
Pirogova, 1, Novosibirsk, Russia,
E-mail: lesya-minor@yandex.ru*

² *Autonomous institution of the Khakass Republic
«Information television center «Khakassia», Chief Editor of broadcasting
Pushkina, 111, Abakan, Republic of Khakassia, Russia
E-mail: alaket@yandex.ru*

Abstract

The present work is devoted to the identification of militant properties of the checans of the saragashen stage of the tagar culture. Throughout its length the checans were one of the type of melee weapon. They were intended for infliction of the stab wounds. On the territory of the Khakass-Minusinsk basin the checans are known as early as the late Bronze Age, but they were widely used among the population of the tagar culture. They are an exclusively male subject. In the archaeological literature there was an opinion about non-militant purpose of the checans at the saragashen stage and they are interpreted as «votive» (exclusively intended for ritual use as an accompanying inventory of the deceased). The tagar petroglyphs demonstrate two types of the checans: big and small. Products' analysis and their images allows to talk about the militant use of both reduced and full sized checans. One can assume that the decrease of sizes is related to a change in combat tactics.

Keywords

the tagar culture, the saragashen stage, weapon, checan.

For citation

*Minor O. V., Petrenko A. L. To the question about the opportunity of militant use of the checans of the saragashen stage of the Tagar culture // Universum Humanitarium. 2022. № 1. P. 153–163.
DOI 10.25205/2499-9997-2022-1-153-163*

Введение

Проблема «вотивизации» тагарских чеканов, от полноразмерных подгорновских экземпляров к миниатюрным тесинским, через умень-

шенные сарагашенские, нередко рассматривалась в археологической литературе. Мы же позволим себе доказать в настоящей статье возможность боевого применения сарагашенских чеканов.

Под чеканом нами подразумевается древковое оружие ближнего боя с клинком, заканчивающимся острием – бойком, обухом на противоположной стороне, втулкой или без нее и втоком, располагающимся внизу древка [Горелик, 2003. С. 46; Членова, 1967. С. 25]. Изделия фиксируются среди ребер погребенного, чаще – на тазовых костях (рис. 1, 1 – 5). Изучением применения, распространения, происхождения и разновидности чеканов как одного из видов скифского (тагарского) вооружения занималось не одно поколение исследователей [например, Членова, 1967, 1981; Горелик, 2003; Кочеев, 1999, 2001; Маннай-оол, 1970; Кузьмин, 1994].

Сарагашенский этап (II этап – IV–III вв. до н. э.) тагарской культуры [Вадецкая, 1986. С. 100–101] характеризуется изменением погребального обряда. Уменьшается число курганов в могильнике и увеличиваются размеры каждой курганной насыпи. Погребальные камеры представляют собой срубы и бревенчатые накаты. Могилы напоминают семейные или родовые усыпальницы [Членова, 1992. С. 210–211; Советова, 2005. С. 83]. Погребенные захоронены вытянуто на спине, руки вдоль тела. В мир иной их сопровождали сосудами баночной формы, кубками, ножами, зеркалами, бляшками, изображающими оленя, бусами. Изменяются предметы вооружения этого времени. Они уменьшаются в размере. К ним относятся чеканы, кинжалы, ножи [Членова, 1992. С. 211–217; Вадецкая, 1986. С. 89].

Основная часть

Чеканы обнаружены во время раскопок памятников Восточное I, Камышта II (Э. Б. Вадецкая пишет о них как об уменьшенной форме изделий), Новомихайловский, Сарагашенское Озеро и т. д. [Вадецкая, 1986. С. 117, 121; Грязнов, Пшеницына, 1966. С. 63–66]. Анализируя погребения и инвентарь этих памятников, мы можем сделать небольшой вывод. Все чеканы зафиксированы и в коллективных (Новомихайловский, Камышта II, Сарагашенское Озеро), и в индивидуальных погребениях (Сарагашенское Озеро) [Кузьмин, 1994; Вадецкая, 1986. С. 117, 121; Грязнов, Пшеницына, 1966. С. 63–66]. Они найдены у мужчин и юношей (Сарагашенское Озеро). Это указывает, что чекан – мужской предмет. Неизвестны памятники, где в одном захоронении найдены полноразмерные и уменьшенные экземпляры, что говорит о появлении на позднем этапе тагарской культуры традиции

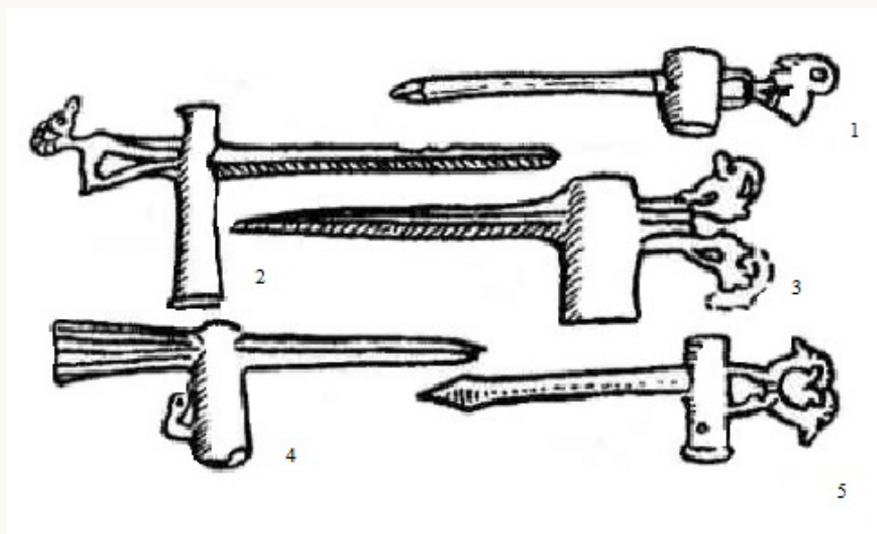

Рис. 1. Чеканы сарагашенского этапа тагарской культуры (по: Горелик, 2003. Табл. XXVIII). 1 – дер. Коптырево; 2 – мог-к Барсучиха I; 3 – мог-к Пристань I; 4 – мог-к Тисуль; 5 – Минусинский округ

Fig. 1. Battle axes of the Saragashen stage of the Tagar culture (by: Gorelik, 2003. Table XXVIII) 1 – der. Koptyrevo; 2 – mog-to Badger I; 3 – mog-to Pier I; 4 – mog-to Tisul; 5 – Minusinsky district

сопровождать умерших чеканами более легких и уменьшенных форм. Полноразмерные экземпляры теперь не встречаются. Для многих изделий характерны фигурки горного козла на обухе. В большинстве случаев недалеко от чеканов в могилах находят втуки [Грязнов, Пшеницына, 1966. С. 66; Мартынов, 1979. С. 50].

На территории Хакасско-Минусинской котловины чеканы известны еще предтагарское время – эпоху поздней бронзы. Для них характерен плоский листовидный боек, обычно с ребром жесткости и трубчатым обухом [Мартынов, 1979. С. 47, 28]. В тагарское время в Южной Сибири изделия получают распространение, начиная с самого раннего этапа – баиновского [Грязнов, Пшеницына, 1966. С. 65]. На сарагашенском этапе они уменьшаются в размере [Вадецкая, 1986. С. 89], в тесинское время встречаются миниатюрные экземпляры [Членова, 1992. С. 214].

В скифскую эпоху чеканы распространяются на огромной территории: Прикамье, Алтае, Западной Сибири, Казахстане, Туве [Членова, 1967. С. 25]. Они схожи с минусинскими тагарскими экземплярами. Н. Л. Членова подчеркивает сходство ананьинских и сибирских изделий и утверждает, что они существовали на огромной террито-

рии от Ирана до бассейна Оби, а оттуда распространялись в Прикамье [Членова, 1967. С. 26; Членова, 1981. С. 34]. С причерноморскими образцами все выглядит иначе. Они абсолютно не имеют сходства с тагарскими. Они проушные, тогда как минусинские проушные экземпляры редко встречаются [Членова, 1967. С. 25].

Среди инвентаря уюкских погребений можно обнаружить уменьшенные миниатюрные копии боевых чеканов. М. Х. Маннай-оол называет их заменителями [Маннай-оол, 1970. С. 50]. Подобные находки известны на Алтае. Среди чеканов он выделяет только несколько типов, имеющих уменьшенного размера копии. К ним относятся бронзовые проушные, плоскообушные экземпляры с круглыми или плоскими в сечении бойками и проушные, круглообушные или овальнообушковые с круглыми в сечении бойками [Маннай-оол, 1970. С. 49]. Это говорит о наличии уменьшенных копий только у проушных образцов, но с разным сечением бойками.

Иногда уменьшенные копии чеканов найдены в детских погребениях, как это зафиксировано в кургане пазырыкской культуры Ак-Алаха I (кург. 2). Данное погребение принадлежало мальчику восьми лет. Автор раскопок Н. В. Полосьмак называет бронзовый круглообушковый проушной чекан с круглым в сечении бойком уменьшенной копией взрослого чекана [Полосьмак, 1995. С. 91–95]. Он необычен тем, что его деревянная сохранившаяся рукоять оклеена тонкой кожей и закреплена во втулке деревянным клином. Крепился он к поясу с помощью кожаной петли, резной конец которой оформлен в виде головки грифа. Н. В. Полосьмак предполагает, что такой чекан, несмотря на свой размер (12,5 см), являлся боевым оружием. На это указывает качество его изготовления и крепление к поясу [Полосьмак, 1995. С. 92].

В. А. Кочеев рассматривает чеканы пазырыкского времени Горного Алтая как бронзовые боевые меньших размеров и аналогичные железные полноразмерные [Кочеев, 1999. С. 79–80]. Он считает, что начиная с V в. до н. э. увеличивается число уменьшенных и миниатюрных экземпляров в захоронениях Горного Алтая. Такие изделия, по его мнению, уже не имели практического значения. Роль чеканов уменьшается, но их продолжают использовать [Кочеев, 1999. С. 80].

С. В. Хаврин в своей статье, посвященной тагарским бронзам, сообщает следующее. Для литья сарагашенских уменьшенных копий предметов, в отличие от изготовления полноразмерных изделий, наиболее важными оставались для мастера литейные свойства сплава, такие как, например, способность хорошо заполнять литейные формы, а не рабочие свойства металла предмета [Хаврин, 2007.

С. 121]. А. И. Мартынов разделяет чеканы на уменьшенные тяжелые, уменьшенные облегченные и миниатюрные; выделяет характерные признаки – обух равен бойку и составляет 2/3 его длины [Мартынов, 1979. С. 50].

Итак, рассмотрев историю изучения вопроса и распространение чеканов, перейдем к доказательству их боевого применения.

Во-первых, длина бойка 10 см при массе головки в 120 г обеспечивает уверенное травмирование мягких тканей и костей скелета с гарантированными тяжелыми ранениями и летальным исходом.

Во-вторых, на тагарских петроглифах четко просматривается два вида чеканов, различающихся по длине рукояти: большой – с длиной рукояти примерно в руку (рис. 2, 1, 4, 6) и малый – с длиной рукояти примерно в локоть (рис. 2, 2, 3, 5). Погребальные материалы в тех случаях, когда позволяют проследить длину рукояти, демонстрируют те же размеры: малый чекан с рукоятью 35–40 см и большой полноразмерный с рукоятью 60–70 см. Таким образом, перекрестный анализ погребений и изображений демонстрирует нам совершенно однозначно боевое применение и полноразмерных, и уменьшенных чеканов [Советова, 2005. Табл. 24–26].

В-третьих, отсутствие доспехов. Тяжелые полноразмерные чеканы обладают явно избыточной массой и поражающим эффектом. Подобное оружие предназначается для пробития защитного вооружения воинов, но в нашем регионе нет даже намеков на натальное защитное вооружение. Конечно, можно возразить, приведя в пример китайские клевцы «Гэ», но это не столько клевец, сколько секира с рубящим и колющим лезвием. Клевцы же Хакасско-Минусинской котловины исключительно колющие, возможно колюще-дробящие. Увеличение их массы не ведет к более быстрому или полному поражению противника, так как площадь поражения меняется незначительно, разница же весьма сильно заметна. Утяжеление ведет к удорожанию предмета и к его меньшей мобильности в бою.

В-четвертых, уменьшенные чеканы обработаны, их головки шлифованы и полированы, литейные швы сбиты и зачищены.

В-пятых, повреждения: некоторые чеканы имеют деформированные бойки. Характер повреждений свидетельствует об ударной деформации.

В-шестых, обращают на себя внимание профили бойков: некоторые бойки очень тонкие, но имеют крестообразное сечение [Членова, 1967. Табл. 7]. Оно позволяет при минимальной массе эффективно наносить колющие удары. (Практически все чеканы предназначены для нанесения колотых ран за исключением некоторых кинжало-

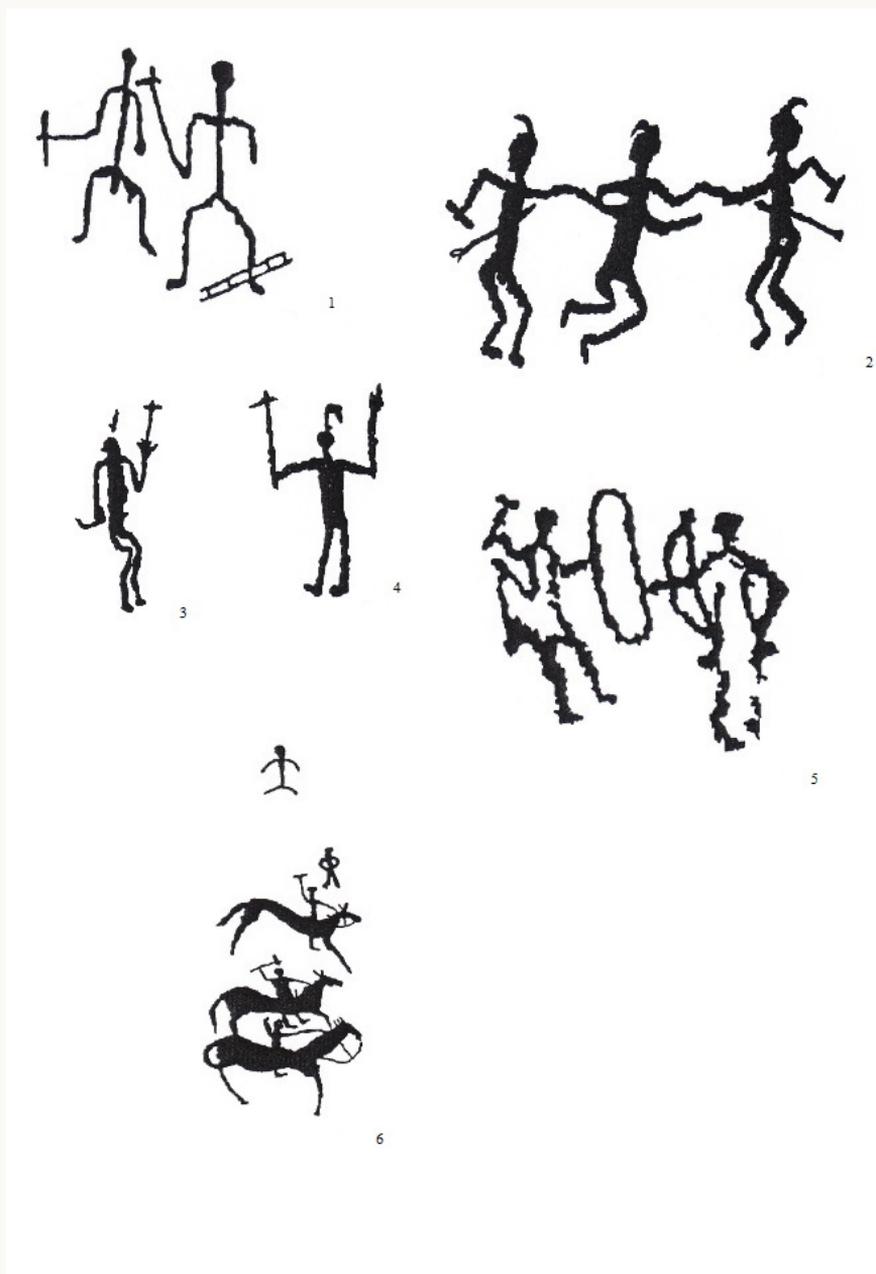

Рис. 2. Изображения воинов с чеканами (по: Советова, 2005. Табл. 24–26, 29)

1, 4 – Тепсей; 2 – Куня; 3 – Оглахты; 5 – Усть-Туба IV; 6 – Туран

Fig. 2. Images of soldiers with battle axes (by: Sovetova, 2005. Tables 24–26, 29) 1,

4 – Tepsey; 2 – Kunya; 3 – Oglakhty; 5 – Ust-Tuba IV; 6 – Turan

подобных, особенности клинка которых позволяют наносить коло-то-резаные раны).

Заключение

В пользу наших доводов говорит исследование и расчеты, проводимые А. И. Мартыновым. Взяв опытный образец – чекан из могильника Ягуня – и рассчитав по формуле силу давления и угловую скорость удара, он пришел к следующему выводу. Сила удара бойка уменьшенного чекана составляет более 10 кг, без учета дополнительного усилия, придаваемого рукой человека. Расчеты, выполненные им, показывали, что такой силы удара вполне достаточно, чтобы поразить противника или убить животное. Исследователь делает окончательный вывод об уменьшенном чекане как о грозном оружии, применяемом населением тагарской эпохи [Мартынов, 1979. С. 52].

С чем связано уменьшение массогабаритных характеристик оружия? Естественно, с изменением тактики ведения боя. Менее тяжелые чеканы – более маневренные и более быстрые, при этом менее летальные. Скорее всего, оружие перешло из разряда строевого в разряд гражданского постоянного ношения, чем и объясняется изменение его размеров.

*Материал поступил в редакцию
Received
29.03.2022*

Список литературы

Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.

Горелик М. В. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). СПб.: Атлант, 2003. 336 с.

Грязнов М. П., Пшеницына М. Н. Курганы IV–III вв. до н. э. на оз. Сарагаш // КСИА. 1966. № 107. С. 62–69.

Кочеев В. А. Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. 1999. № 4. С. 79–88.

Кочеев В. А. Оружейный комплекс раннескифского времени Горного Алтая // Древности Алтая. Изв. лаборатории археологии. 2001. № 7. С. 114–124.

Кузьмин Н. Ю. Курган у деревни Новомихайловка. Проблемы изучения культуры степных племен Енисея V–III вв. до н. э. / Раскопки на дорогах Хакасии. Вып. 1 / Археол. изыскания. 1994. Вып. 15. 59 с.

Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М.: Наука, 1970. 119 с.

Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 208 с.

Полосьмак Н. В. Исследование второго кургана могильника пазырыкской культуры Ак-Алаха I // Археол. вести. 1995. № 4. С. 91–96.

Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2005. 138 с.

Хаврин С. В. Тагарские бронзы Ширинского района Хакасии // Сб. науч. тр. в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб., 2007. С. 115–122.

Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.

Членова Н. Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа: Сб. ст. Новосибирск, 1981. С. 4–42.

Членова Н. Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1992. С. 210–246.

References

Chlenova N. L. Proiskhozhdenie i rannaya istoriya plemen tagarskoi kultury. Moscow: Nauka, 1967. 300 p. (In Russ.).

Chlenova N. L. Svyazi kultur Zapadnoi Sibiri s kulturami Priuralya i Srednego Povolzh'ya v kontse epohi bronzy i nachale zheleznogo veka. Problemy zapadnosibirskoi arkheologii. Epokha zheleza. Novosibirsk, 1981. Pp. 4–42 (In Russ.).

Chlenova N. L. Tagarskaya kultura. Stepnaya polosa Aziatskoi chasti USSR v skifo-sarmatskoe vremya. Arkheologiya USSR. Moscow: Nauka, 1992. Pp. 210–246. (In Russ.).

Gorelik M. V. Oruzhie Drevnego Vostoka (IV tisyacheletie – IV vek do nashei ery.). Sankt-Peterburg: Atlant, 2003. 336p. (In Russ.).

Gryaznov M. P., Pshenitsyna M. N. Kurgany IV–III vekov do nashei ery na ozere Saragash. Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii Russia Akademii nauk, 1966, No. 107. Pp. 62–69. (In Russ.).

Khavrin S. V. Tagarskie bronzy Shirinskogo raiona Khakasii. Sbornik nauchnykh trudov v chest' 60-letiya A. V. Vinogradova, Sankt-Peterburg, 2007. Pp. 115–122. (In Russ.).

Kocheev V. A. Boevoe oruzhie pazyryktsev. Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkhologii, 1999, No. 4. Pp. 79–88. (In Russ.).

Kocheev V. A. Oruzheinyi kompleks ranneskifskogo vremeni Gornogo Altaya. Drevnosti Altaya. Izvestia laboratorii arheologii, 2001, No. 7. Pp. 114–124. (In Russ.).

Kuzimin N. Yu. Kurgan u derevni Novomikhailovka. Problemy izucheniya kultury stepnykh plemen Eniseya V–III veka do nashei ery. Raskopki na dorogakh Khakasii. Vypusk 1. Arkheologicheskie izyskaniya, 1994, Vypusk 15. 59p. (In Russ.).

Monnai-ool M. H. Tuva v skifskoe vremia (uyukskaya kultura). Moscow: Nauka, 1970. 119p. (In Russ.).

Martynov A. I. Lesostepnaya tagarskaya kultura. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie, 1979. 208 p. (In Russ.).

Polosimak N. V. Issledovanie vtorogo kurgana mogil'nika pazyrykskoi kultury Ak-Akaxha I. Arkheologicheskie vesti, 1995, No. 4. Pp. 91–96. (In Russ.).

Sovetova O. C. Petroglify tagarskoi epokhi na Enisee (syuzhety i obrazy). Novosibirsk: Institut arkhologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Russia Akademii nauk, 2005. 138p. (In Russ.).

Vadetskaya E. B. Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh Srednego Eniseya. Leningrad: Nauka, 1986. 180p. (In Russ.).

Список сокращений

ИАиЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

кург. – курган

КСИА – Краткие сообщения Института археологии Российской академии наук

мог-к – могильник

оз. – озеро

Сведения об авторах / About the authors

Минор Олеся Вячеславовна,

кандидат исторических наук, Новосибирский государственный университет, инженер-исследователь лаборатории гуманитарных ис-

следований научно-исследовательской части (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Minor Olesya V.,

Candidate of Historical Sciences, Novosibirsk State University, Research Engineer of the Laboratory of Humanitarian Research of the Research Unit (Pirogova str., 1, Novosibirsk, 630090, Russia)

lesya-minor@yandex.ru

tel. 89232930065, 89832925031

Петренко Андрей Леонидович,

Автономное учреждение Республики Хакасия «Информационный телевизионный центр «Хакасия», главный редактор радиовещания (ул. Пушкина, 111, Абакан, Республика Хакасия, 655005, Россия)

Petrenko Andrey L.,

Autonomous Institution of the Republic of Khakassia "Information Television Center «Khakassia», Chief Editor of Radio Broadcasting (111 Pushkin Street, Abakan, Republic of Khakassia, 655005, Russia)

alaket@yandex.ru

tel. 89135492486

Военно-служилое сословие и становление государства в Волжской Булгарии VIII–X вв.

И. Л. Измайлов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
410111, ул. Батурина, 7, г. Казань, Российская Федерация*

Аннотация

Изучение болгарской государственности развивалось от постановки вопроса о ее варварском раннеклассовом характере до определения ее феодального характера. Однако само это определение не проясняет сути происходивших процессов и механизма реального становления средневекового болгарского общества. Важную роль в этих процессах играло военное сословие с его специфической культурой. При отсутствии полноценных письменных источников важную роль может сыграть изучение предметов вооружения и элементов воинской культуры VIII–X вв. В этот период болгарская военная структура приобретала черты, свойственные средневековым монархиям, но сохраняла еще элементы племенной организации, что было характерно для многих тюркских государств раннего средневековья. Элиту общества и государства, основу ее военной мощи составляло военно-служилое сословие, называемое в эпиграфических памятниках «йори/чори». Именно эта элита, сосредоточившая в своих руках основные рычаги государственной власти, являлись основой военной организации Булгарии X в. В этот период вырабатывается особый комплекс вооружения и дружинная культура. Одним из самых выразительных ее элементов являлись боевые наборные пояса как символ воинской доблести и социального статуса. В этот же период появляются такие новые элементы культуры, как рыцарские повести, переосмысливавшие героический эпос в исламском духе. Спецификой структуры власти в Булгарии является ее восточный облик, во многом сходный со структурой власти в Сельджукском султанате или Мамлюкском Египте, где тюркские кочевые племена представляли собой сословную элиту общества, выдвигающую правителей подвластных им территорий и населения.

Ключевые слова

Волжская Булгария, средневековое государство, военное дело, структура общества, дружинная культура, военно-служилое сословие, средневековое оружие, комплекс вооружения.

Для цитирования

Измайлов И. Л. Военно-служилое сословие и становление государства в Волжской Булгарии VIII–X вв. // Universum Humanitarium. 2022. № 1. С. 164–197. DOI 10.25205/2499-9997-2022-1-164-197

Military service class and the formation of the state on Volga Bulgaria of the VIII–X centuries

Iskander L. Izmailov

*Institute of history named of Sh. Marjani RT AN
420111, Kazan, Russian Federation*

165

Abstract

The study of the Bulgarian statehood developed from raising the question of its barbaric and early class character to determining its feudal definition. However, this characteristic itself does not clarify the essence of the processes that took place and the mechanism of the real formation of medieval Bulgarian society. It is known that, an important role in these processes was played by the military estate with its specific culture. Therefore, in the absence of full-fledged written sources, the study of weapons and elements of military culture of the VIII - X centuries can play an important role. During this period, the Bulgarian military structure acquired features characteristic of medieval monarchies, but still retained elements of tribal organization, which was characteristic of many Turkic states of the early Middle Ages. The elite of society and the state, the basis of its military power was the military service class, called in epigraphic monuments "chury /chory". It was this elite, which concentrated the main levers of state power in its hands, that formed the basis of the military organization of Bulgaria in the tenth century. During this period, a special complex of weapons and a squad culture is being developed. One of its most expressive elements was the combat typesetting belts, as a symbol of military valor and social status. During the same period, such new elements of culture as chivalrous stories appeared, reinterpreting the heroic epic in the Islamic spirit. The specifics of the power structure in Bulgaria is its eastern appearance, which is in many ways similar to the power structure in the Seljuk Sultanate or Mamluk's Egypt, where the Turkic nomadic tribes represented the class elite of society, nominating from their elite the rulers of the territories and population subject to them.

Keywords

Volga Bulgaria, medieval state, military affairs, structure of society, military culture, military service class, medieval weapons, weapons complex.

For citation

*Izmailov I. Military service class and the formation of the state on Volga Bulgaria of the VIII–X centuries // Universum Humanitarium. 2022. № 1. P. 164–197.
DOI 10.25205/2499-9997-2022-1-164-197*

Процессы становления и функционирования феодальных государств Восточной Европы давно привлекают внимание исследователей. Особый интерес вызывает в этом контексте государство волж-

ских болгар и его социально-политическая культура [Хузин, 2006. С. 139–150]. При всем разнообразии подходов к этой теме можно отметить одну закономерность. Изучение болгарской государственности развивалось от постановки вопроса о ее варварском раннеклассовом характере до определения ее феодального характера. Однако подобные схоластические рассуждения, основанные на примитивной компаративистике, не имеют особой ценности. Гораздо важнее выяснить реальные внутренние механизмы функционирования и эволюции болгарского общества. Во многом прогресс в рассмотрении социального и государственного строя Булгарии строился на сопоставлении отрывочных данных письменных источников с новыми теоретическими разработками средневековых обществ Евразии. Вместе с тем, возможности анализа археологических материалов еще далеко не исчерпаны. Ввиду отсутствия полноценных письменных источников важную роль должно сыграть изучение вооружения и структуры военно-служилого сословия Булгарии в X – начале XIII в.

Современные исследования показывают прямую связь между сложением государства и становлением военной дружины – предтечи и прообраза будущего военно-служилого сословия. Конные тяжело-вооруженные воины, по единодушному признанию историков, являлись символом средневековья. Именно отряды конницы не только главенствовали на полях сражений, но и определяли стержень развития вооружения и военного дела. Одновременно всадники являлись привилегированным слоем воинов – профессиональных военных – военно-служилой знатью. В этих условиях становление и развитие средневековой кавалерии неотделимо от процессов возникновения и укрепления слоя рыцарства – аристократии и их военных слуг.

Исторические аспекты процессов классовобразования, роли и месте в этих процессах вождей и их воинских формирований изучены довольно хорошо как с точки зрения исторической социологии и этнологии, так и конкретно применительно к различным обществам [Куббель, 1988. С. 226–251], в том числе у тюрков Центральной Азии [Серегин, Тишин, 2018. С. 47–65] и на Руси [Горский, 1984. С. 17–28; Горский, 1989]. Суммируя весь этот опыт, можно констатировать, что дружина – это постоянная организация профессиональных воинов во главе с военным вождем (правителем), существовавшая у многих народов в период перехода от родового к классовому обществу. Иногда этим термином именуют военные отряды, собираемые только во время военных действий (в целом ряде докапиталистических обществ в различные периоды их истории). Отличие заключается в том, что дружина в раннегосударственных образованиях и поте-

старных обществах на грани политогенеза являлась не только постоянно функционирующим институтом, но и особым слоем – сословием профессиональных воинов. Одновременно дружина представляла собой особый тип племенной элиты, отличающейся от института родоплеменных вождей своей надобщинной природой, которая в процессе классовобразования стала военно-служилым сословием средневекового общества; в этом смысле термин «дружина» может служить синонимом понятий «военно-служилая знать» и «рыцарство», а понятие «дружинная культура» вполне сопоставимо с определенными оговорками с термином «рыцарская культура» [См.: Кардини, 1987. С. 26–175]. Но если для Киевской Руси и древнерусских княжеств связь между этими терминами разработана и понятна [Стефанович, 2009. С. 6–51; Стефанович, 2012. С. 45–128], то для Волжской Булгарии механизмы и формы трансформации традиций языческой дружины в военно-служилую культуру средневековой эпохи исследованы явно недостаточно.

Само понятие дружинной культуры не получило, к сожалению, в работах историков и этнологов развернутого определения, хотя неоднократно подчеркивалось, что она является основой формирования культуры эпохи феодализма, носит сословный, надэтнический и синкретичный характер, а для ее стилистики характерны такие черты как «пышность» и «репрезентативность» [Рыбаков, 1970. С. 27–28; Чернецов, 1985. С. 55–58]. Исследователями особо подчеркивается прямая и явная связь этой культурой с военным делом, вооружением и воинским снаряжением [Рыбаков, 1970. С. 27–28; Кирпичников, 1971. С. 55–61].

В традициях неокантианской философии и понимающей социологии дружинную культуру следует воспринимать в качестве социальной реальности, которая обладает специфическим значением и структурой для живущих и действующих сообществ. Для них эта реальность пронизана множеством невидимых связей и смыслов как материального, так и ментального порядка, образующих многомерную картину социального мира [Бурдые, 2007. С. 87–96]. В реальности же элементы различных социальных универсумов могут перемещаться, но не произвольно, а подчиняясь определенным закономерностям. Они заведомо инкорпорированы в социальные группы и имеют определенные отношения к группе, языку, этикету, мировоззрению и т.д. Иными словами, понятие «дружинная культура» можно определить как совокупность способов и средств, с помощью которых институционализируется деятельность сословия воинов-профессионалов (рыцарства), его образа жизни, обрядов, морали и этоса, а так-

же их материального оформления в costume, оружии и снаряжении (о структуре понятия «культура» см.: [Арутюнов, 1989. С. 5–6]).

Становление этой культуры прошло ряд этапов, а общей тенденцией развития был постепенно возрастающий разрыв с традициями родового общества. Оформление этого особого этоса происходило не сразу. Долгое время он сохранял внешние формы и образы, унаследованные от прошлого, но переосмысленные в соответствии с новыми условиями. Лучше всего эту трансформацию демонстрирует вооружение и воинские обычаи.

Булгары по традиции были конными воинами и уже в Подонье имели сложную племенную и сословную организацию. Инфильтрация на Среднюю Волгу и смешение с различными этническими группами несколько замедлила социальные процессы в булгарском обществе, однако к X в. наметились основные предпосылки и условия возникновения государственности. Начальный этап формирования дружинной культуры волжских булгар относится к VIII–IX вв., когда булгарское этнополитическое объединение начало консолидировать другие тюрко-угорские племена. На смену прежней языческой (о языческой культуре булгар см.: [Казаков, 1989. С. 12–22]) шла новая – сословная и надобщинная культура мусульманской аристократии.

Всего в раннебулгарских могильниках VIII–X вв. вскрыто до 1600 погребений, среди которых более чем в 100 найдены предметы вооружения. Анализ набора оружия ранних булгар показывает, что большинство из воинов были всадниками и почти все имели метательное вооружение. Более определенно погребенные мужчины разделяются по набору оружия ближнего боя. Первая группа имела комплекс вооружения, который состоял из сабель или копий, метательного оружия и конского снаряжения (в Большетарханском и Танкеевском могильниках процент таких погребений составляет от 6 до 10 %). Вторая группа – с боевыми топорами или иногда с кистенями и метательным оружием, а также с конским снаряжением. Третья, самая многочисленная, группа – в разных могильниках от 50 до 90 % – имела на вооружении метательное оружие, а также иногда конское снаряжение.

Вполне возможно, что на такое распределение оружия оказало искажающее влияние наличие большого числа ограбленных погребений, хотя есть основания считать более важными факторами религиозные и социальные причины. Вообще для памятников салтовского типа (как и для ранних булгар) характерен небольшой набор погребального оружия, поэтому очевидна связь каждого предмета вооружения с социальным рангом умершего. Сакрализация вида оружия в качестве показателя статуса воина в дружинной организа-

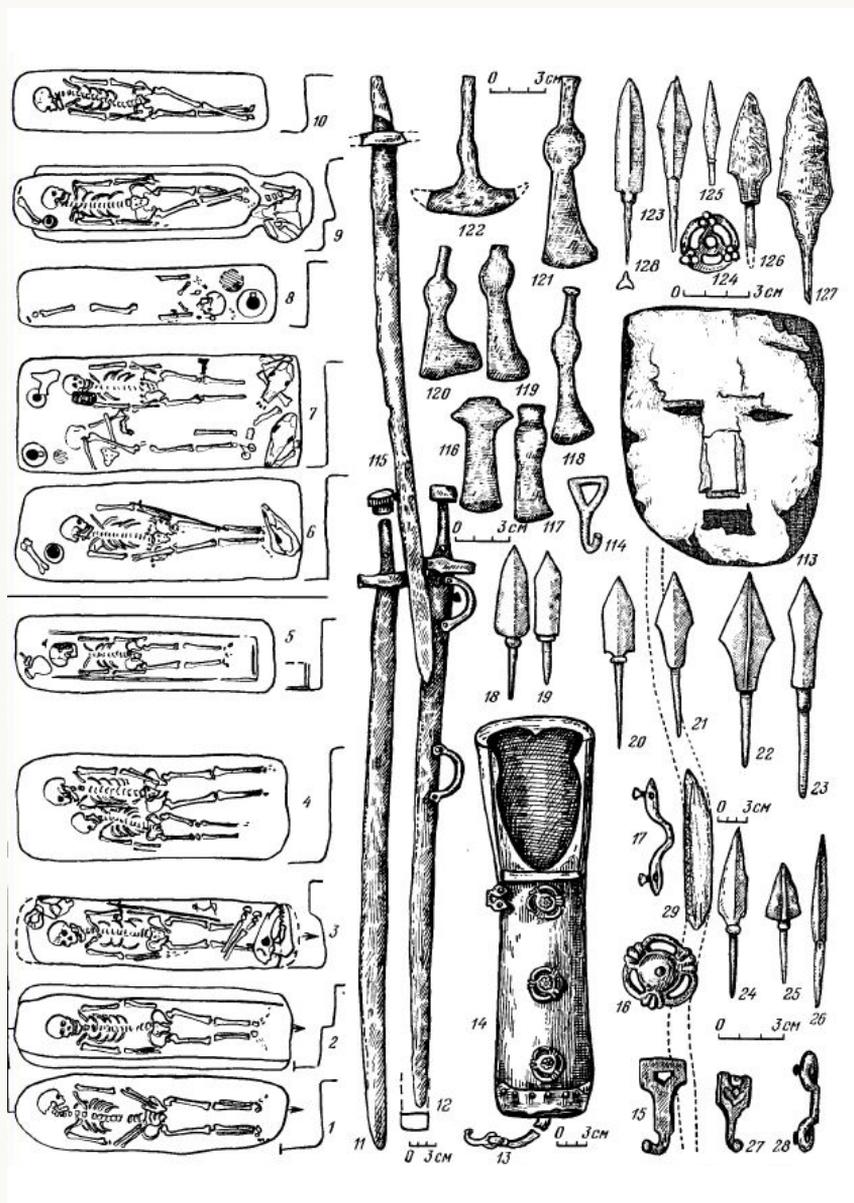

Рис. 1а. Материалы из болгарских погребений VIII–X вв. (по: Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981, рис. 52, 53)

Fig. 1a. Materials from the Bulgar burials of the 8th–10th centuries. (after: Steppes of Eurasia in the Middle Ages. Archeology of the USSR. M.: Nauka, 1981, fig. 52, 53)

ции показывает, с одной стороны, древность расслоения войска (так как оно успело закрепиться в погребальном культе), а с другой – далеко зашедший процесс выделения профессиональных воинов в особый воинский контингент. Разумеется, для разных племен VIII–X вв. он был неравномерен, но, несмотря на некоторые различия, в целом определенно указывает на существование у раннебулгарских племен конных дружин, отличавшихся от остальной части войска вооружением и, видимо, способом комплектования.

Оружие ближнего боя состояло из сабель, боевых топоров, копий и кистеней. Сабли булгар имели длину до 90 см, причем изгиб клинка был более 0,9 см. Перекрестья не отличались разнообразием, чаще всего использовались два типа: со слегка опущенными вниз концами, завершающимися шарообразными утолщениями, и прямые брусковидные. Всего в погребениях ранних булгар обнаружено 19 сабель и их обломков. В погребениях сабля чаще всего (в 10 случаях) лежала слева от костяка. Стабильное положение ее в могиле, подобное целому ряду других синхронных некрополей Восточной Европы, заставляет предполагать важную роль ее как символа привилегированного вооружения.

Особым разнообразием отличались боевые топоры ранних булгар. Всего их известно 50 экземпляров. Изучение их показало, что в большинстве зафиксированных случаев они имели особое место в погребении, располагаясь справа от погребенного. При этом они никогда не клались в погребение, которое сопровождалось саблями. Учитывая этот факт, а также способ применения их в бою и сравнительную многочисленность, можно выделить это оружие в следующую страту воинов-дружинников [Измайлов, 1989. С. 110–111; Измайлов, 1997. С. 133–137]. Копья также употреблялись булгарами, причем различными категориями воинов-всадников. Меньшее значение в наборе оружия играли кистени. Оружие дальнего боя было наиболее массовым вооружением и, скорее всего, не имело четкой военно-социальной дифференциации в силу своей универсальности.

Гораздо более интересные выводы получились при сопоставлении различных категорий предметов вооружения и всаднического снаряжения. На основании этого анализа можно сделать вывод, что основу булгарского войска составляли всадники (в разных могильниках соотношение в погребениях оружия с конским снаряжением колеблется в пределах 40–70 %). Выделяются богатством и разнообразием погребального инвентаря умершие, в могилу к которым была положена сабля (иногда вместе с копьем). Другая группа умерших сопровождалась топорами (или редко кистенями), а также наконечниками стрел

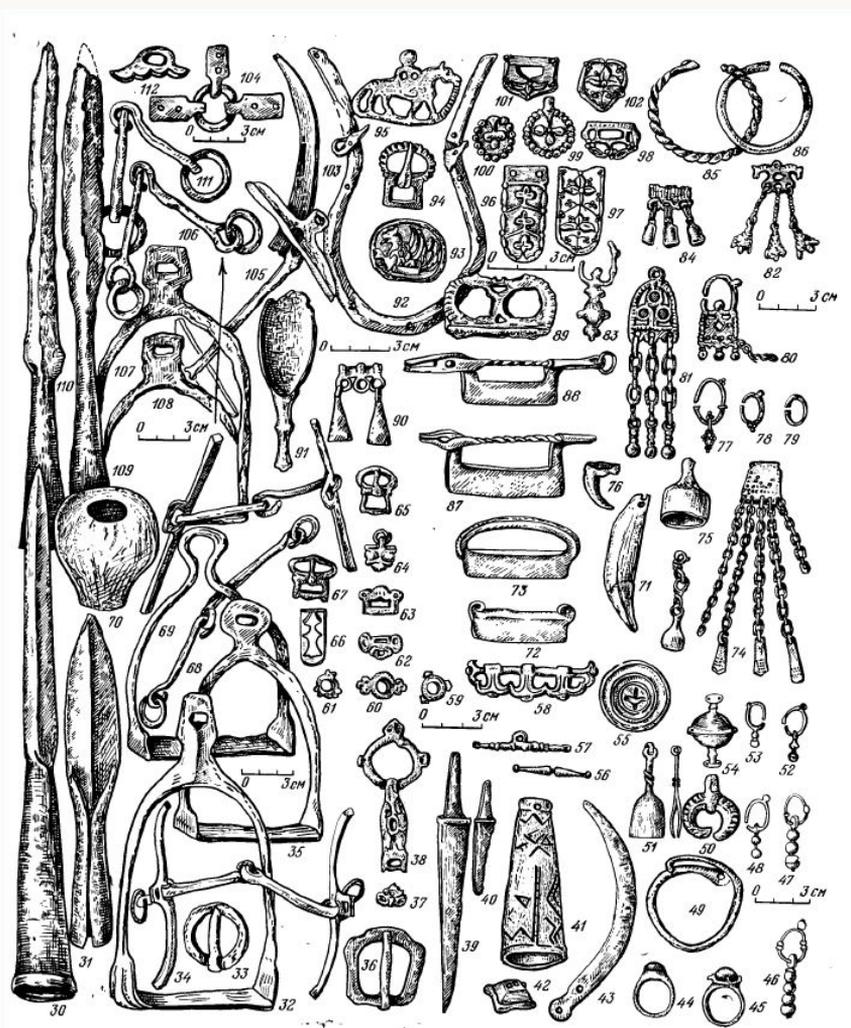

Рис. 16. Материалы из болгарских погребений VIII–X вв. (по: Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981, рис. 52, 53)

Fig. 16. Materials from the Bulgar burials of the 8th–10th centuries. (after: Steppes of Eurasia in the Middle Ages. Archeology of the USSR. M.: Nauka, 1981, fig. 52, 53)

и конским снаряжением (или символическим конским комплексом – шкурой и головой коня). Третья группа умерших воинов сопровождалась в загробный мир только наконечниками стрел (иногда вместе с конским комплексом).

Распределение находок оружия в погребениях свидетельствует о начальном этапе формирования феодальной дружины уже с VIII в. [Измайлов, 1989. С. 107–121]. Направленность этих процессов свидетельствует об изменении количества погребений с оружием и возрастании степени обособления и консолидации дружины. Анализ набора оружия позволяет сделать вывод о специализации в применении боевых средств. Сабли, копья и боевые топоры вместе с метательным и защитным вооружением, а также с конским снаряжением принадлежали, скорее всего, профессиональным военным – знатым дружинникам. Топоры (часто универсальных типов) вместе с метательным вооружением и конским набором использовались рядовыми дружинниками, а исключительно метательным оружием снаряжалось народное ополчение. Все эти данные говорят о начавшемся процессе дифференциации болгарского войска, который происходил также в Хазарском каганате, у венгров эпохи Арпадов и в Киевской Руси IX–X вв.

Еще одним характерным элементом дружинной культуры являлись наборные пояса с металлической фурнитурой. Судя по археологическим и изобразительным данным, средневековый евразийский воин носил два пояса – один для колчана и налучья, а второй – для меча или сабли и кинжала [Могильников, 1981. С. 38, рис. 22, 23; Шер, 1966. С. 11, 25–26; Кубарев, 1984. С. 36–39]. Именно второй, богато украшенный металлическими накладками пояс и являлся со времени своего появления у элиты степных народов Центральной Азии отличительным признаком воина. Со времен хунну (сюнну) [Руденко, 1962. С. 44–45] и вплоть до развитого средневековья многочисленные упоминания письменных источников из различных регионов Евразии от Византии до Северного Китая не оставляют сомнений, что наборные пояса в эпоху раннего средневековья отражали происхождение, воинский и сословный статус и заслуги владельца [Распопова, 1965. С. 78–91; Ковалевская, 1972. С. 95–118; Комар, 2005. С. 160–188; Добжанский, 1990. С. 45–80]. По удачному выражению В. Б. Ковалевской, пояс служил «своеобразным паспортом дружинника раннего средневековья и свидетельством его места в дружинной иерархии» [Ковалевская, 1970. С. 144]. Ранговый статус пояса закрепился и в тюркском фольклоре, где золотой пояс был одной из важнейших деталей костюма эпического батыра [Липец, 1984. С. 67–68].

Наборный пояс болгар VIII – первой четверти X в. характеризуется в основном находками из могильников. Репертуар поясных наборов этого периода практически не отличается от аналогичных гарнитур других народов Восточной Европы, продолжавших традиции

Тюркских каганатов и входивших в сферу влияния Хазарского каганата. С юга и юго-востока в Волго-Камье проникает ряд орнаментов, отраженных в поясных накладках – пальметта, лотос, лоза и трилистник. Повлияли на оформление булгарских изделий, видимо, и древние угро-мадьяры, обогатившие их, в частности, накладками с бордюром «венгерского» типа. Чаще других в этот период встречаются подквадратные с прорезью, полукруглые и сердцевидные накладки практически по всей Северной Евразии.

Характерной особенностью поясных наборов этого периода является их относительная цельность, комплектность, так как они были введены в состав погребального инвентаря самими сородичами покойного. К сожалению, огромное количество ограбленных еще в древности погребений сильно затрудняет их социальную атрибуцию. Однако корреляция с наборами вооружения показывает тесную связь поясных наборов с саблями и топорами, а также конскими комплексами [Измайлов, 1989. С. 114–116]. Подобная связь выявлена и для могильников Подонья хазарского времени [Плетнева, 1967. С. 162–166; Плетнева, 1989. С. 272–282]. Сложно все раннебулгарские поясные наборы разнести по рангам, поскольку, с одной стороны, мы имеем дело с искаженной грабителями статистикой погребений (учитывая, что в первую очередь вскрывались именно богатые погребения), а с другой – довольно невелика «глубина» социальной градации наших материалов. В качестве предположения можно сформулировать мысль, что погребения с золотыми и серебряными накладками, а также с клинковым оружием и конским снаряжением (в первую очередь Бураковское (Коминтерновское) погребение) [Мухаметшина, 1999. С. 21–24] принадлежали племенной аристократии, а погребения с поясами с бронзовыми или серебряными накладками, клинковым оружием, копьями и конским снаряжением – знатной части дружины (по доблести или старшинству), тогда как остальная часть погребений с оружием и поясами была, видимо, захоронениями рядовых дружинников.

Распределение вооружения, конского снаряжения и наборных поясов по сословным стратам отражает, несомненно, реальности поляризации войска, закрепление его символического характера в погребально-поминальных обрядах и обычаях. О сакрализации вооружения и обрядов, связанных с его применением, свидетельствуют некоторые письменные источники. Наиболее интересны личные наблюдения Ахмеда Ибн Фадлана, побывавшего в Поволжье в составе посольства багдадского халифа. Описывая обряд похорон знатного булгарина, он указывает, что сородичи вместе с ним поло-

жили, в частности, его оружие [Ковалевский, 1956. С. 140]. Еще более интересно его сообщение о сакрализации личного оружия: «Если они едут в дороге и один из них захочет помочиться и помочится, имея при себе оружие, то его оберут, – возьмут его оружие, его одежды и все, что с ним имеется. Это их правило. А кто сложит с себя оружие, положит его в сторону и (тогда) помочится, то они не препятствуют ему» [Ковалевский, 1956. С. 137]. Очевидно, мы имеем дело с некими этносоциальными традициями почитания оружия у многих тюркских народов, например у дунайских болгар. В одном из ответов папы Николая I на вопросы болгарской аристократии о сопоставимости их обычаев с христианским вероучением читаем: «Вы говорите, что на вашей родине есть обычай: перед боем ваш повелитель посылает самого верного и благоразумного человека для осмотра всего оружия, коней и снаряжения... и те, у кого они окажутся небрежно подготовленными, осуждаются на смерть...» [Хрестоматия... С. 35]. Подобные обычаи и запреты, налагаемые на воинов и их оружие, известны у многих народов мира и идут еще с глубокой древности [Фрезер, 1983. С. 203–222], когда они были частью обрядов посвящения и инициации в мужских союзах, ставших позднее основой особых воинских отрядов – дружин [Элиаде, 1999. С. 212–226]. Отголоски этих представлений о магической силе оружия сохранились в легендах и преданиях различных тюркских народов, у которых распространен сюжет о потустороннем происхождении оружия и боевого коня героя и подчинения их только своему хозяину [Урманчеев, 1984. С. 92, 128]. Истоки всех этих обычаев и ритуальных практик были, видимо, связаны с тем, что само состояние войны требовало выполнения целого ряда ритуалов и установлений.

Именно эти военные ритуалы и верования, которые можно назвать «военной магией», способствовали ритуализации всего процесса вступления в войну. О характере этих ритуалов у волжских болгар судить трудно за неимением прямых указаний источников. Но можно предположить, что они имели какое-то сходство с подобными «обычаями войны» у дунайских болгар. В ответах папы Николая I об этом пишется: «Кроме того, вы спрашиваете, следует ли сразу выступать, получив весть, что надо идти на войну, или есть определенные дни, когда не следует отправляться на войну... Вы рассказываете, что перед выступлением на бой собираетесь, соблюдая определенные дни и часы, чтобы предаться заклинаниям, играм, песням и неким гаданиям...» [Хрестоматия... С. 35]. Для волжских болгар есть некое указание на возможное существование подобного обычая, когда Алмыш не выступает в поход против мятежного племени, а выжидает

некоторое время, предупреждая противника и угрожая применить силу [Ковалевский, 1956. С. 139]. В любом случае обряды и обычаи, связанные с оружием, погребальные обряды, в которых оно играло важную роль социального маркера, свидетельствуют о наличии подобной традиции, восходящей еще к родовому обществу. Но по мере обособления слоя профессиональных воинов от остальной общины эти ритуалы и обряды все более усложняются.

Влияние родовых традиций связано и с самой организацией быта дружины, которая находится непосредственно в ставке правителя, участвует в его походах и поездках по его владениям, кормится вместе с ним на пирах (Ковалевский, 1956. С. 139). Именно это является свидетельством еще не очень развитых военно-сословных отношений у булгар начала X в.

Черты этого дружинного быта нашли отражение в тюрко-монгольском фольклоре [см.: Липец, 1984]. Некоторые элементы этих преданий, бытовавших у булгар, сохранились благодаря упоминаниям в арабо-персидских источниках и сказаниям татарского героического эпоса. Возможности использования фольклора для изучения реальности социальных практик осознаны давно, так же как и сложности, стоящие на пути выявления соответствий между эпическим и реально-историческим обществом. Как писал по этому поводу известный теоретик фольклористики Б. Н. Путилов, «...пафосом героического эпоса является не воспроизведение (пусть в фантастических и устных формах) какой-либо исторически и социально конкретной сферы народной жизни определенной эпохи (или ряда эпох), но создание «своего» мира, «своей» исторической, социальной, бытовой модели, конструкции, обращенной в прошлое и получившей своеобразную историческую окраску. Эпический мир моделирует не конкретную историческую эпоху в жизни определенного общества с его событийной историей, реальными людьми, отношениями, бытом, но комплекс представлений народа о своем прошлом, в котором переплавлены исторический опыт, чаяния и ожидания, традиции предшествующих эпох, – и все это подвергается обработке «эпическим сознанием» и «эпической эстетикой». Эпический мир по существу не поддается реально-исторической идентификации, он не возводим к какому-либо исторически определенному историческому периоду, как равным образом не может быть представлен в виде комбинации элементов, принадлежащих – стадияльно и хронологически – разным таким периодам» [Путилов, 1988. С. 8]. Критическое отношение к возможностям фольклора не избавляет нас от необходимости сопоставления эпического мира с различными реалиями, но ставит таким

соотнесения четкие границы. Обусловлены они тем, что в фольклоре идеальный мир описывается в рамках системы эпического языка. Для подобного сопоставления необходимо выяснить, насколько «дружинные» сюжеты аутентичны болгарской эпохе, понять их связь с общетюркским эпосом и общетипологическими явлениями эпики.

Особого интереса заслуживают сюжеты об *алыпах* (*алпах*) [подробнее см.: Давлетшин, 1990. С. 87–97; Закирова, 2000. С. 17–19]. Во-первых, фрагменты их сохранились в сочинениях средневековых восточных авторов, то есть в этом случае сказания об алыпях представляются аутентичными. С одной стороны, они имеют довольно прямую связь с древним пластом общетюркских сказаний, а с другой – с поздними фольклорными произведениями. Во-вторых, они довольно единообразны и в сообщениях средневековых авторов имеют характер реального (в эпическом смысле), но не сказочного повествования. Иными словами, это определено только небольшая часть разнообразной героической эпики.

Эти фрагменты сохранили яркие следы дружинного быта: алып подчинен правителю и служит ему как воин, всюду следуя за своим повелителем в походах, а его традиционным оружием называется палица или дубина, которая особо почитается [Путешествие, 1971. С. 43]. Большинство алыпов конные воины, чье появление на поле боя решает его исход в пользу болгар [Путешествие, 1971. С. 31]. Бытовали также предания об участии алыпов в строительстве городов, в частности Болгара, и защите территории страны.

В легендах сохранились также черты, указывающие на существование целостной культуры, регламентирующей деятельность воина-батыра: выбор и уход за оружием и верховым конем, способы ведения поединков и войн, кодекс дружинной чести (понятия о доблести, верности, побратимство и т.д.), а также способы воспевания подвигов [Липец, 1984]. Все эти элементы дружинной культуры позволяют говорить об их глубокой древности, уходящей еще в древнетюркское время, но, вместе с тем, свидетельствуют о том, что уже в раннеболгарское время они потеряли свою целостность. Ярким свидетельством этого служит то, что в татарском фольклоре (очевидно, уже в средневековье) не сохранилось целостного героического эпоса, а лишь его фрагменты и отдельные сказания. Скорее всего, возникнув в глубокой древности [Липец, 1984. С. 123], героический эпос в древнетюркскую эпоху под воздействием новых социальных условий постепенно теряет свое значение и трансформируется, меняя свое качество, сохраняясь на периферии устной культуры в виде легенд и преданий.

На рубеже IX–X вв. намечаются качественные изменения в истории булгарского общества. Идет бурный процесс становления единого государства и его институтов. В археологическом материале эта историческая ситуация отразилась самым непосредственным образом [подробнее см.: Халиков, 1989. С. 16–23; Казаков, 1992. С. 298–320; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998; Казаков, 2001. С. 123–134] – могильники демонстрируют смешение оставивших их этнокультурных групп населения, появляются протогородские поселения, переселяются в Поволжье новые общины, а в культуре появляются новые элементы, связанные с общеевразийской престижной модой и внедрением новой религии – ислама. Одновременно в источниковедческом плане появляются определенные сложности, вызванные тем, что городское население уже к середине X в. было в большей части мусульманским (особенностью его, в частности, было отсутствие погребально-поминального инвентаря). Соответственно, в этот период намечается разрыв в культуре между двумя социальными пространствами – племен, до определенной поры сохранявших язычество и традиционный быт, и городов, где концентрируется новая аристократия и дружина, торговцы и ремесленники, исповедовавшие ислам и использовавшие престижные предметы, имевшие надобщинный характер.

Все эти изменения не могли не отразиться на военном деле, которое приобретает все более определенно черты новой политической системы – этнополитического объединения, во главе которого стояла дружинная знать. В комплексе вооружения X–XI вв. важную роль играли традиционные виды оружия: сабли, копья и боевые топоры, которые изменялись под воздействием условий боевой практики. Развиваются сабельные перекрестья, как изогнутые с шарообразными утолщениями на концах, так и прямые, ромбовидные в плане. Сабельные клинки, по сравнению с предшествующими, удлинняются, становятся уже и приобретают больший изгиб. Среди копий выделяются вытянутые и широкие удлинненно-треугольные формы, а также пики (характерны экземпляры с продольными долами на боевых гранях). Боевые топоры пополняются новыми типами, среди которых все большую популярность получают формы с округлыми щековицами и небольшим подчетыреугольным обушком. Сложные луки со срединными боковыми накладками дополняются луками с концевыми (видимо, вместе с боковыми срединными) накладками [Измайлов, 2011. С. 56–72].

Одновременно идет модификация традиционного набора вооружения и снаряжения дружинника. Он обогащается видами и типами

оружия, которые до X в. были мало распространены: костяные и металлические грушевидные кистени, бронзовые булавы с большими четырехгранными шипами и защитное снаряжение, особенно показательно расширение применения пластинчатого доспеха, кольчуги и шлемов. Изменения коснулись и конского снаряжения, среди которого необходимо выделить новые типы удил («крыльчатые» с псалиями с одинарной петлей грызла, кольчатые без перегиба), а также шпоры и ледоходные шипы.

Ведущим комплексом вооружения становится снаряжение воина-профессионала, который в ту пору составлял основу болгарской армии, ее ударную силу. В своих трудах арабские историки Ибн Русте и Гардизи отмечали, что болгарские воины «ездят верхом, носят кольчуги и имеют полное вооружение» [Хвольсон, 1869. С. 24; Заходер, 1967. С. 32]. Набор дружинного оружия наиболее четко выделяется из основной массы вооружения, что связано не только с его специфичностью (он включал практически все виды оружия: сабли, мечи, пики, чеканы, булавы, кольчуги и металлические доспехи), но и со сравнительной многочисленностью среди находок средств ведения боя (более 74 из 152 предметов оружия X–XI вв.).

Особый интерес вызывает появление в Булгарии X в. комплекса вооружения западного происхождения, который включает каролингские мечи и их фурнитуру, круглые щиты с полушаровидными умбонами, удлинненно-треугольные копья и шпоры. Эти виды оружия демонстрируют распространение у болгар общеевропейских средств вооруженной борьбы. Предпосылки появления западного облика оружия у болгар связаны как с функционированием Волжско-Балтийского торгового пути и укреплением связей Булгарии со странами циркумбалтийского региона, так и с внутренними социальными причинами. Более сложен вопрос о механизме включения в болгарский арсенал оружия западного облика. Начальный этап его связан, скорее всего, с вхождением в болгарскую дружину полиэтничного по происхождению слоя русов, группу которых упоминал в своих записках Ахмед Ибн Фадлан. Судя по источникам, наемные дружины сосредоточивались в ставках князей в городах, где вырабатывалась синкретичная дружинная культура. Постепенно они ассимилировались и интегрировались в состав господствующего класса (об этом может свидетельствовать Балымерское курганное погребение, которое демонстрирует явные черты смешения элементов культур русов и болгар).

Наборные пояса в основном представлены единичными, некомплектными находками на болгарских поселений (Билярское, Бол-

гарское, Кураловское городища, Измерское, Спасское селища и др.). Типы и формы поясных накладок в значительной мере восходят к более ранним прототипам, однако появляется и целый ряд инноваций. Именно в этот период появляется большое количество накладок с новыми и зооморфными мотивами в оформлении, а также увеличивается разнообразие типов накладок, наконечников ремней и пряжек [Валеев, 1975. С. 99–100, рис. 35, 36; Казаков, 1991. С. 127–140, рис. 43–44; Измайлов, 1993. С. 47–54]. Причем, как доказал Е. П. Казаков, болгары не только наладили производство поясной гарнитуры в ряде ремесленных центров в Западного Закамья, но и начали активно распространять ее среди элиты племен Среднего Поволжья и Прикамья [Казаков, 1985. С. 30, рис. 2; Казаков, 2000. С. 87–99]. Однако вопреки мнению Е. П. Казакова подобные социально престижные изделия не могли и не являлись предметом торговых операций. Скорее всего, они служили формой пожалования местной племенной аристократии, материальным свидетельством превращения ее в особую пограничную стражу, обладающую высоким сословным статусом. Не исключено, что свидетельством этих процессов включения племенной аристократии народов Среднего Поволжья и Прикамья в систему правоотношений Волжской Булгарии является тюркский термин, который стал употребляться по отношению к этому населению, – «черемис» как производное от «чирмыш» / «воинское ополчение», «служилые люди» [подробнее см.: Ахметьянов, 1989. С. 153].

В этот период из Волжской Булгарии на Южную Русь, особенно в Среднее Приднепровье, проникает целый комплекс как собственно болгарских изделий, так и изготовленных болгарскими ремесленниками по восточным образцам [Орлов, 1990. С. 56–58; Измайлов, 1992. С. 102–113]. Особенно выразительны в этом смысле находки, украшенные пальметтой, так как именно для отлива набора накладок с подобным орнаментом были предназначены две литейные формочки, одна из которых имела по краю арабскую надпись в стиле «куфи» [Гупало, Ивакин, 1980. С. 205–209; Орлов, 1988. С. 118, рис. 2]. Появление накладок болгарского типа на Руси, особенно в дружинных погребениях Киева, Чернигова, Гнездова, характеризует развитые связи Булгарии с Южной Русью в сфере дружинного снаряжения [Орлов, 1988. С. 117–118; Орлов, 1990. С. 57]. В это же время в Булгарии (Биллярское городище, Семеновское V селище) появляются рамчатые пряжки византийского типа с характерными изображениями львов и крылатых грифонов. Одна подобная находка пряжки с грифонами из Биляра отличается от типичных византийских форм, являясь, возможно, их болгарской реминисценцией [Измайлов, 1992. С. 102–113].

Рис. 2. Изображения воинов на костяной накладке на седло
(по: Багаутдинов, Богачев, Zubov, 1998. Рис. 21)

Fig. 2. Images of warriors on a bone pad on a saddle (after: Bagautdinov, Bogachev, Zubov, 1998. Fig. 21)

Гораздо большее влияние оказала Средняя и Передняя Азия (Хорезм, Мавераннахр, Хорасан), откуда происходят образцы металлической гарнитуры, обнаруженные на многих памятниках Волжской Булгарии [Даркевич, 1976. С. 50–51, рис. 39–41; Казаков, 1991. С. 149–150, рис. 43, 27–30].

В этот период появляется также новая группа поясных и уздечных накладок, в основном – железная гарнитура. В последнее время она привлекла повышенное внимание археологов. Подробно состав их изучен в трудах казанского археолога К. А. Руденко, который составил подробную их классификацию, способ употребления и атрибуцию [Руденко, 2001. С. 17–86]. В целом анализ, проведенный автором, не вызывает сомнений, кроме двух принципиальных моментов.

Исследователь априори полагал, что все эти изделия относятся к кругу «аскизской» культуры [Руденко, 2001. С. 13 и далее], считая, что их распространение связано с «влиянием непосредственных носителей аскизской культуры» [Руденко, 2004. С. 27]. При этом автор прямо указывал, что «территория распространения изделий аскизского типа и их разновидностей охватывает территорию расселения мордвы-эрзи, муромы, хазаро-булгаро-мордовского населения Посурья, собственно Булгарии, часть марийских племен и северных удмуртов» [Руденко, 2004. С. 25]. Из этой бездоказательной декларации может показаться, что археологи имеют дело с неким этнокультурным феноменом, сравнимым с миграцией многотысячного населения

или созданием огромной империи. Кроме того, что ничего подобного ни в одном источнике, повествующем о событиях X–XI вв., не сообщается, а массовое переселение орд кыргызов на запад было просто невозможно, поскольку в этот период времени кыргызское общество переживало серьезный упадок, связанный с падением их великодержавия и распадом их государства на отдельные владения и возвышением киданьской империи Ляо [см.: Худяков, 1986. С. 60–63; Худяков, 2003. С. 187–201]. В этих условиях ни о какой экспансии на запад невозможно говорить серьезно.

Но гораздо более важна сама система этих поясных гарнитур. Существенно важен тот факт, что характерных для этой культуры изделий железной поясной фурнитуры с серебряной и золотой аппликацией [Кызласов, 1981. С. 200–207, рис. 74; Кызласов, 1983. С. 48–51, табл. XXI–XXII] в Волго-Уральском регионе в XI–XII вв. просто не обнаружено. Тогда как других типов железных поясных накладок в Волго-Камье на порядок больше, чем в Хакасско-Минусинской котловине [Ср.: Кызласов, 1983. С. 11–21; Руденко, 2001. С. 17–86]. Особо следует указать на то, что для самого Минусинского региона данный комплекс имел не этнокультурную, а этносоциальную привязку. Использовался он кочевой знатью – собственно кыргызами, тогда как культура податного сословия кыштымов, включая погребальный обряд и состав погребального инвентаря, значительно от них отличались. Различия эти были зафиксированы археологами и касались не только поминально-погребального инвентаря, но и самого обряда (труположение вместо трупосожжения) [см.: Худяков, 1982. С. 214–221; Худяков, 1986; Бутанаев, Худяков, 2000. С. 90–144].

Очевидно, что мы в этом случае имеем дело отнюдь не с миграцией, а с совершенно иным историческим феноменом, имеющим не этнический, а социокультурный характер. Все эти находки относятся к поясному набору (боевой и саадачный пояс) и конской упряжи и принадлежат кругу изделий с довольно узкой сферой применения, характеризую воинское и всадническое снаряжение степной аристократии. Вполне очевидно, что этот дружинный набор не является в первую очередь свидетельством контактов булгарского средневекового общества, скорее не в этнокультурном, а в социальном пространстве. На примере этой поясной гарнитуры явно видно вовлечение булгарской элиты в новую систему моды, идущую на смену салтово-маяцким традициям, а также включение в ее состав тюрко-кыпчакских элементов.

Вызывает возражения и предложенная К. А. Руденко дата появления этого комплекса в Булгарии как конец X – начало XI в. [Руденко,

2001. С. 71–77; Руденко, 2004. С. 26–27]. Факты упрямо противоречат этому предположению. Во-первых, есть одна находка с четко фиксированной датой, которая не укладывается в предложенные рамки. Это погребение 147 из II Билярского могильника, где умерший сопровождался деталями поясной гарнитуры центральноазиатского типа [Халикова, 1976. С. 126–127, рис. 68]. Тщательные исследования топографии и стратиграфии этого могильника Е. А. Халиковой в 1969 г. позволили выяснить, что этот могильник существовал в момент возникновения городского поселения и с самого начала был мусульманским, но уже в середине – второй половине X в., когда в городе начали строить валы и рвы внутреннего города, часть этого могильника была перекрыта оборонительными сооружениями, и спустя некоторое время он прекратил свое существование [Халикова, 1976. С. 126–127]. Эти наблюдения были позднее развиты и дополнены Ф. Ш. Хузиным, который создал стройную систему датировки всего Билярского городища и места в исторической топографии этого могильника. Многолетними исследованиями ему удалось доказать, что укрепления внутреннего города возникли еще в первой половине X в. [Хузин, Кавеев, 1985. С. 41–57; Хузин, 2001. С. 91, 93].

Поскольку нет веских оснований для пересмотра всей Билярской хронологии в пользу его омоложения, то датировать погребения II Билярского могильника позднее середины X в. нет никаких оснований. Впрочем, ранние находки этого круга изделий отнюдь не исключение. Можно также отметить, что, анализируя материалы ранних поселений Булгарии, Е. П. Казаков также указывал подобные накладки в числе инноваций середины X – начала XI в. [Казаков, 1992. С. 298–320]. Эти даты имеют принципиальное значение, поскольку показывают всю абсурдность теории об «аскизском» комплексе в Булгарии. Ведь, по мысли ее создателей, получается, что находки этой железной фурнитуры появились в Биляре еще до того, как возникла сама аскизская культура в Минусинской котловине. Следовательно, весь этот комплекс специфичной поясной гарнитуры возникает в Булгарии гораздо ранее, чем подобные формы стали характерным элементом дружинной культуры в Минусинской котловине и явным образом не связаны с этим регионом.

Главным недостатком этнокультурного анализа этого комплекса, проделанного К. А. Руденко, следует признать то, что он полагал, что весь этот комплекс возник в Минусинской котловине и сразу в единстве своих элементов. Автор не учитывал, что, поскольку речь идет о комплексе социально-престижных изделий, он имел синкретичный характер, а не видоизменение предшествующего этапа разви-

Рис. 3. Изображение воина на блюде. Волжская Булгария. X в. Клад у с. Мужы, Тобольская губ. (по: Даркевич В. П. Художественный металл Востока. VIII–XIII вв. М.: Наука, 1976. Табл. 56, 2)

Fig. 3. Image of a warrior on a platter. Volga Bulgaria. 10th century Treasure near the village Muzhi, Tobolsk province. (according to: Darkevich V.P. Artistic metal of the East. VIII–XIII centuries. M.: Nauka, 1976. Table. 56, 2)

тия. В качестве иллюстрации сложности появления этого комплекса можно, в частности, привести фигурные щитки на кольцах, являющиеся важной и выразительной частью «аскизского» комплекса, не являющиеся результатом местного развития. Ближайшие аналогии этим деталям пояса обнаружены в конце I тыс. н. э. в памятниках салтово-маяцкой культуры [Плетнева, 1967. С. 44], раннебулгарских могильниках [Генинг, Халиков, 1964. Табл. XVII, 13] и могильниках Прикамья [Памятники ломоватовской культуры, 1970. Табл. 40, 13–15, 21]. Вместе с этими находками распространяются в Центральной Азии подвесные шарнирные бляхи и пинцеты с расширенными кон-

цами и датируются XI–XII вв. Вполне очевидно, что подобная мода, распространившаяся в X–XI вв. по просторам Евразии, была связана с новой модой, знаменовавшей культурные изменения в эпоху падения древнетюркских каганатов и формирования новых государств.

Очевидно, было культурное пространство, где соединились два потока культурных инноваций с Запада из района Хазарского каганата и с Востока – из Империи Ляо, которым стало возникшая в это время сросткинская культура, оставленная кимако-кыпчакскими племенами, во главе которых стоял род татар [Кумекон, 1972. С. 35–47; Савинов, 1984. С. 103–118; Кляшторный, Савинов, 1994. С. 133–148]. Она оказала воздействие на культуру енисейских кыргызов и, в свою очередь, обогатившись целым рядом новаций, повлияла на формирующуюся культуру болгар.

Археологическим отражением влияния этого импульса в Волго-Уральском регионе являются Житимакские и Мрясимовские курганы, II Акимбетовский курган и др. Все они, судя по находкам монет начала – середины X в., могут быть отнесены ко времени X – начала XI в. Характерно, что Мрясимовские курганы содержат железную длиннощитковую пряжку. Датировка ее также укладывается в период до становления аскизской культуры [Мажитов, 1981. С. 133–159, рис. 75, 4]. Позднее эти элементы сохранялись в родственной сросткинской басандайской культуре [Савинов, Новиков, Росляков, 2008., Рис. 5, 1–3; 34, 12; 67; 125, 7]. Одновременно с этим кыпчакским импульсом в дружинную культуру болгар включаются новые элементы оформления конской сбруи – крупные круглые бронзовые или серебряные пластины и костяные подтреугольные подвески для подпружных ремней.

Как бы то ни было, но болгарская дружинная культура в X в. обогатилась набором железной фурнитуры для пояса и конской узды. Она стала в XI – первой трети XIII в., очевидно, самой популярной формой поясной фурнитуры и широко распространилась не только у болгар, но и у племен, находившихся под их культурно-политическим влиянием – в Посурье, Марийском Поволжье, Верхнем Прикамье и т.д.

Таким образом, можно отметить, что набор оружия у болгарского дружинника X–XI вв. включал как традиционные, так и заимствованные средства борьбы, был достаточно однороден и ограничен определенным минимумом оружия и снаряжения (учитывая отсутствие скандинавских ланцетовидных копий и русских форм секир). Особенностью развития снаряжения всадника является соединение двух видов управления конем и соответствующей посадки в седле: «восточной» – с помощью плети (всего известно около 50 наверший)

и «западной» – шпор. Хотя последний не был, очевидно, широко распространен, но он демонстрирует влияние различных культурных центров и внедрение в болгарское военное дело новшеств, связанных с общеевропейской системой ведения боя. Такая избирательность подтверждает определенный характер заимствования новых элементов вооружения и снаряжения, обусловленный эволюцией социальной структуры и военной организации болгарского общества [Измайлов, 2008. С. 107–110].

Характерной особенностью формирующейся болгарской дружины и ее культуры является особый набор компонентов, основу материального мира которого составляли социально-престижные изделия, в значительной мере заимствованные из средневековой евразийской моды. Есть основания полагать, что само возникновение этого комплекса связано с культурным импульсом из Центральной Азии, исходящим из Киданьской империей Ляо и посредством кыпчакского мира.

Судя по всему комплексу материалов, местом формирования этой культуры становятся протогородские центры. Именно в них накапливается новый социальный материал, не связанный тесными узами с родовым обществом и благодаря обширным торговым связям получивший доступ к социально-престижным изделиям циркумбалтийского региона и мусульманского мира. Кроме того, здесь создается производственная база, позволяющая перерабатывать полученный в виде налогов и даней прибавочный продукт и обслуживать культурные запросы аристократии и дружины. Следовательно, процессы становления государства, рост городов и активное включение в мировую торговлю по волго-балтийскому пути способствовали не только углублению классовообразования, но и выделению слоя дружины со своей материальной и духовной культурой.

Консолидации этого социального слоя и противопоставлению его традиционной племенной культуре способствовало также принятие ислама. В первой трети X в. ислам распространился среди части населения, в основном горожан и некоторых общин-земледельцев, а также правителя и его окружения. Ахмед Ибн Фадлан зафиксировал еще довольно много доисламских традиционных верований, обычаев и обрядов [См.: Казаков, 1993. С. 12–22]. Но уже во второй половине X в. ислам повсеместно распространился по стране. Традиционные обряды и обычаи, связанные с военным делом, исчезли или были переосмыслены в новых традициях [см.: Давлетшин, 1990. С. 87–110].

Большую роль в дружинном этосе начинает занимать религиозный мотив «священной войны». По свидетельству источников, бул-

гары «со всяким войском кафиров, сколько бы его не было, они сражаются и побеждают» [Бартольд, 1965. С. 345]. Видимо, все воинские обряды также получают с этого времени мусульманское осмысление. Очевидно, в этот период происходила переработка дружинного эпоса и его героев в исламском духе. Характерным примером этого является произведение тюркоязычной литературы «Кисекбаш Китабы» [Ахметгалеева, 1979], в котором используется древний сюжет борьбы с дивом и спасения прекрасной девушки из темницы. Но в данном литературном памятнике происходит совмещение традиционной эпикки с мусульманской агиографией. В нем главным героем становится Али – «лев Аллаха», самый «светский» из всех мусульманских святых, чей культ был связан с образом воина, странствующего рыцаря, который совершал подвиги во имя правды и справедливости [Снесарев, 1983. С. 52–53]. Есть основания полагать, что культ Али был особенно популярен в среде восточного рыцарства. «Кисекбаш Китабы» насыщено сложной исламской символикой, которая проглядывает за традиционными эпическими образами и формулами. К ним можно отнести мотивы борьбы с неверными, божественной помощи пророка своему вассалу, мучения и воздаяния за веру, а также разделение всех героев и всего эпического пространства на два мира – «мира Аллаха» и «мира дива (иблиса)» и т.д.

Мотивы борьбы за веру и противостояния силам зла и неверия, не характерные для героического эпоса, появились в «Кисекбаш Китабы» после переосмысления его как произведения, призванного утверждать триумф веры в борьбе с силами зла. Здесь же борьба ведется вполне земным оружием, а эпическое общество строится на тех же взаимоотношениях князя и дружины, что и в героическом эпосе. Не принципиальна разница в том, что место правителя занимает образ Пророка. Просто она еще раз подчеркивает, что трансформация и запись этого дастана произошла на ранней стадии внедрения ислама в военно-дружинную среду, когда еще были актуальны мотивы прямой борьбы за веру. Важной сюжетной линией этого произведения проходит мысль, что герои «Кисекбаш Китабы» – это верные дружинники Аллаха, а их подвиги призваны укрепить его власть. Укреплению нового общественного порядка способствовала также одна из центральных идей этого произведения, которая акцентировала внимание на том, что сохранение существующего общества возможно лишь при условии строгого выполнения обязанностей всеми его членами. Князья справедливо правят подданными, а те, в свою очередь, выполняют обязанности перед властью. Такое понимание идеального устройства мира, в строгом следовании соотношения ди-

хотомии вассалитета и сюзеренитета, укладывается в систему формирующейся военно-дружинной организации.

Вместе с тем следует отметить, что подобные изменения в духовной культуре военного сословия переживали этап становления. Ведь по форме и эпическому языку эти произведения были близки героическому эпосу, хотя и насыщались новым мусульманским содержанием. В дальнейшем внедрение ислама позволило булгарам приобщиться к культуре восточного рыцарства и во многом усвоить ее, перерабатывая в соответствии со своими традициями военно-служилой среды и этоса.

Иными словами, формирование дружинной культуры булгар прошло ряд этапов, постепенно развиваясь от раннеклассовых к средневековым формам. Причем изменения претерпевали не только предметы вооружения, но и этос воинов. От сообщества равных, служивших общине в лице своего военачальника, дружинники постепенно становятся иерархической системой, подчиненной власти правителя, обязанной ему своим благосостоянием и жизнью и стоящей над остальным обществом. В материальной культуре эта тенденция особенно заметна при анализе эволюции предметов вооружения и поясной гарнитуры, а в духовной – в трансформации героического эпоса в мусульманском духе, в духе борьбы за веру против неверных.

*Материал поступил в редакцию
Received
10.11.2022*

Список литературы

Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 247 с.

Ахметгалеева Я. С. Исследование тюркоязычного памятника «Кисебаш Китабы». М.: Наука, 1979. 191 с.

Ахметьянов Р. Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1989. 200 с.

Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: Полдень. XXII век, 1998. 286 с.

Бартольд В. В. Введение к изданию «Худуд-ал-Алам» // Бартольд В. В. Сочинения. Т. VIII. М.: Наука, 1965а. С. 504–545.

Бурдые П. О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87–96.

Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2000. 272 с.

Валеев Ф. Х Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1975. 214 с.

Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге: Больше-Тарханский могильник. М.: Наука, 1964. 221 с.

Горский А. А. Дружина и генезис феодализма на Руси // Вопр. ист. 1984. № 9. С. 17–28.

Горский А. А. Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). М.: Прометей, 1989. 124 с.

Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю. О ремесленном производстве на Киевском Подоле // Сов. археол. 1980. №3. С. 205–209.

Давлетшин Г. М. Волжская Булгария: духовная культура (X – начало XIII в.). Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 192 с.

Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976. 199 с.

Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1990. 164 с.

Закирова И. Г. Народное творчество болгарского народа. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 2000. 24 с.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М.: Наука, 1967. Т. II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. 212 с.

Измайлов И. Л. Оружие ближнего боя волжских болгар VIII–X вв. // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1989. С. 107–121.

Измайлов И. Л. Военно-дружинные связи Волжской Булгарии с Южной Русью в X–XI вв. // Путь из Булгара в Киев. Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1992. С. 102–113.

Измайлов И. Л. Наборные пояса как элемент дружинной культуры волжских болгар VIII–XIII вв. (к постановке проблемы) // Культура, искусство татарского народа. Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1993. С. 47–54.

Измайлов И. Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII вв. Магадан; Казань: Изд-во СВНЦ ДВО РАН, 1997. 212 с.

Измайлов И. Л. Защитники «Стены Искандера». Вооружение, военное искусство и военная история Волжской Булгарии X–XIII вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 206 с.

Казаков Е. П. О характере связей волжских болгар с финнами и уграми в X–XII веках // Древние этнические процессы Волго-Камья. Йошкар-Ола: Изд-во МарНИИЯЛИЭ, 1985. С. 24–37.

Казаков Е. П. О языческой культуре волжских болгар (по археологическим данным) // Культура, искусство татарского народа: истоки, традиции, взаимосвязи. Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1989. С. 12–22.

Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Булгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.

Казаков Е. П. О языческой культуре волжских болгар (по археологическим данным) // Культура, искусство татарского народа. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1993. С. 12–22.

Казаков Е. П. Начальная история Волжской Булгарии // Очерки по археологии Татарстана: Учеб. пособие. Казань: Школа, 2001. С. 123–134.

Казаков Е. П. Измери – главный торговый пункт Волжской Булгарии (конец X – XI в.) // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские болгары. СПб.: Вести, 2000. С. 87–99.

Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства: Пер. с ит. / Общ. ред. В.И. Уколовой. М.: Прогресс, 1987. 384 с.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Л.: Наука, 1971. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. 92 с.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Фарн, 1994. 165 с.

Ковалевская В. Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI–IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970. С. 144–155.

Ковалевская В. Б. Башкирия и евразийские степи IV–IX вв. (по материалам поясных наборов) // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972. С. 95–118.

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков: Изд-во Харьк. гос. ун-та, 1956. 347 с.

Комар А. В. Ранговая семантика наборных поясов кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в. // Сугдейский сборник. Вып. II. Киев; Судак: Академперіодика, 2005. С. 160–188.

Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.

Куббель Л. Е. Возникновение частной собственности, классов и государства // История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М.: Наука, 1988. С. 140–269.

Кызласов И. Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X–XIV вв.) // Степи Евразии в эпоху Средневековья / Археология СССР. М.: Наука, 1981. С. 200–207.

Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М.: Наука, 1983. 230 с.

Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 263 с.

Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 163 с.

Могильников В. А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 29–42.

Мухаметшина А. С. Коминтерновский курган. Проблемы атрибуции и датировки // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья: Тезисы докладов научной конференции, посвященной 100-летию А.П. Смирнова. Болгар: БГИАМЗ, 1999. С. 21–24.

Орлов Р. С. Художественная культура городов «Русской земли» в IX–X вв. // Труды V Межд. конгресса археологов-славистов. Киев: Наука думка, 1988. Т. 2. С. 115–120.

Орлов Р. С. Художественные связи Южной Руси с Волжской Булгарией в X–XI вв. // Археологическое изучение микрорайонов. Итоги и перспективы. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. С. 56–58.

Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. 198 с.

Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитровский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.

Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л.: Наука, 1988. 225 с.

Распопова В. И. Поясной набор Согда VII–VIII вв. // Сов. археология. 1965. № 4. С. 78–91.

Руденко К. А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань: Заман, 2001. 256 с.

Руденко К. А. Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в конце X–XIV вв. по археологическим данным: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2004. 47 с.

Руденко С. И. Культура гуннов и ноинулинские курганы. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 278 с.

Рыбаков Б. А. О двух культурах русского феодализма // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М.: Наука, 1970. С. 23–33.

Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.

Савинов Д. Г., Новиков А. В., Росляков С. Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (Басандайская культура). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. 423 с.

Серегин Н. Н., Тишин В. В. Дружина у тюрков Центральной Азии (основные аспекты интерпретации письменных и археологических источников) // Восток (Oriens). 2018. № 6. С. 47–65.

Снесарев Г. П. Хорезмийские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М.: Наука, 1983. 212 с.

Стефанович П. С. «Дружина» в древнейшем русском летописании // Средневековая Русь. 2009. Вып. 8. С. 6–51.

Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М.: Индрик, 2012. 656 с.

Фрезер Д. Д. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1983. 703 с.

Халикова Е. А. Билярские некрополи // Исследования Великого города. М.: Наука, 1976. С. 113–168.

Хрестоматия по истории южных и западных славян. Минск: Университет, 1987. 272 с.

Хвольсон Д. А. Известия о хозарах, бургасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Дафта. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1869. 200 с.

Худяков Ю. С. Кыргызы на Табате. Новосибирск: Наука, 1982. 240 с.

Худяков Ю. С. Кыргызы на Енисее. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1986. 80 с.

Хузин Ф. Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань: Мастер-Лайн, 2001. 480 с.

Хузин Ф. Ш. Социально-политическое устройство. Общественные отношения // История татар с древнейших времен: в 7 т. Казань: РухИЛ, 2006а. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. С. 139–150.

Хузин Ф. Ш., Кавеев М. М. Исследования внутренней линии обороны Билярского городища // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 41–57.

Чернецов А. В. К характеристике языческой дружинной культуры Черниговщины // Чернигов и его округа в IX–XIII вв.: Тез. докл. Чернигов: Наукова думка, 1985. С. 55–58.

Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.: Наука, 1966. 139 с.

Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. 356 с.

References

Arutyunov S. A. Narody i kul'tury: razvitie i vzaimodejstvie. M.: Nauka, 1989. 247 s.

Ahmetgaleeva Ya. S. Issledovanie tyurkoyazychnogo pamyatnika «Kisekbash Kitaby». M.: Nauka, 1979. 191 s.

Ahmet'yanov R. G. Obshchaya leksika material'noj kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya. M.: Nauka, 1989. 200 s.

Bagautdinov R. S., Bogachev A. V., Zubov S. E. Prabolgary na Srednej Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam'ya). Samara: Polden'. XXII vek. 1998. 286 s.

Bartol'd V. V. Vvedenie k izdaniyu «Hudud-al-Alam» // Bartol'd V.V. Sochineniya. T.VIII. M.: Nauka, 1965a. S. 504–545.

Burd'e P. O simvolicheskoj vlasti // Burd'e P. Sociologiya social'nogo prostranstva. M.: In-t eksperimental'noj sociologii; SPb.: Aletejya, 2007. S. 87–96.

Butanaev V. Ya., Hudyakov Yu. S. Istoriya enisejskih kyrgyzov. Abakan: Izd-vo Hakasskogo gos. un-ta, 2000. 272 s.

Valeev F. H. Drevnee i srednevekovoe iskusstvo Srednego Povolzh'ya. Joshkar-Ola: Marijskoe kn. izd-vo, 1975. 214 s.

Gening V. F., Halikov A. H. Rannie bolgary na Volge: Bol'she-Tarhanskij mogil'nik. M.: Nauka, 1964. 221 s.

Gorskij A. A. Druzhina i genesis feodalizma na Rusi // Voprosy istorii. 1984. № 9. S. 17–28.

Gorskij A. A. Drevnerusskaya družhina (K istorii genezisa klassovogo obshchestva i gosudarstva na Rusi). M.: Prometej, 1989. 124 s.

Gupalo K. N., Ivakin G. Yu. O remeslennom proizvodstve na Kievskom Podole // SA. 1980. № 3. S. 205–209.

Davletshin G. M. Volzhskaya Bulgariya: duhovnaya kul'tura (X – nachalo XIII vv.). Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 1990. 192 s.

Darkevich V. P. Hudozhestvennyj metall Vostoka VIII–XIII vv. Proizvedeniya vostochnoj torevniki na territorii evropejskoj chasti SSSR i Zaural'ya. M.: Nauka, 1976. 199 s.

Dobzhanskij V. N. Nabornye poyasa kochevnikov Azii. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 1990. 164 s.

Zakirova I. G. Narodnoe tvorchestvo bulgarskogo naroda. Avtoref. diss ... kand. filol. nauk. Kazan': IYALI AN RT, 2000. 24 s.

Zahoder B. N. Kaspijskij svod svedenij o Vostochnoj Evrope. T. II. Bulgary, mad'yary, narody Severa, pechenegi, rusy, slavyane. M.: Nauka, 1967. 212 s.

Izmajlov I. L. Oruzhie blizhnego boya volzhskih bulgar VIII–X vv. // Rannie bulgary v Vostochnoj Evrope. Kazan': IYALI KNC AN SSSR, 1989. S. 107–121.

Izmajlov I. L. Voенно-druzhinnye svyazi Volzhskoj Bulgarii s YUzhnoj Rus'yu v X–XI vv. // Put' iz Bulgara v Kiev. Kazan': IYALI KNC RAN, 1992. S. 102–113.

Izmajlov I. L. Nabornye poyasa kak element družhinnoj kul'tury volzhskih bulgar VIII–XIII vv. (k postanovke problemy) // Kul'tura, iskusstvo tatarskogo naroda. Kazan': IYALI KNC RAN, 1993. S. 47–54.

Izmajlov I. L. Vooruzhenie i voенное дело naseleniya Volzhskoj Bulgarii X – nachala XIII vv. Magadan-Kazan': Izd-vo SVNC DVO RAN, 1997. 212 s.

Izmajlov I. L. Zashchitniki «Steny Iskandera». Vooruzhenie, voенное iskusstvo i voennaya istoriya Volzhskoj Bulgarii X–XIII vv. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2008. 206 s.

Kazakov E. P. O karaktere svyazej volzhskih bulgar s finnami i ugrami v X–XII vekah // Drevnie etnicheskie processy Volgo-Kam'ya. Joshkar-Ola: Izd-vo MarNIYALIE, 1985. S. 24–37.

Kazakov E. P. O yazycheskoj kul'ture volzhskih bolgar (po arheologicheskim dannym) // Kul'tura, iskusstvo tatarskogo naroda: istoki, tradicii, vzaimosvyazi. Kazan': IYALI KNC AN SSSR, 1989. S. 12–22.

Kazakov E. P. Kul'tura rannej Volzhskoj Bulgarii. M.: Nauka, 1992. 335 s.

Kazakov E. P. O yazycheskoj kul'ture volzhskih bolgar (po arheologicheskim dannym) // Kul'tura, iskusstvo tatarskogo naroda. Kazan': IYALI AN RT, 1993. S. 12–22.

Kazakov E. P. Nachal'naya istoriya Volzhskoj Bulgarii // Oчерki po arheologii Tatarstana. Uchebnoe posobie. Kazan': Shkola, 2001. S. 123–134.

Kazakov E. P. Izmeri – glavnyj torgovyj punkt Volzhskoj Bulgarii (konec X–XI vv.) // Slavyane, finno-ugry, skandinav, volzhskie bulgary. SPb.: Vesti, 2000. S. 87–99.

Kardini F. Istoki srednevekovogo rycarstva: Per. s it. / Obshch. red. V. I. Ukolovoj. M.: Progress, 1987. 384 s.

Kirpichnikov A. N. Drevnerusskoe oruzhie. Vyp. 3. Dospekh, kompleks boevyh sredstv IX–XIII vv. L.: Nauka, 1971. 92 s.

Klyashtornyj S. G., Savinov D. G. Stepnye imperii drevnej Evrazii. SPb.: Farn, 1994. 165 s.

Kovalevskaya V. B. K izucheniyu ornamentiki nabornyh pojasov VI–IX vv. kak znakovoj sistemy // Statistiko-kombinatornye metody v arheologii. M.: Nauka, 1970. S. 144–155.

Kovalevskaya V. B. Bashkiriya i evrazijskie stepi IV–IX vv. (po materialam pojasnyh naborov) // Problemy arheologii i drevnej istorii ugrov. M.: Nauka, 1972. S. 95–118.

Kovalevskij A. P. Kniga Ahmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg. Stat'i, perevody i kommentarii. Har'kov: Izd-vo Har'kovskogo gos. un-ta, 1956. 347 s.

Komar A. V. Rangovaya semantika nabornyh pojasov kochevnikov Vostochnoj Evropy VII – nach. VIII v. // Sugdejskij sbornik. Vyp. II. Kiev; Sudak: Akadempriodika, 2005. S. 160–188.

Kubarev V. D. Drevnetyurkskie izvayaniya Altaya. Novosibirsk: Nauka, 1984. 230 s.

Kubbel' L. E. Vozniknovenie chastnoj sobstvennosti, klassov i gosudarstva // Istoriya pervobytnogo obshchestva. Epoha klassoobrazovaniya. M.: Nauka, 1988. S. 140–269.

Kyzlasov I. L. Askizskaya kul'tura (srednevekovye hakasy X–XIV vv.) // Stepni Evrazii v epohu Srednevekov'ya / Arheologiya SSSR. M.: Nauka, 1981. S. 200–207.

Kyzlasov I. L. Askizskaya kul'tura YUzhnoj Sibiri X–XIV vv. M.: Nauka, 1983. 230 s.

Lipic R. S. Obrazy batyra i ego konya v tyurko-mongol'skom epose. M.: Nauka, 1984. 263 s.

Mazhitov N. A. Kurgany YUzhnogo Urala VIII–XII vv. M.: Nauka, 1981. 163 s.

Mogil'nikov V. A. Tyurki // Stepni Evrazii v epohu srednevekov'ya. M.: Nauka, 1981. S. 29–42.

Muhametshina A. S. Kominternovskij kurgan. Problemy atribucii i datirovki // Bolgar i problemy izucheniya drevnostej Uralo-Povolzh'ya. Tezisy dokladov nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu A. P. Smirnova. Bolgar: BGIAMZ, 1999. S. 21–24.

Orlov R. S. Hudozhestvennaya kul'tura gorodov «Russkoj zemli» v IX–X vv. // Trudy V Mezhd. kongressa arheologov-slavistov. T. 2. Kiev: Nauka dumka, 1988. S. 115–120.

Orlov R. S. Hudozhestvennye svyazi Yuzhnoj Rusi s Volzhskoj Bulgarijei v X–XI vv. // Arheologicheskoe izuchenie mikrorajonov. Itogi i perspektivy. Voronezh: Izd-vo VGU, 1990. S. 56–58.

Pletneva S. A. Ot kochevij k gorodam. Saltovo-mayackaya kul'tura. M.: Nauka, 1967. 198 s.

Pletneva S. A. Na slavyano-hazarskom pogranich'e. Dmitrovskij arheologicheskij kompleks. M.: Nauka, 1989. 288 s.

Putilov B. N. Geroicheskij epos i dejstvitel'nost'. L.: Nauka, 1988. 225 s.

Raspopova V. I. Poyasnoj nabor Sogda VII-VIII vv. // SA. 1965. № 4. S. 78–91.

Rudenko K. A. Tyurkskij mir i Volgo-Kam'e v XI–XIV vv. Izdeliya askijskogo kruga v Srednem Povolzh'e. Issledovanie i katalog. Kazan': Zaman, 2001. 256 s.

Rudenko K. A. Processy etnokul'turnogo vzaimodejstviya v Volgo-Kam'e v konce X–XIV vv. po arheologicheskim dannym. Avtoref. diss. ... dok. ist. nauk. Izhevsk, 2004. 47 s.

Rudenko S. I. Kul'tura gunnov i noinulinskie kurgany. M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. 278 s.

Rybakov B. A. O dvuh kul'turah russkogo feodalizma // Leninskie idei v izuchenii istorii pervobytnogo obshchestva, rabovladieniya i feodalizma. –M.: Nauka, 1970. S. 23–33.

Savinov D. G. Narody YUzhnoj Sibiri v drevnetyurkskuyu epohu. L.: Izd-vo LGU, 1984. 174 s.

Savinov D. G., Novikov A. V., Roslyakov S. G. Verhnee Priob'e na rubezhe epoh (Basandajskaya kul'tura). Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2008. 423 s.

Seregin N. N., Tishin V. V. Druzhina u tyurkov Central'noj Azii (osnovnye aspekty interpretacii pis'mennyh i arheologicheskikh istochnikov) // Vostok (Oriens). 2018. № 6. S. 47–65.

Snesarev G. P. Horezmijskie legendy kak istochnik po istorii religioznyh kul'tov Srednej Azii. M.: Nauka, 1983. 212 s.

Stefanovich P. S. «Druzhina» v drevnejšem russkom letopisanii // Srednevekovaya Rus'. 2009. Vyp. 8. S. 6–51.

Stefanovich P. S. Boyare, otroki, družiny: voenno-politicheskaya elita Rusi v X–XI vekah. M.: Indrik, 2012. 656 s.

Frezer D. D. Zolotaya vetv'. M.: Politizdat, 1983. 703 s.

Halikova E. A. Bilyarskie nekropoli // Issledovaniya Velikogo goroda. M.: Nauka, 1976. S. 113–168.

Hrestomatiya po istorii yuzhnyh i zapadnyh slavyan. Minsk: Universitet, 1987. 272 s.

Hvol'son D. A. Izvestiya o hozarah, burtasah, bolgarah, mad'yarah, slavyanah i russah Abu-Ali Ahmeda ben Omar Ibn-Dasta. SPb.: Tip. Imp. Akademii nauk, 1869. 200 s.

Hudyakov Yu. S. Kyrgyzy na Tabate. Novosibirsk: Nauka, 1982. 240 s.

Hudyakov Yu. S. Kyrgyzy na Enisee. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 1986. 80 s.

Huzin F.Sh. Bulgarskij gorod v X – nachale XIII vv. Kazan': Master-Lajn, 2001. 480 s.

Huzin F. Sh. Social'no-politicheskoe ustrojstvo. Obshchestvennye otnosheniya // Istoriya tatar s drevnejshih vremen. V 7 t. T. II. Volzhskaya Bulgariya i Velikaya Step'. Kazan': Izd-vo «RuhIL», 2006a. S. 139–150.

Huzin F. Sh., Kaveev M. M. Issledovaniya vnutrennej linii oborony Bi-ljarskogo gorodishcha // Voенно-oboronitel'noe delo domongol'skoj Bulgarii. Kazan': IYALI KFAN SSSR, 1985. S. 41–57.

Chernecov A. V. K karakteristike yazycheskoj družinnoj kul'tury Chernigovshchiny // Chernigov i ego okruga v IX–XIII vv. Tezisy dokladov. Chernigov: Naukova dumka, 1985. S. 55–58.

Sher Ya. A. Kamennye izvayaniya Semirech'ya. M., L.: Nauka, 1966. 139 s.

Eliade M. Tajnye obshchestva. Obryady iniciacii i posvyashcheniya. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 1999. 356 s.

Список сокращений

- АЕС – Археология евразийских степей
- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
- АН СССР – Академия наук СССР
- БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
- ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории
- КНЦ – Казанский научный центр
- КФАН СССР – Казанский филиал АН СССР
- ЛГУ – Ленинградский государственный университет
- МарНИИЯЛИЭ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
- МГУ – Московский государственный университет
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
- НГУ – Новосибирский государственный университет
- ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
- РАН – Российская академия наук
- СА – Советская археология
- СВНЦ ДВО РАН – Северо-Восточный научный центр Дальневосточного отделения РАН
- СО РАН – Сибирское отделение РАН

Сведения об авторе

Измайлов Искандер Лерунович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (410111, ул. Батурина, 7, г. Казань, Российская Федерация). E-mail: ismail@inbox.ru

Information about the author

Izmailov Iskander Lerunovich – Doctor of Historical Sciences, leading researcher at the Center for Research of the Golden Horde and Tatar Khanates named after M. A. Usmanov of the Institute of History named after Sh. Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (410111, Baturina str., 7, Kazan, Russian Federation). E-mail: ismail@inbox.ru

Казахский садак (терминология, типология, способы ношения)

К. С. Ахметжан

г. Астана. Республика Казахстан

Аннотация

Данная статья посвящена изучению казахского садака, как комплекта из ручного метательного оружия, его принадлежностей и средства для их ношения. К сожалению до сегодняшнего дня казахский садак не был предметом отдельного научного исследования, что свидетельствует об актуальности этой темы. Поэтому в данной статье целью исследования является изучение особенностей традиционного казахского садака, народной терминологии, связанной с этим видом воинского снаряжения, выявление различных его типов и способов их ношения. Источниковой базой исследования послужили вещественные, письменные, фольклорные источники, иконографические и лингвистические материалы. Как воинское снаряжение казахских батыров, садак постоянно упоминается в устных источниках XV-XIX веков. Из письменных источников XIX века первое описание казахского садака и его изображение мы находим в работе Ч.Ч.Валиханова, посвященной казахскому вооружению. Более ранние изображения казахского садака представлены на погребальных памятниках казахов XVIII века. Эти изобразительные материалы позволяют реконструировать разные типы казахского садака. Проведенный анализ и изучение иконографических материалов показал, что казахский садак является дальнейшим развитием средневековых садаков, в процессе этого развития появились разнообразные типы казахского садака, отличающиеся разными составами элементов комплекта, и обусловленными ими разные способы их ношения.

Ключевые слова

Саадак, казахский садак, садачный пояс, стрелковый пояс, казахский колчан-горит, способы ношения садака.

Для цитирования

Ахметжан К. С. Казахский садак (терминология, типология, способы ношения) // *Universum Humanitarium*. 2022. № 1. С. 198–227.

DOI 10.25205/2499-9997-2022-1-198-227

Kazakh bow set «sadaq» (terms, typology, ways of wearing)

K. S. Akhmetzhan

Astana. Republic of Kazakhstan

Abstract

This article is devoted to the study of the Kazakh sadaq, as a set of a hand throwing weapon, its accessories and means for wearing them. Unfortunately, until today, the Kazakh sadaq has not been the subject of a separate scientific study, which indicates the relevance of this topic. Therefore, the purpose of this article is to study the specific peculiarities of the traditional Kazakh sadaq, ethnic terminology associated with this type of military equipment, identifying its various types and ways of wearing them.

In the article artifacts, written and folklore sources, iconographic and linguistic materials served as the source base for the study. As the military equipment of Kazakh batyrs, sadaq is constantly mentioned in oral sources of the 15th-19th centuries. From the written sources of the 19th century, we find the first description of the Kazakh sadaq and its image in the work of Ch.Ch.Valikhanov, dedicated to Kazakh weapons. Earlier images of the Kazakh sadaq are presented on the Kazakh burial monuments of the 18th century. These visual materials make it possible to reconstruct different types of Kazakh sadaq. The analysis and study of iconographic materials showed that the Kazakh sadaq is the result of the further development of the medieval nomadic bows, which lead to evolution of the various types of Kazakh sadaq, differing among themselves in different compositions of the elements of the weapon set, and hence different ways of wearing them.

Keywords

Saadak, Kazakh sadaq, sadaq belt, archer belt, Kazakh quiver-gotyts, ways of wearing Kazakh sadaq.

For citation

*Akhmetzhan K. S. Kazakh bow set «sadaq» (terms, typology, ways of wearing) // Univer-sum Humanitarium. 2022. № 1. P. 198–227.
DOI 10.25205/2499-9997-2022-1-198-227*

Введение

С древнейших времен в комплексе вооружения кочевого воина лук и стрелы всегда были одним из основных видов оружия, поэтому в памятниках изобразительного искусства самих кочевников можно часто видеть изображения луков и стрел, а воины всегда изображаются в них стреляющими с разных позиций из лука. После смерти воина лук и стрелы клали на его могилу вместе с другими видами оружия,

и в погребениях кочевников, относящихся к разному времени, часто находят целые луки и стрелы или отдельные их части, а также снаряжения для ношения этого вида оружия. Воины кочевники носили лук и стрелы в специальных футлярах, подвешенными на поясе. Если древние кочевники носили и стрелковое оружие, и клинковое оружие на одном поясе, то начиная с древнетюркского времени для ношения лука и стрел стал использоваться отдельный особый пояс, который называется «стрелковым поясом» или «садачным поясом», куда подвешивался футляр для лука – налуч и футляр для стрел – колчан. Форма этих футляров для лука и стрел у кочевников в разную эпоху имели разную форму и конструкцию. Найденные в археологических материалах стрелковые пояса, а также их реконструкции, сделанные исследователями на основе этих артефактов показывают, что такой средневековый стрелковый пояс состоял из нескольких ремней, подвижно соединённых между собой кольцами-тройниками (Рис. 1, 2,3). На двух ремнях справа привешивался колчан, а на одном слева – налуч [Арсланова, 2013. С. 156, табл. I,8; Панкова, Торгоев, 2012. С. 181,182, кат. 494; Кубарев, 1998. С. 190-191, рис. 2,4]. В отличие от основного портупейного пояса, носившегося постоянно, стрелковый пояс надевали только во время сражений и охоты. Ношение лука и стрел на отдельном поясе позволяло в обыденной обстановке снять целиком весь стрелковый комплект. В повседневной жизни снятие стрелкового пояса с луком и стрелами представлял собой переход из военной ситуации в мирную, и семантически символизировало миролюбивые действия [Панкова, Торгоев, 2012. С. 180-183]. Таким образом, начиная с раннего средневековья воины-кочевники носили два пояса: один – боевой наборный пояс, который был основным, для ношения длинноклинкового и короткоклинкового оружия, поясной сумки, и других предметов. Второй – стрелковый, для ношения налуча с луком и колчана со стрелами. Такие пояса носили все средневековые кочевые воины - тюрки, кимаки, средневековые монголы и воины Золотой Орды (Рис. 1). Судя по иконографическим материалам, таким же был стрелковый пояс у кочевых узбеков-казахов в XV веке (Рис. 2. 1).

Весь этот воинский набор, с принадлежностями для лука и стрелковым поясом для их ношения, в современной научной терминологии называется «саадак». Термин *саадак* в современную русскоязычную оружейведческую терминологию перешел из средневекового русского языка. А в русском языке это слово, в вариантах *сагайдак*, *сайдак*, *саадак*, *садак* было заимствовано

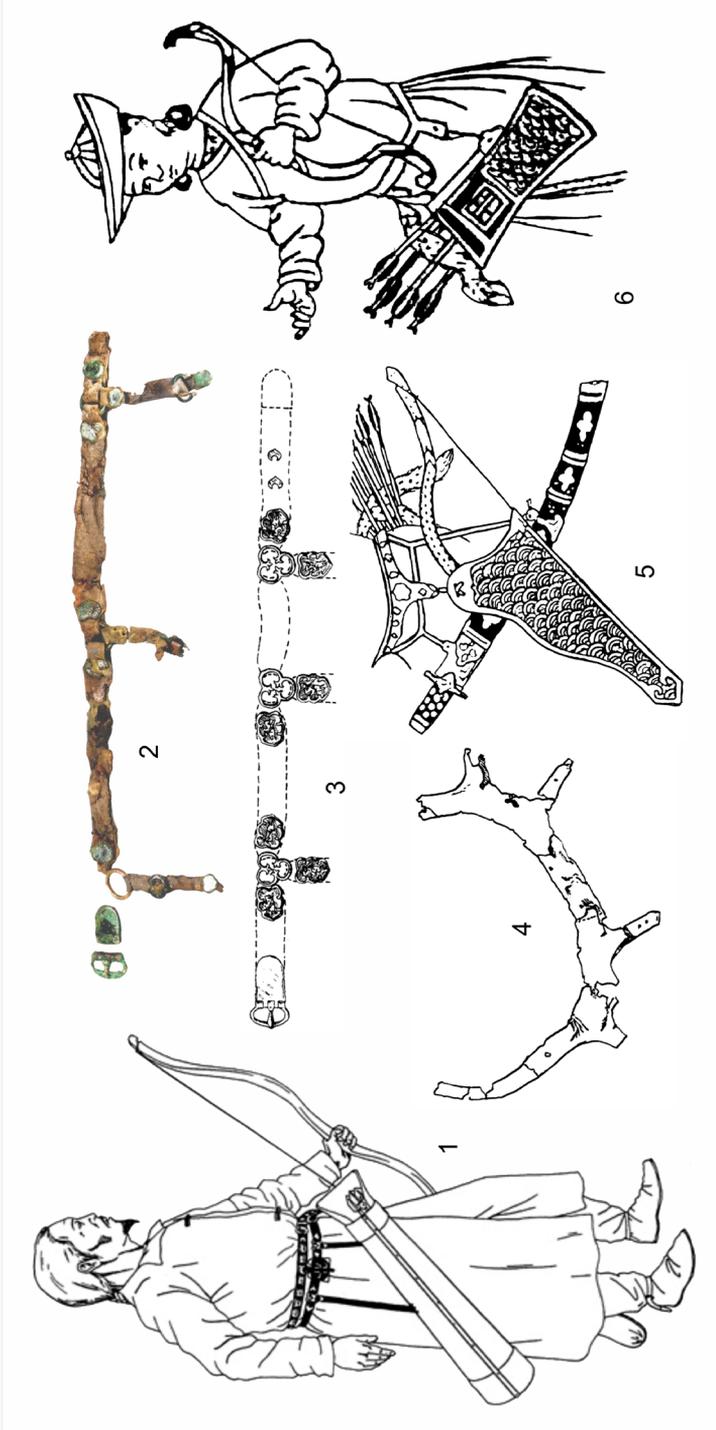

Рис. 1. Садаки и садачные пояса средневековых тюрко-монгольских кочевников.

1) Ношение тюркского садачного пояса. Рисунок Д.В.Позднякова. По Г.В. Кубареву, 1998. 2) Древнетюркский садачный пояс. По Паньковой. Торгоеву, 2012. 3) Кимакский садачный пояс. По Ф. Арслановой, 2013 и Г.В.Кубареву, 1998. 4,5,6) Садачный пояс из золотоордынского погребения и изображение ношения подобных монгольских, золотоордынских садачных поясов на иранских миниатюрах. XIV в. По М.В.Горелику, 2002.

Fig. 1. Sadaqs and sadaq (archer) belts of medieval Turkic-Mongolian nomads. 1) Wearing a Turkic sadaq belt. Drawing by D.V. Pozdnyakov. According to G.V. Kubarev, 1998. 2) Ancient Turkic sadaq belt. By Pankova. Torgoev. 2012. 3) Kimak sadaq belt. According to F. Arslanova, 2013 and G.V. Kubarev, 1998. 4,5,6) Sadaq belt from the Golden Horde burial and the depiction of wearing similar Mongolian, Golden Horde sadaq belts on Iranian miniatures. 14th century. According to M.V. Gorelik, 2002.

с тюркского или с монгольского языков [Фасмер, 1987. С. 540, 543, 546].

Как свидетельствуют исторические источники (музейные, письменные, фольклорные и иконографические) казахи применяли лук и стрелы до XIX века, до массового применения казахами огнестрельного оружия. Поэтому также использовали отдельный пояс для ношения лука и стрел с принадлежностями, и весь этот набор в комплекте также назывался *садак* (каз. *садақ*). Но до сих пор казахский *садақ* не становился объектом отдельного научного исследования, о нем лишь кратко было сказано в нашей монографии «Этнография традиционного вооружения казахов», а колчаны как элементы казахского стрелкового комплекса отдельно рассматривались в статье Боброва Л. А. и Пинка И. Б. [Ахметжан, 2007. С. 96-98; Бобров, Пинк, 2014. С. 247-253]. Поэтому данное исследование предпринято для восполнения этой лакуны в изучении традиционного вооружения казахов.

Целью исследования для данной статьи является подробное изучение особенностей традиционного казахского садака, народной терминологии, связанной с этим видом воинского снаряжения на казахском языке, выявление различных его типов, определение способа их ношения. Эти научные задачи определили материалы и методику исследования данной работы.

Материалы и методы. Источниковой базой исследования послужили вещественные, письменные, фольклорные источники, иконографические и лингвистические материалы. При работа с источниковыми материалами использовался комплексный подход, основанный на сопоставлении, сравнении данных всех этих источников, с учетом их особенностей. Для анализа и интерпретации изучаемых материалов использовались морфологический, типологический, сравнительно-описательный методы, метод аналогии, верификации и корреляции результатов исследования.

Результаты исследования и обсуждение

Изучение казахского садака правильно будет начать с вопроса терминологии. Поэтому сначала необходимо разобраться в особенностях использования термина «садак» в тюркских языках. Пратюркская форма этого названия было слово «сагадақ», с более древним вариантом «сагайдақ» [Этимологический словарь тюркских языков, Т.7, 2003. С. 151]. В некоторых тюркских языках (туркменском, каракалпакском, уйгурском) фонетический вариант этого слова в форме «сагдақ» сохранилось как диалектная форма. Позже в раз-

ных тюркских языках, согласный «ғ», использовавшийся в тюркском языке, из-за воздействия окружающих его гласных, превращался в «у» или в «й» или вовсе выпадал, и в результате этого происходило стяжение (слияние двух гласных в одно) или удлинение оставшихся гласных в слове [Серебренникова, Гаджиева, 1986. С 42-43]. Так образовались в тюркских языках различные варианты слова «сагадақ», такие как «сайдақ» с переходом «ғ» на «й» (на чагатайском, украинском), «саудақ» с переходом «ғ» на «у» (барабинские татары), «саадақ» с выпаданием «ғ» и удлинением окружавшего его гласного «а» (киргизский, алтайский, хакасский), «садақ» со стяжением гласного «а» (чагатайский, турецкий, кумыкский, балкарский, киргизский, ногайский, алтайский, телеутский) [Будагов, Т.1, 1869. С.622; Словарь тюркизмов в русском языке, 1976. С. 266, 267, 330; Фасмер, 1987. С. 540, 543, 546; Этимологический словарь тюркских языков, Т. 7, 2003. С. 150, 151]. На казахском языке это слово также сохранился в варианте «садақ».

Слово *сагадақ* (*сагайдақ/сайдақ/саадақ/садақ*) используется в тюркских языках, в том числе и в казахском, в нескольких значениях. Первоначально в тюркском языке данное слово обозначал кожаный футляр (мешочек, короб) для ношения оружия – налуч для лука. Об этом свидетельствуют словосочетания «*сапут садак*» (короб садак) на ногайском языке, и «*садак кабы*» (мешочек садака) на карайском, киргизском языках [Киргизско-русский словарь, Т.2, 1985. С. 118; Этимологический словарь тюркских языков, Т.7, 2003. С.150]. Иногда эти словом обозначали также и колчан для стрел. В старом чагатайском языке слово *садак* иногда использовалось еще в значении «ножны сабли», в словосочетании «*кылыш садагы*» [Будагов, Т.1, 1869. С. 623]. Использование данного слова как названия налуча для лука, колчана для стрел, ножен сабли свидетельствуют о том, что первоначальное значение слова *сагадак/сайдак/саадак/садак* в тюркских языках в широком смысле означало футляр для хранения оружия. В этом смысле оно близко к словам со схожим корнем *саадат, саада*, которые на алтайском языке означают «удержать», «держать» [Ойротско-русский словарь, 1947. С. 122].

Казахский налуч «садақ». И на казахском языке основное значение слова «садақ» - это футляр для лука, т.е. налуч. В устных источниках оно используется именно в этом значении. По Будагову «садак» на казахском языке означает кожаную сумку для лука и стрел [Будагов, Т. 1, 1869. С. 697]. Но в казахском языке встречается и его реликтовая диалектная форма «сайдақ». Слово *сайдак*, как название лука, наравне с термином *садак*, использует и Ч.Ч. Валиханов [Валиханов,

1961. С. 465]. Форма казахского налуча *садақ* повторяет форму согнутого лука, потому что лук носили в нем в натянутом положении. У кочевых народов такая форма налуча начинает использоваться с X века, и в монгольское время этот тип налуча получил широкое распространение. *Садақ* шили из сложенного вдвое большого куска сыромятины «көн» или из мягкой кожи «*былғары/бұлғары*» (от названия мягкой обработанной кожи из Булгара). В фольклорных источниках такой налуч называется «*бұлғары садақ*», а из сыромятной кожи - «*көн садақ*». Поверхность кожаного налуча украшалась тисненым орнаментом, сама кожа окрашивалась в разные цвета, имела металлические декоративные накладки, бляшки. Налучи украшенные серебряными бляшками называли «*күміс садақ*» (серебряный налуч). Дорогие налучи шились из бархата или шелка и украшались золотой вышивкой, и золотыми бляшками, такие садаки назывались «*алтын садақ*» (золотой налуч) [Ахметжан, 2007. С. 96-98, рис. 72].

Кроме этого основного значения в тюркских языках (напр. в балкарском, каракалпакском, якутском) словом *садак* обозначался также и сам лук [Этимологический словарь тюркских языков, Т.7, 2003. С.150]. И на казахском языке слово *садақ*, обозначавшее снаряжения для ношения лука, иногда в виде эвфемизма, использовался и как название самого оружия. Собственным названием лука на казахском языке является слово «*жақ*», с вариантами «*жай*», «*жа*». Здесь мы опять видим, характерное для тюркского языка, переход в некоторых случаях конечного согласного «к» на «й», а также его выпадание [Серебренникова, Гаджиева, 1986. С. 42-43]. На казахском языке в прошлом применялись все три варианта этого названия. Использование слова *садақ* как название лука связано с тем, что в прошлом у тюркских народов существовал обычай во время занятия охотничьим ремеслом и военным делом налагать ритуальный запрет на произношение названий профессиональных орудий труда. Вместо их привычного названия использовались тайные магические имена. Во время охоты алтайцы, например, называли топор словом «кесер» (режущий), нож – «кестік» (резак), а якуты называли ружье словом «көңдөй» (досл. труба), нож – «кырылых» (граненый) и т.п. [Ахметов, 1995. С. 40; Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири, 1990. С. 156]. Это лингвистическое табу основано на древнем виде религиозного верования – на вере в магию слова, в существование материальной связи между именем и предметом. В процессе табуации запретные собственные названия предметов, явлений, действий человека заменялись условными названиями-эвфемизмами, которые обычно отражали особые качества этих священных объектов [Ахме-

тов, 1995. С. 19, 24; Ахметжан, 2007. С. 75-77]. Вера в магию слова была свойственна и казахам. Ч. Ч. Валиханов писал, что в прошлом во время военного похода или баранты, чтобы сопутствовала удача, казахи вместо собственного названия каждого предмета, каждого действия использовали их *тайные* названия. Например, слова «түс», «байла» заменяли благоприятными словами «қон», «бекіт», вместо слова «бие» говорили «айғыр», вместо «саптыаяк» - «жолдыаяк» [Валиханов, 1961. С. 484].

В архаической традиции наречение новым именем должно было изменить сущностную характеристику объекта, уничтожая его вредные свойства, то есть, было магическим способом подчинения его человеку. Наложение запрета (табу) на собственные названия оружия во время войны и замещение их эвфемистическими названиями, основанных на магических представлениях, свидетельствуют о сакрализации боевого оружия у тюрков кочевников. Эти лингвистические запреты, связанные с охотой и военным делом, привели к формированию в тюркских языках *условной профессиональной лексики*, которая была частью традиционной оружейной терминологии. Существовало несколько способов метонимической замены табуированных названий оружия магическими эвфемистическими названиями. Одним из таких способов создания условного магического названия оружия была метонимическая замена собственного названия оружия названием его важного конструктивного элемента. По этому принципу, во время военной деятельности, казахские воины вместо собственного названия лука «жақ» использовали его эвфемистическое название «садақ», образованное метонимическим переносом на него названия его снаряжения. С применением слова «садақ» как название лука, на казахском языке стрелок из лука называется «садақшы» (лучник), а мастер по стрельбе из лука, меткий лучник назывался «садақкер» (стрелок). В результате на казахском языке слово «садақ» постепенно став синонимом слова «жақ», и превратилось в одно из названий боевого лука. Так происходило и в других тюркских языках.

Таким же образом, словом *садак/саадак* в тюркских языках (напр. киргизском, алтайском, якутском) стали обозначать еще и весь комплект из лука и его принадлежностей, носимые на отдельном стрелковом поясе [Этимологический словарь тюркских языков, Т. 7, 2003. С. 150]. Поэтому третьим значением слова *садақ* и в казахском языке стало «лук со всеми принадлежностями». В данной статье мы используем термин «садақ» в этих значениях, т.е. как название налуча и как название всего лучного стрелкового комплекта.

Казахский садақ как комплект из лука и снаряжений для его ношения. О ношении казахскими воинами *садақа* - лука в налуче и колчана со стрелами, подвешенных на отдельном боевом поясе постоянно упоминается в устных источниках XV-XIX веков. В эпических поэмах и в произведениях воинов-жырау, при описании подготовки батыра к походу или его действий во время боя, постоянно встречаются словосочетания «*повязал на чресла садак*», «*на поясе висит садак*», «*опоясался садаком*», свидетельствующие о способе ношения этого вида воинского снаряжения.

Из письменных источников первое описание *казахского садака* в XIX веке мы находим в трудах Ч. Ч. Валиханова, казахского ученого-этнографа, просветителя, в его работе «Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи». В нем он пишет: «Колчан для стрел (курамсақ) и для лука (садақ) носили на одном ремне, на поясе; колчан был с левой стороны, садак – с правой. Богатые люди делали эти снаряды из русской красной юфты, белой стороной наружу, и с медной оправой и разными тисненными узорами на коже; бедные делали из верблюжьей кожи домашней выделки» [Валиханов, Т. 1, 1961. С. 466]. Кроме описания садака, в своей статье Ч. Ч. Валиханов представил и его рисунок (Рис. 2, 2), но он не приводит в тексте названия всего комплекта этого воинского снаряжения. К сожалению за прошедшие 100 с лишним лет, после Ч. Ч. Валиханова, казахский садак, как стрелковый комплект из лука и всех его принадлежностей, не был объектом отдельного научного исследования. Поэтому подробное и углубленное изучение этой темы на сегодняшний день является очень актуальным для казахстанского оружиеведения.

В этой же работе Ч. Ч. Валиханов дает также описание и рисунок пояса «*кісе*», отличного от садачного пояса (Рис. 2, 3). «Калтой, или кесе [то есть кісе], называется ремень, прошитый из двойной русской юфты белой стороной, к которой с левой стороны прикреплен мешок в виде пирога, в котором хранятся огниво, кремь, запасной фитиль, сало для смазки ружья и роговая пороховница, а с правой стороны – два мешочка для пуль и нож» [Валиханов, Т. 1, 1961. С. 466-468]. Это свидетельствует о ношении казахскими лучниками до XIX века двух отдельных боевых поясов для разных видов оружия, один – для ручного метательного оужия, а другой - для ручного огнестрельного и для клинкового оужия..

Садачный пояс «садақбау». Стрелковый пояс, являющийся одним из элементов *садака*, на котором носили налуч с луком и колчан со стрелами на казахском языке называется «*садақбау*». В тюркских языках слово «бағ/бау» означает ремень (пояс). Здесь мы также ви-

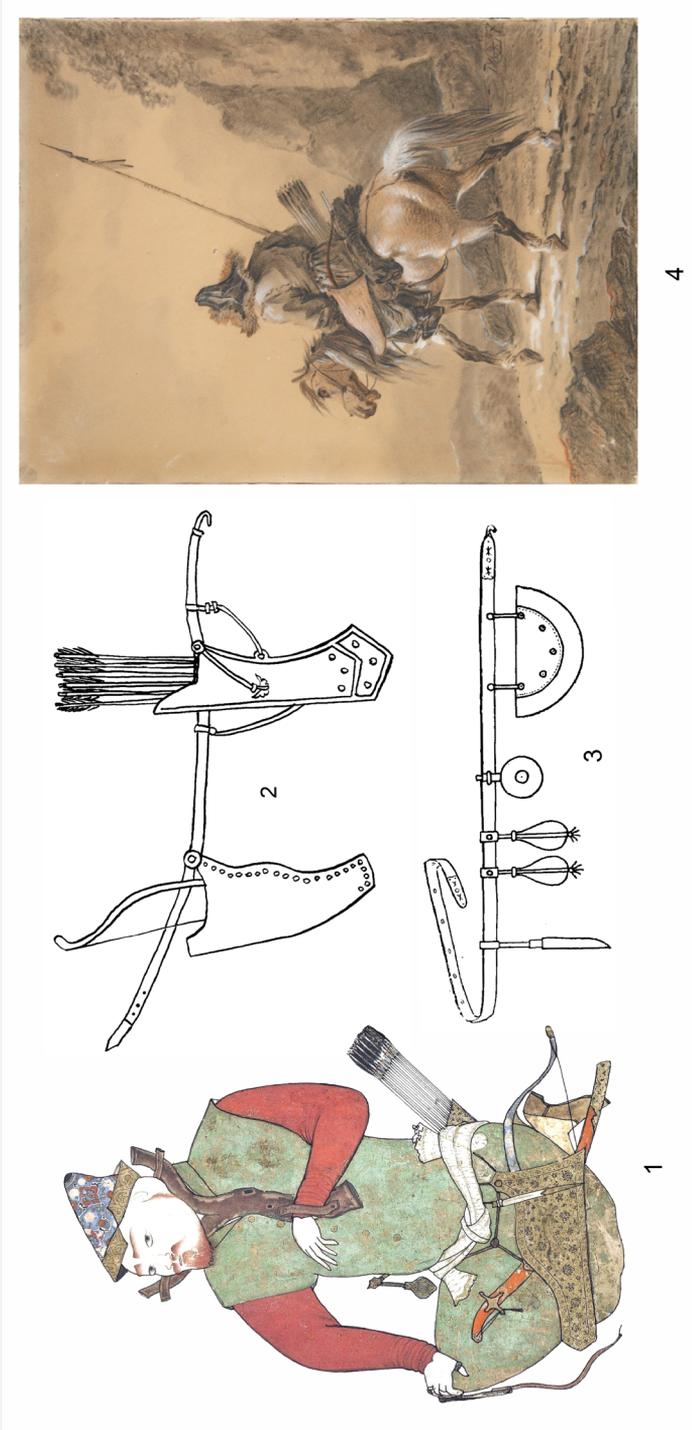

Рис. 2. Казахский садак – комплект из лука и его принадлежностей, носимых на отдельном поясе. 1) Изображение кочевника узбека-казаха с садаком. Иранская миниатюра. XVI века. С интернета, из свободного доступа. 2) Казахский садак. По Ч. Ч. Валиханову, 1961. XIX в. 3) Казахский пояс «кисе». Рисунок Ч. Ч. Валиханова. XIX в. 4) Конный казах с садаком и копьем. Рисунок русско-польского художника А. О. Орловского. 1807. Рязанский государственный художественный музей.

Fig. 2. Kazakh sadaq - a set of bow and its accessories, worn on a separate belt. 1) An image of an Uzbek Kazakh nomad with sadaq. Iranian miniature. XVI century. From the Internet, from public access domain. 2) Kazakh sadaq. According to Ch.Ch. Valikhanov, 1961. XIX century. 3) Kazakh belt "kise". Drawing by Ch.Ch. Valikhanov. XIX century 4) Mounted Kazakh with sadaq and spear. Drawing by Russian-Polish artist A.O. Orlovsky. 1807. Ryazan State Art Museum.

дим превращение в некоторых тюркских языках согласного «ғ», использовавшийся в тюркском праязыке, в гласный «у», из-за воздействию окружающих его гласных [Серебренникова, Гаджиева, 1986. С 42-43]. То есть слово *садақбау* буквально означает «садачный пояс», то есть пояс для *садака*. Садачный пояс *садақбау*, как элемент *садака* часто упоминается в фольклорных произведениях казахов. Застежка на конце казахского садачного пояса имела форму крючка, чтобы можно было легко и быстро застегнуть и расстегнуть пояс в любой момент. Налуч (*садак*) подвешивался на садачном поясе (*садакбау*) слева, колчан (*корамсак*) - справа. Колчан и налуч как единый набор обычно украшались одинаковым орнаментом и декором.

Информаций о казахском садачном поясе в ранних письменных источниках, кроме описания Ч. Ч. Валиханова, мы не находим. Русские авторы XIX века, писавшие об этнографическом быте казахов, при упоминании казахских поясов, в основном, описывают пояс *кісе*. [Гладышев Дмитрий, 1851. С. 68; История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков, 2007. С. 75]. Видимо, в это время у казахов садачный пояс, вместе с луком и стрелами, уже вышел из употребления или же эти авторы не различали казахский садачный пояс от пояса *кісе*. И в поздних научных исследованиях в основном изучены и описаны также только пояса *кісе* [Захарова, Ходжаева, 1964. С. 56-58; Курылев, 1989. С. 85-95].

Образцы казахского налуча и колчана имеются в различных музейных собраниях, но к сожалению, сохранившихся образцов казахского садачного пояса *садақбау* мы не имеем. Но некоторые образцы казахского пояса из музейных и частных коллекций, которые отличаются от поясов *кісе* своей формой и конструкцией, вполне могут быть видоизменившимися вариантами садачного пояса. Например, таким поясом может быть пояс казахского батыра XVIII века Суиндик батыра сохранившийся у его потомков [Бережная, 2022]. На этом поясе нет никаких подвесок, как на поясе *кісе*, концы поясов завершаются бляшками, которые застегиваются на крючок. Длина ремня пояса также отличаются от пояса *кісе* (Рис. 3, 1,2). Аналогичный казахский пояс из собрания Кунсткамеры описал В. П. Курылев, но он не определил время изготовления этого пояса (Рис. 3, 3,4). Напрашивается гипотетическое предположение, не являются ли эти пояса поздними дериватами стрелкового пояса *садақбау*. Но, конечно, эта предположение требует дальнейшего изучения.

Исследование показывает, что казахский *садак* в прошлом имел различные варианты. Налуч с луком и колчан со стрелами,

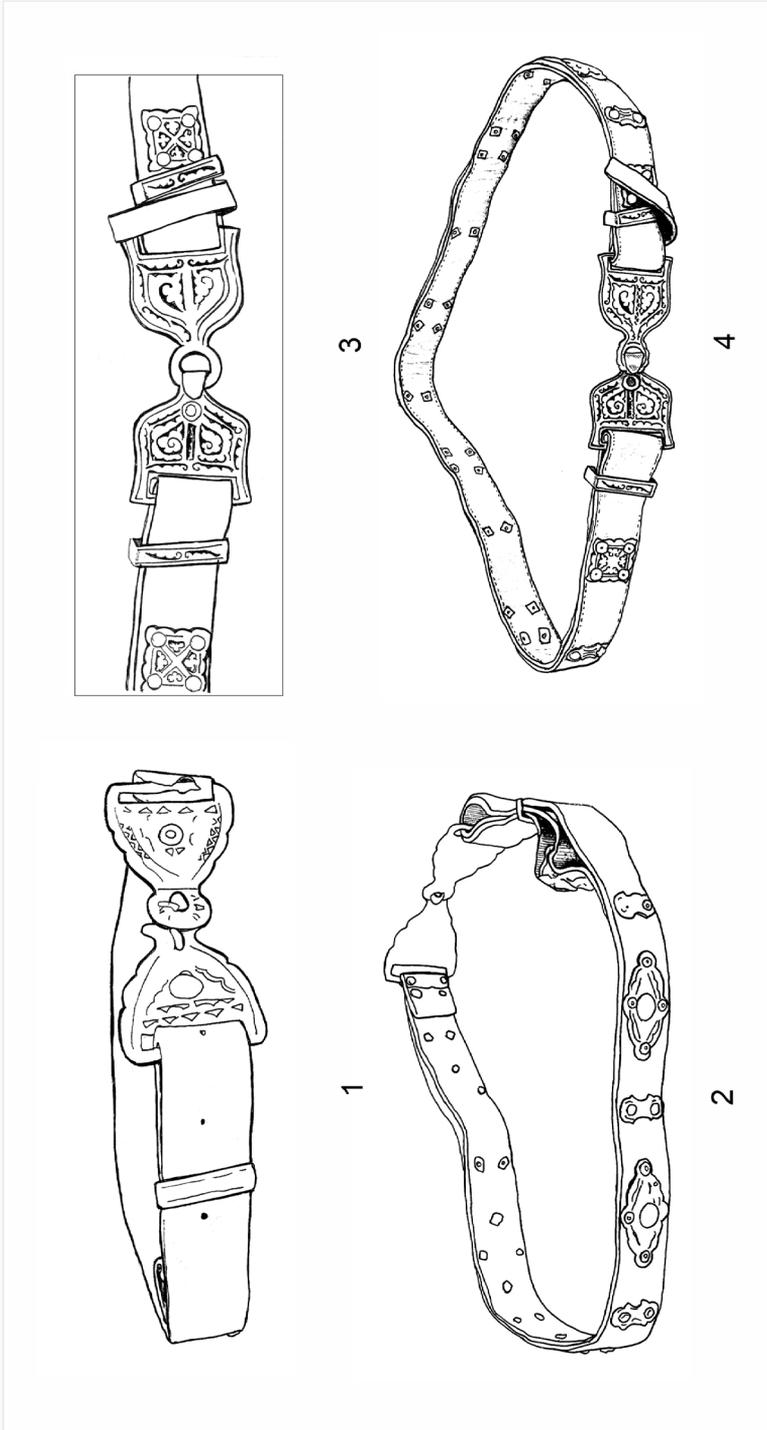

Рис. 3. Поздние дериваты казахского садачного пояса. 1, 2) Пояс казахского батыра XVIII века Суюндук батыра. По сайту Sputnik.kz. 3, 4) Аналогичный пояс из коллекции Кунсткамеры. По В. П. Курьелу, 1989.
Fig. 3. Later models of the Kazakh archer belt. 1, 2) The belt of the Kazakh batyr of the XVIII century Suyunduk batyr. 3, 4) A similar belt from the collection of the Kunstkamera. According to V.P. Kurylev, 1989.

подвешенные к садачному поясу *садакбау* является полным комплектом казахского *садака*. Но судя по иконографическим материалам, использовались и неполные комплекты этого снаряжения. Изображения разнообразных типов казахского *садака* мы можем увидеть на погребальных памятниках казахов XVIII века. В этих изображениях представлены садаки разных комплектов. Например, в одном из кулпытасов (надмогильных стелл) Западного Казахстана изображен интересный тип казахского *садака* - садачный пояс с колчаном для стрел, и с луком, подвешенным к садачному поясу на тонком ремешке без налуча (Рис. 4, 1). Видимо, на некоторых *садаках* для подвешивания лука к садачному поясу использовался не налуч, а особая ременная подвеска. На изображении садачный пояс имеет застежку в виде крючка.

Ниже садака, как на рисунке Ч.Ч.Валиханова, также изображен пояс *кисе* с ружейными принадлежностями и фитильное ружье (Рис. 4, 2,3). На поясе *кисе* висит сумка калта, пороховница, мешочки для пуль, а застежка пояса изображена в виде пряжки. В XVIII веке несмотря на распространения ручного огнестрельного оружия казахи продолжали пользоваться и луком со стрелами. В иконографических материалах XVIII-начала XIX веков казахи часто изображаются и с луком со стрелами, и с ружьем (Рис. 4, 4). Об использовании обеих видов стрелкового оружия писали русские и европейские путешественники, побывавшие в Казахстане в этот период [Прошлое Казахстана в источниках и материалах, 1997. С. 235-237; История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков, 2007. С. 76; Левшин, 1996. С. 312; Кестль Джон, 1998. С.107]. О параллельном использовании лука со стрелами и ружья говорится и в фольклорных материалах. Принадлежности метательного и огнестрельного стрелковых оружий носились на отдельных поясах, что отразилось на этих изображениях.

На другом кулпытасе из Западного Казахстана также имеется уникальное изображение садачного пояса, на котором подвешен колчан с полуоткрытым длинным карманом-устьем. Стрелы на нем уложены наконечником вверх (Рис. 5, 1). Форма колчана, способ крепления его к поясу, положение стрел напоминают берестяные колчаны с открытым карманом, бытовавшим у тюрко-монгольских кочевников в средневековье. Этот тип казахского колчана является переходной формой от берестяных колчанов «*кылышан*» к кожаным колчанам «*корамсак*» позднего времени [Ахметжан, 2012. С. 128-130, Рис.4]. Судя по этому изображению, видимо, казахи носили такие колчаны еще в XVIII веке. На этом садачном поясе налуч отсутствует, лук изображен

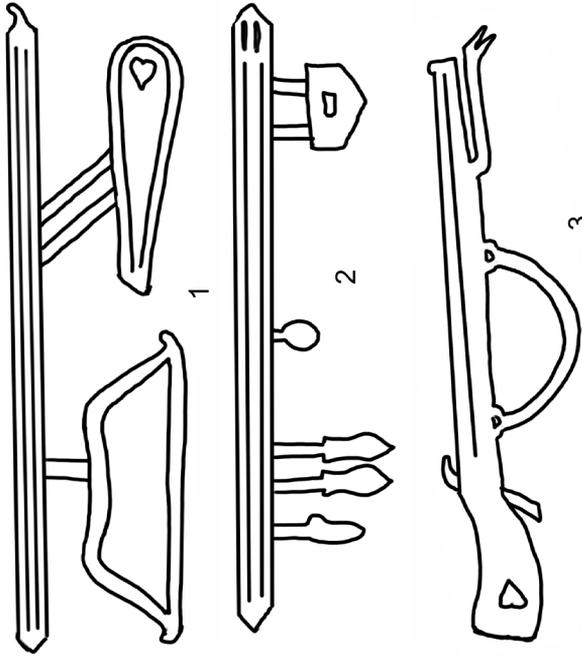

Рис. 4. Казахский садак без налуча. 1) Изображение садачного пояса с луком без налуча и с колчаном. Рельефное изображение на кулпытгасе (надмогильной стеле). Западный Казахстан. 2,3) Пояс «кисе» и фитильное ружье. Рельефные изображения на кулпытгасе. Западный Казахстан. XVIII век. По И.Тасмагамбетову, 2002. 4) Изображение казаха с луком и колчаном на поясе, копьем и ружьем за плечами. Рисунок русско-польского художника А.О. Орловского. XIX в. 1817 г. Государственная Третьяковская галерея.

Fig. 4. Kazakh sadaq without bowcase. 1) An image of an archer belt with a bow without a bowcase and with a quiver. Relief depiction on kulpyrtas (grave tombstone). Western Kazakhstan. 2.3) Belt "kise" and matchlock gun. Relief depiction on kulpyrtas. Western Kazakhstan. XVIII century. According to I. Tasmagambetov, 2002. 4) An image of a Kazakh with a bow and quiver on his belt, a spear and a gun on his shoulders. Drawing by Russian-Polish artist A.O. Orlovsky. XIX century 1817. State Tretyakov Gallery

оделью без налуча, со стрелой вставленной в тетиву. *Садак* с таким колчаном на поясе казахского воина также изображен и на рисунке европейского художника XIX века (Рис. 5, 3,4). Только в его колчане стрелы уже вложены наконечниками вниз, как в поздних колчанах.

В казахском языке имеется два названия футляра для стрел. Одно название – это слово *қылышан*, другое – слово *қорамсақ* (от монг. «хоромсог»). Слово *қылышан* является старинным названием футляра для стрел, у казахов это название встречается в более ранних фольклорных источниках. Слово *колчан* в значении футляра для стрел имеется во всех тюркских языках, в XIII-XV века это слово было заимствовано из тюркского и русским языком [Словарь тюркизмов в русском языке, 1976. С. 193]. В более поздних фольклорных произведениях казахов футляр для стрел называется *қорамсақ*. Это название имеет варианты «*қорамса*» с выпадением конечного согласного «к» и укороченное «*қорам*». Это слово у народов, принадлежащие кыпчакской группе тюркского языка, видимо, было заимствовано с монгольского в период Золотой Орды, когда тюркские и монгольские племена вместе составляли его население. *Корамсак* шили из кожи, ткани (бархата, шелка), в виде плоского удлиненного футляра с расширением у горловины и у днища, внутри он имел деревянный каркас, с передней стороны имеет два выступа, для крепления ремней ношения, снаружи украшался тиснением по коже, металлическими орнаментальными накладками, вышивкой [Ахметжан, 2007. С. 96, 98, Рис. 68; Бобров, Пинк, 2014. С. 247-253, рис. 4-8]. Иногда *корамсак* для разных стрел имел два кармашка, для этого с лицевой стороны шили дополнительный небольшой карман или делали разрез по середине, куда снаружи вставлялись отдельные стрелы специального предназначения. Судя по изобразительным материалам, такой колчан с двойным карманом использовался у тюрко-монгольских кочевников еще в позднесредневековый период. Колчан типа *қорамсақ* у казахов сохранился до XIX века. Таким образом, слово *қылышан* на казахском обозначал средневековый берестяной или кожаный колчан с открытым карманом, а словом *қорамсақ* назывался кожаный или матерчатый колчан поздней формы. Так как цель данной статьи исследование садака как комплекта стрелкового снаряжения лучника, более подробное описание и типологию различных видов казахского налуча и колчана мы здесь не даем. Считаем, что это темы отдельных исследований.

Иконографические данные свидетельствуют о существовании в прошлом у казахов и общего футляра для лука и стрел. Не только

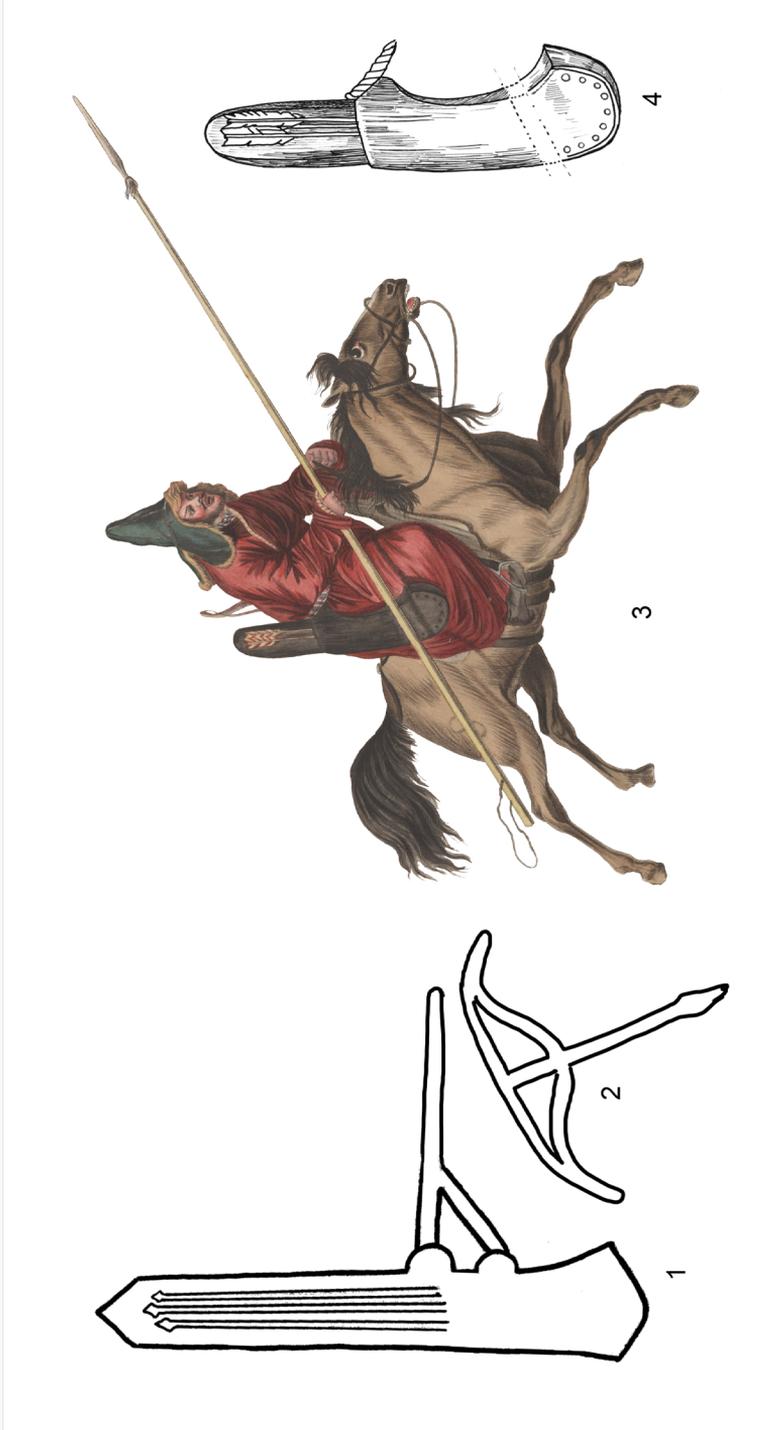

Рис. 5. Казахский садак с позднесредневековым колчаном с открытым карманом. 1,2) Изображение такого садака и лука со стрелой на казахском куплутасе. Западный Казахстан. XV-II-XVIII вв. По И.Тасмагамбетову, 2002. 3) Казахский воин в садаке с колчаном с открытым карманом. По рисунку европейского художника Л.Вульфа. 1815 г. 4) Отдельная прорисовка этого колчана.

Fig. 5. Kazakh sadaq with a late medieval quiver with an open pocket. 1,2) The depiction of similar sadaq and a bow with an arrow on the Kazakh kulputas. Western Kazakhstan. XVII-XVIII centuries. According to I. Tasmagambetov, 2002. 3) Kazakh warrior wearing sadaq with a quiver with an open pocket. Based on a drawing by the European artist L. Wulf. 1815. 4) Separate drawing of this quiver.

по назначению, но и по своей форме этот вид снаряжения для метательного оружия схож с горитами древних кочевников – саков, скифов. Поэтому еще один тип казахского *садака* представлял собой садачный пояс с колчаном-горитом, на котором носился и лук и стрелы. На различных иконографических материалах встречаются изображение казахского садака с колчаном-горитом и способа его ношения. Изображения казахского колчана-горита имеются в рисунках польского художника Бронислава Залесского, служившего солдатом Оренбургского корпуса во время ссылки (Рис. 6, 1), и в иллюстрациях русского художника XIX века Е. М. Корнеева, изображающего народы Российской империи (Рис. 6, 3), а также в рисунках европейских художников XIX века (Рис. 6, 2,4,5). На них можно видеть, что такой тип казахского садака носился на поясице, а колчан-горит с луком и со стрелами подвешивался на садачном поясе слева (Рис. 6, 2,5).

В казахских надгробных стеллах (кулпытасах) часто встречаются изображение казахского *садака*, на котором к садачному поясу подвешен только колчан, а налуч отсутствуют. На таких изображениях в двух кулпытасах колчан подвешен к садачному поясу на двух подвесных ремнях (Рис. 7, 2,6), а лук изображен отдельно без налуча, иногда вместе со стрелой (Рис. 7, 1,5). Видимо, значение слова «*садак*» как названия колчана в некоторых словарях тюркского языка связано с таким видом садака. То, что это *садак* – комплект из садачного пояса с колчаном, но без налуча, свидетельствует изображение вместе с ним отдельно пояса *кисе* с ружейными принадлежностями и фитильного ружья (Рис. 7, 3,4,7). Этот тип садака, видимо, появился в процессе дальнейшего изменения *садака* с колчаном-горитом, когда лук перестали хранить в нем, и стали носить в руках или на плече. Но варианты садачного пояса, на котором носился только колчан без налуча существовали еще у средневековых тюрков кочевников [Кубарев, 1998. С. 196]. Поэтому появление такого типа *садака* у казахов было вполне закономерным.

Садак с колчаном, но без налуча изображен и на других кулпытасах (Рис. 8, 2,4). При таком виде садака, видимо, лук носился на плече, о чем свидетельствуют иконографические материалы (Рис. 6, 5; Рис. 8, 7). Например, на рисунке «Оруженосец султана Гази Валиханова» русского художника XIX века М. С. Знаменского (1833-1892) лук изображен у него закинутым на плечи, а колчан находится за спиной, хотя по рисунку трудно определить как он подвешен (Рис. 8, 7.). Но другие изобразительные материалы показывают, что при таком типе *садака* с колчаном без налуча, иногда садачный пояс мог застегиваться пере-

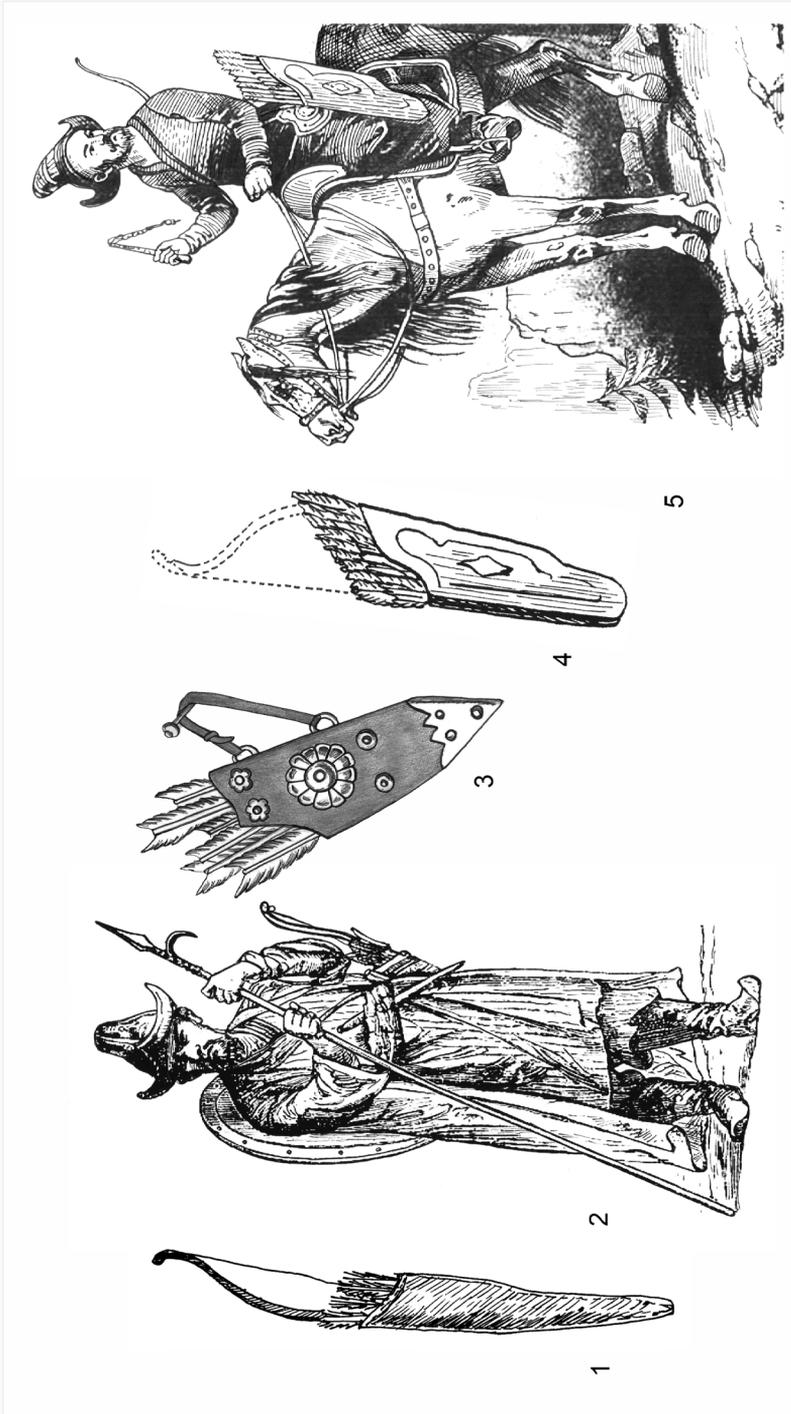

Рис. 6. Казахский садак с колчаном-горитом – общим футляром для лука и стрел. 1) Казахский колчан-горит. По Б. Залескому, 1991. Изображение казаха с таким садаком. Рисунок неизвестного европейского художника. XIX в. 3) Казахский садак-горит. По рисунку русского художника Е.М. Корнеева. XIX в. 4,5) Казах с колчаном-горитом. По гравюре из французского журнала «Le Magasin pittoresque», 1835 г. 4) Прорисовка колчана-горита.

Fig. 6. Kazakh sadaq with a quiver-gorytos - a solid case for bows and arrows. 1) Kazakh quiver-gorytos. According to B. Zalessky, 1991. Image of a Kazakh with similar sadaq. Drawing by an unknown European artist. XIX century 3) Kazakh sadaq-gorytos. Based on a drawing by the Russian artist E.M. Korneev. XIX century 4,5) Kazakh with a quiver-gorytos. Based on an engraving from the French magazine "Le Magasin pittoresque", 1835. 4) Drawing of a quiver-gorytos.

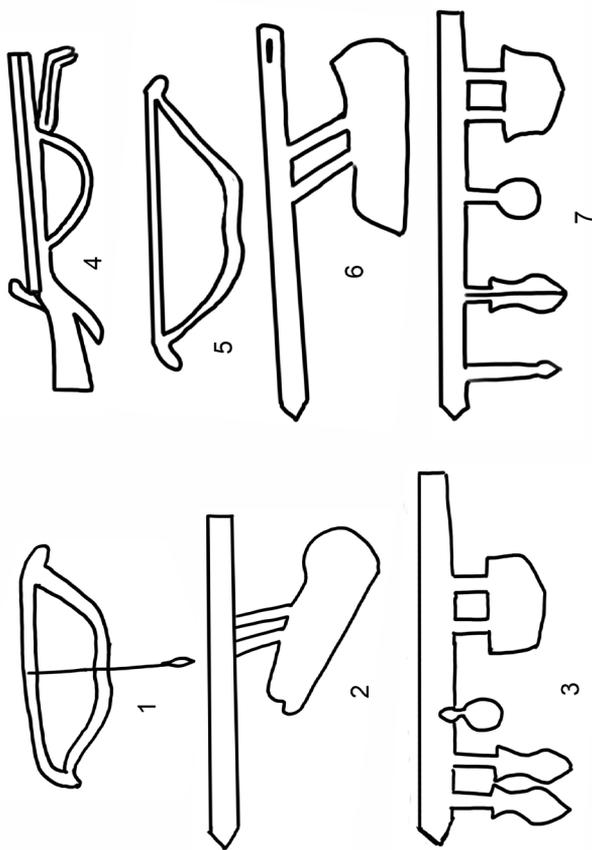

Рис. 7. Казахский садак с колчаном и без налуча. 1,2,5,6) Изображение садачного пояса с колчаном и лука без налуча. Рельефные изображения на кулпытасах. Западный Казахстан. XVIII в. По И. Тасмагамбетову, 2002. 3,4,7) Изображения, вместе с садачным поясом, пояса «kise» с ружейными принадлежностями и фитильного ружья. Рельефные изображения на кулпытасе. Западный Казахстан. XVIII в. По И. Тасмагамбетову, 2002. 8) Казах с луком в руке, в садаке с колчаном за плечами. Рисунок неизвестного европейского художника XIX в. Из интернета, из свободного доступа.

Fig. 7. Kazakh sadaq with a quiver and without bowcase. 1,2,5,6) Image of an archer belt with a quiver and a bow without bowcase. Relief depiction on kulpytas. Western Kazakhstan. 18th century According to I. Tasmagambetov, 2002. 3,4,7) Images, along with rifleman belt, "kise" belt with gun accessories and a matchlock gun. Relief depiction on kulpytas. Western Kazakhstan. 18th century According to I. Tasmagambetov, 2002. 8) A Kazakh with a bow in his hand, wearing sadaq with a quiver behind his shoulders. Drawing by an unknown European artist of the 19th century. On the site <http://bonart.kz>.

8

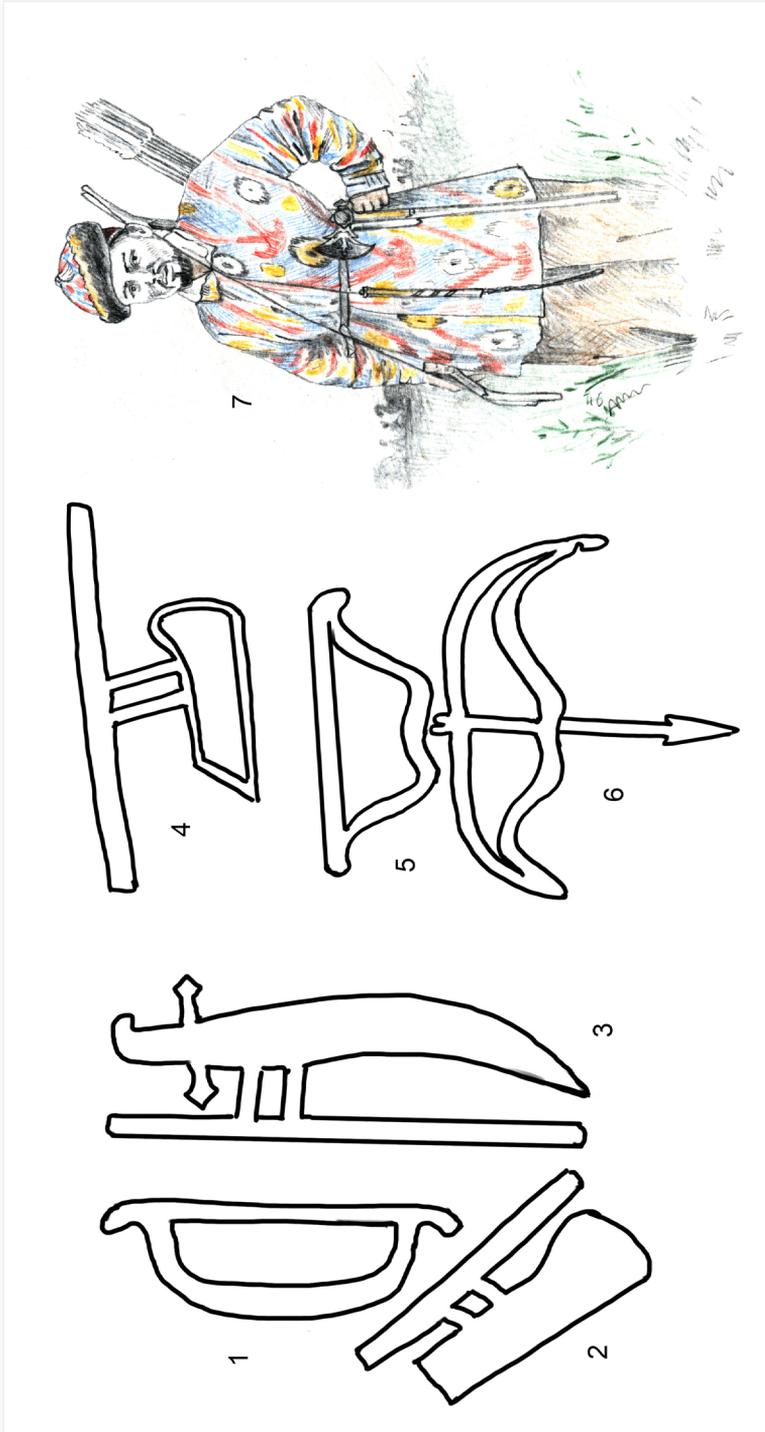

Рис. 8. Казахский садак с колчаном и без налуча. 1,2,4,5,6) Изображение садачного пояса с колчаном и отдельно лука без налуча. 3) Изображение сабельной портупей. Изображения на кулпытасах. Западный Казахстан По И. Тасмагамбетову, 2002. 7) Изображение казаха с луком на плече и колчаном за спиной. «Оруженосец султана Гази валиханова». Рисунок художника М. С. Знаменского. XIX в. Из коллекции Центрального государственного музея РК.

Fig. 8. Kazakh sadaq with a quiver and without a bow. 1,2,4,5,6) A depiction of an archer belt with a quiver and a separate bow without a bowcase. 3) Depiction of a saber belt. Images on kulpytas. Western Kazakhstan According to I. Tasmagambetov, 2002. 7) A depiction of a Kazakh with a bow on his shoulder and a quiver behind his back. "The squire of Sultan Gazi Valikhanov." Drawing by artist M.S. Znamensky. XIX century from the collection of the Central Museum of the Republic of Kazakhstan.

кинутым через плечо, располагая колчан за спиной стрелка (Рис. 7, 8; Рис. 9, 5). Подобное ношение колчана за спиной казахскими воинами упоминается и в произведениях казахских воинов-поэтов «жырау» («торчат за лопаткой стрелы в колчане»).

Изображение садачного пояса с колчаном, но без налуча имеется еще на одном кулпытасе. На этом изображении лук изображен отдельно без налуча, а ниже изображены пояс кісе с ружейными принадлежностями и фитильное ружье с сошками (Рис. 9, 1-4). На садачном поясе колчан закреплен на двух ремнях не наклонно, а параллельно к поясному ремню (Рис. 9, 1). Такой способ подвеса колчана мы видим и на других изображениях (Рис. 7, 6; Рис. 8, 2,4). При таком подвесе колчана ношение этого *садака* на поясе было бы невозможным, потому что стрелы выпали бы из колчана. Это свидетельствует, что такой *садак* был предназначен для ношения его закинутым на плечо, тогда колчан находился бы за спиной, в вертикальном положении или слегка наклонным в сторону. О способе ношения казахскими воинами такого *садака* закинутым на плечо, располагая колчан за спиной можно видеть на рисунке неизвестного европейского художника XIX века, представляющего казахский конного воина (Рис. 9, 5).

На основе результатов изучения и анализа иконографических материалов и фольклорных данных мы можем разработать классификацию различных типов казахского *садака* и способа их ношения. Эти результаты показывают, что существовали несколько типов казахского *садака*. **Первым, основным типом** казахского *садака* был полный комплект из садачного пояса, налуча с луком и колчана со стрелами. Но как показали иконографические материалы, у казахов использовались *садаки* и не полного комплекта. **Вторым типом** казахского *садака* был комплект из садачного пояса, на котором подвешивался колчан со стрелами, а лук подвешивался на небольшом подвесном ремешке без налуча. **Третьим типом** был *садак* с колчаном-горитом, на котором носился и лук и стрелы вместе. Все эти три типа *садака* традиционно носили на пояснице (Рис. 10). **Четвертым типом** был *садак*, в котором на садачном поясе подвешивался только колчан со стрелами, налуч отсутствовал, а лук носили отдельно без налуча. Этот тип *садака*, видимо, развился от третьего типа, когда лук отделив от горита, стали носить в руках или на плече. Такой тип *садака* имеет несколько разновидностей. В более ранней форме такого *садака* (тип 4А) футляр для стрел был в виде колчана с открытым карманом, свидетельствуя, что этот тип *садака* является продолжением формы *садаков* средневековых тюрков, кимаков, кыпчаков, золотоор-

Рис. 9. Садак без налуча с подвесом колчана параллельно садачному поясу и способ его ношения. 1) Садак с колчаном без налуча. 2) Лук без налуча. 3) Пояс кісе. 4) Фитильное ружье. Рельефные изображения на надгробной стеле. Западный Казахстан. XVIII век. По И. Тасмагамбетову, 2002. 5) Изображение конного казаха с колчаном и луком за спиной. XIX в. Рисунок неизвестного европейского художника. XIX век. С интернета, из свободного доступа.

Fig. 9. Sadaq without suspensions for quiver hanging parallel to garden belt and corresponding method of wearing it. 1) Sadaq with a quiver without bowcase. 2) Bow without bowcase. 3) Kise belt. 4) Matchlock gun. Relief depiction on the tombstone. Western Kazakhstan. XVII century. According to I. Tasmagambetov, 2002. 5) An image of a Kazakh horseman with a quiver and a bow on his back. XIX century Drawing by an unknown European artist. XIX century.

дынских воинов. В зависимости от подвеса колчана такой тип *садака* носили двумя способами. Во второй разновидности этого типа *садака* (тип 4Б) колчан подвешивался наклонно к садачному поясу, и *садак*, как предыдущие типы, носился застегнутым на пояснице. В третьей разновидности такого *садака* (тип 4В) колчан подвешивался параллельно к садачному поясу, и такой *садак* носили закинутым на плечо, аналогично сабельной португее, располагая колчан за спиной (Рис. 10). То есть по способу ношения казахские *садаки* подразделяются на поясные и наплечные виды.

Выводы

Результаты проведенного исследования всех источников и материалов по изучаемой теме и обсуждение этих результатов позволяет сделать следующие выводы. Казахи использовали лук и стрелы как боевое оружие до начала XIX века. Лук и стрелы казахские воины носили в специальных футлярах на отдельном специальном поясе *садакбау* (букв. пояс для лука). Весь набор с таким комплектом воинского снаряжения лучника *садаккер* на казахском языке назывался *садак*. Термин *садак* на казахском языке использовался в нескольких значениях. Основное значение термина было – футляр для лука, то есть *налуч*. У казахов словом *садак* называли также и сам лук. По традиционному верованию, у казахов в прошлом существовали различные лингвистические табу, одним из форм таких табу был ритуальный запрет на использование во время войны собственного названия боевого оружия, во избежания его негативного воздействия. Собственное названия оружия заменялись эвфемистическими магическими названиями, которые создавались с использованием названия элементов оружия, или на основе слов, обозначающих его действие. В связи с этим запретом, собственное название лука *жак* заменялось словом «*садак*», названием его футляра, и со временем это слово стал синонимом слова *жак*. Таким же образом слово *садак* стало обозначать лук со всеми принадлежностями - *налуч* с луком и колчан со стрелами, подвешенные к отдельному стрелковому (садачному) поясу.

Начиная с XVII века вместе с луком и стрелами казахи активно стали использовать и ручное огнестрельное оружие. На изобразительных памятниках XVIII-XIX веков казахи часто изображаются вооруженными и луком со стрелами, и с ружьем. Использование казахскими воинами обеих видов стрелкового оружия упоминаются и в письменных и в фольклорных источниках. С широким распро-

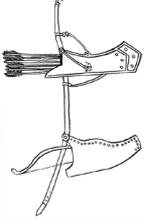
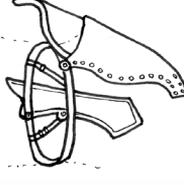
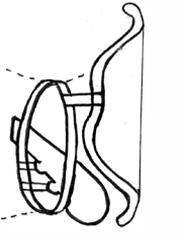
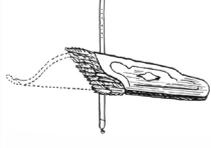
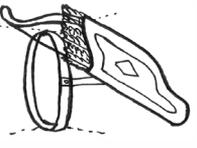
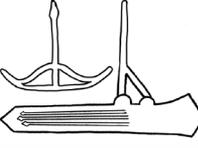
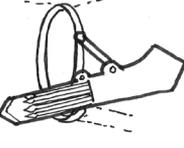
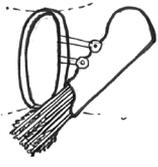
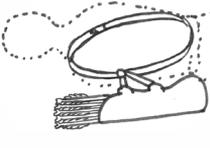
	Тип	Способ ношения
Тип 1		
Тип 2		
Тип 3		
Тип 4А		
Тип 4Б		
Тип 4В		

Рис. 10. Классификация казахского садака и способа его ношения.
 Fig. 10. Kazakh sadaq classification

странением ружья, для ношения ружейных принадлежностей (мешочков для пуль, пороховниц), а также длинноклинкового и короткоклинкового оружия использовался отдельный пояс *kise*. Поэтому на этнографических изображениях из надгробных стелл казахов, вместе с садачным поясом всегда изображаются или портупейный пояс с саблей, или пояс *kise* с принадлежностями для стрельбы из ружья, свидетельствуя о ношении в прошлом казахскими воинами двух отдельных боевых поясов для двух видов оружия – ручного метательного и ручного огнестрельного.

Казахский *садак*, как полный комплект воинского снаряжения лучника *садаккер*, является дальнейшим развитием средневековых *саадаков*, в процессе этого развития появились разнообразные типы казахского *садака*, отличающиеся разными составами элементов комплекта, и обусловленными ими разные способы их ношения. У казахов в прошлом применялись четыре типа садака с различными вариантами, которые носились не только на поясице, но и за спиной, перекинутым через плечо, то есть были садаки поясные и наплечные. *Садак*, как комплект ручного метательного оружия и его принадлежностей, а также средства их ношения сохранялся в комплексе вооружения казахских воинов до XIX века, но с широким использованием ручного огнестрельного оружия, этот вид воинского снаряжения у казахов постепенно выходит из употребления.

*Материал поступил в редакцию
Received
20.10.2022*

Список литературы

Арсланова Ф. Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. 3. Под общей редакцией З. Самашева; составитель Б. Хасенова. Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. 405 с.

Ахметжан К. С. Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы: «Алматыкітап» ТОО, 2007. 216 с., ил.

Ахметжан К. С. Казахский кожаный колчан с «карманом» // Труды филиала Института археологии им. А.Х.Маргулана в г. Астане, 2012. Т.1. Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2012. С.126–132.

Ахметов Ә. К. Түркі тілдеріндегі табу мен эвфемизмдер (салыстырмалы лингвистік зерттеу). Филология ғылымдарының докторы дәрежесін алу үшін дайындалған диссертацияның авторефераты. Алматы, 1995. 62 б. (На каз.)

Бережная Е. Четки приближенного к Абылай хану батыра сохранили его потомки - фото. URL: <https://ru.sputnik.kz>. (Дата обращения: 20.09.2022)7

Бобров Л. А., Пинк И. Б. Стрелы и колчаны казахских воинов из Тульского государственного музея оружия // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. С. 243–255.

Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий в двух томах. Т.1. Спб: Типография императорской Академии наук, 1869. 816 с.

Валиханов Ч. Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. В 5-ти томах / Редкол: А.Х.Маргулан и др. Алма-Ата: Издательство Академии наук Каз ССР, 1961. Т.1. С.463–468.

Гладышев Дмитрий. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах Гладышевым и Муравиным / изд. с приобщением соврем. карты Миллерова пути от Орска до Зюнгор. владений и обратно, Я. В. Ханьковым, д. чл. Имп. Рус. геогр. о-ва; авт. предисл. Я. Ханьков. С.-Петербург, 1851. 85 с., 2 л. карт.

Горелик. М. В. Армии монголо-татар X-XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М., 2002. 84 с

Залесский Б. Қазақ сахарасына саяхат. Алматы: Өнер, 1991. 132 б.

Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда (XIX-начало XX века). Алма-Ата: Издательство «Наука», 1964. 178 с.

История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. Том. V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 620 с.

Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771-1867 годы): (Сборник документов и материалов). Алма-Ата: Наука, 1964. 576 с.

Киргизско-русский словарь. В двух книгах. Около 40 000 слов. Фрунзе: Главная редакция Киргизской Советской Энциклопедии, 1985. Кн. 2. Л-Я. 480 с.

Кубарев Г. В. К вопросу о саадачном или «стрелковом» поясе у древних тюрок Алтая // Древности Алтая (известия лаборатории археологии №3). Горно-Алтайск, 1998. С.190–197.

Курьлев В. П. Казахские кожаные мужские пояса в собраниях МАЭ // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Сборник Музея Антроп. и Этногр., выпуск 43. Л.: 1989. С. 85–98.

Кэстль Джон. Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхаиру, хану Киргиз-Кайсацкой Орды. Алматы: Жибек жолы, 1998. 152 с., ил.

Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей (под. общ. редакцией академика М.К. Козыбаева). Алматы: Санат, 1996. 656 с.

Ойротско-русский словарь. М.: ОГИЗ. Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1947. 312 с.

Панкова С. В., Торгоев А. И. Тюркоязычные кочевники раннего средневековья: эпоха каганатов // Кочевники Евразии на пути к империи. Каталог выставки. - СПб: «Славия». 2012. 272 с. С. 180–183 (текст), 183-195 (раздел каталога).

Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Алматы: Қазақстан, 1997. Сб. 1: (V в. до н.э. – XVII в.н.э.). 383 с.

Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1986. с. 303.

Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: «Наука» Каз ССР, 1976. 444 с.

Тасмағамбетов И. Құлпытас. Астана: ОФ «Берель», 2002. 392 б. (На каз.)

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, 1990. 210 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В четырех томах. Том. III (Муза – Сят). Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева. М.: «Прогресс», 1987. 832 с.

Филиппова О.Н. Творчество А.О. Орловского – художника-рисовальщика (1777–1832 гг.) // «Молодий вчений» – «Young Scientist» № 5 (57). Травень, Мау, 2018 р. С.433–441.

Этимологический словарь тюркских языков. Т.7. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Восточная литература РАН, 2003. 476 с.

References

Arslanova F. Kh. Khasenova B., Samashev Z. Essays on medieval archeology of the Upper Irtysh region. Materials and research on the archeology of Kazakhstan. Astana: Publishing group of the Branch of the Institute of Archeology named after. A.Kh. Margulan in Astana, 2013, V. 3, 405 p. (In Russ.).

Akhmetzhan K.S. Ethnography of the traditional weapons of the Kazakhs. Almaty: «Almatykitap» LLP, 2007, 216 p. (In Russ.).

Akhmetzhan K.S. Kazakh leather quiver with "pocket" In: Work of the branch of the Institute of Archeology. A. Kh.Margulan in Astana Astana: Publishing group of the Branch of the Institute of Archeology named after. A. Kh. Margulan in Astana, 2012, V.1, 126–132 p. (In Russ.).

Akhmetov A.K. Taboo and euphemism in Turkic languages (comparative linguistic study). Almaty: 1995. 62 p. (In Kaz.).

Berezhnaya E. The beads belonging to a batyr close to Abylai Khan and preserved by the batyr's descendants. URL: <https://ru.sputnik.kz>. (Accessed: 09/20/2022). (In Russ.).

Bobrov L.A., Pink I.B. Arrows and quivers of Kazakh warriors from the Tula State Museum of Weaponry (Strely i kolchany kazakhskikh voinov iz Tul'skogo gosudarstvennogo muzeya oruzhiya). In: Novosibirsk State University Herald (Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta). Series: History, Philology. Novosibirsk: 2014. Vol. 13, Issue 3, 243–255 p. (In Russ.)

Budagov L.Z. Comparative dictionary of Turkish-Tatar dialects in two volumes. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1869, V.1, 816 p. (In Russ.).

Castle John. Travel diary in the year 1736 from Orenburg to Abulkhair, Khan of the Kirghiz-Kaisak Horde. Almaty: Zhibek Zholy, 1998, 152 p. (In Russ.).

Dictionary of Turkisms in Russian. Alma-Ata: «Nauka» of the Kazakh SSR, 1976, 444 p. (In Russ.).

Etymological dictionary of Turkic languages. General Turkic and inter-Turkic bases on the letters «L», «M», «N», «P», «S». Eastern Literature of the Russian Academy of Sciences, 2003, 476 p. (In Russ.).

Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language. M.: «Progress», 1987, V. III, 832 p. (In Russ.).

Filippova O. N. Works of A.O. Orlovsky – an artist (1777–1832) In: «Young Vcheniy» – «Young Scientist» No. 5 (57). Traven: 2018. P.433–441.

Gladyshev D. The trip from Orsk to Khiva and back, made in 1740–1741 by Gladyshev and Muravin. St. Petersburg: 1851. 85 p. (In Russ.).

Gorelik. M. V. The armies of the Mongol-Tatars of the X–XIV centuries. Military art, equipment, weapons. 2002. 84 p. (In Russ.).

History of Kazakhstan in Russian sources of the XVI–XX centuries. The first historical and ethnographic descriptions of the Kazakh lands. First half of the 19th century. Almaty: Dike-Press, 2007, V. V, 620 p. (In Russ.).

Kazakh-Russian relations in the XVIII–XIX centuries (1771–1867): (Collection of documents and materials) Alma-Ata: Publishing house «Nauka», 1964. 576 p. (In Russ.).

Kyrgyz-Russian dictionary. Frunze: 1985, 480 p. (In Russ.).

Kubarev G.V. On the question of the saadakh or «archer» belt among the ancient Turks of Altai In: Antiquities of Altai (News of the Laboratory of Archeology No. 3). Gorno-Altai, 1998, 190–197 p. (In Russ.).

Kurylev V. P. Kazakh leather male belts in the collections of the Museum of Anthropology and Ethnography In: Monuments of traditional everyday culture of the peoples of Central Asia, Kazakhstan and the Caucasus. Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography, Issue 43: 1989, 85–98 p. (In Russ.).

Levshin A.I. Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak, hordes and steppes. Almaty: Sanat, 1996, 656 p. (In Russ.).

Oirot-Russian Dictionary State publishing house of foreign and national dictionaries, 1947, 312 p. (In Russ.).

Pankova S.V., Torgoev A.I. Turkic-speaking nomads of the early Middle Ages: the era of the Khaganates. In: Nomads of Eurasia on the way to empire. Exhibition catalogue. St. Petersburg: «Slavia», 2012, 272, 180–183 (text), 183–195 (catalog section). (In Russ.).

Serebrennikov B.A., Gadzhieva N.Z. Comparative-historical grammar of Turkic languages. 2nd edition. Publishing house «Nauka», 1986, 303 p. (In Russ.).

Tasmagambetov I. Kulpytas. Astana: Fund «Berel», 2002, 392 p. (In Kaz.).

The past of Kazakhstan in sources and materials. 2nd edition. Almaty: Kazakhstan, 1997, (V century BC –XVII century AD). 83 s.

Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Sign and ritual. Novosibirsk: Publishing house «Nauka», 1990. 210 p. (In Russ.).

Valikhanov Ch.Ch. Weaponry of the Kirghiz in ancient times and their military armor In: Valikhanov Ch.Ch. Collected works. Alma-Ata: Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1961. V.1, 464–466 p. (In Russ.).

Zalessky B. The trip to Kazakh Steppes. Almaty: Oner, 1991, 132 b. (In Kaz.).

Zakharova I.V., Khodzhaeva R.D. Kazakh national clothes (XIX-early XX century). Alma-Ata: Publishing house «Nauka», 1964, 178 p. (In Russ.).

Сведения об авторе / Information about the Author:

Ахметжан К. С., к.и.н. тел.: 8-701-420-39-37, эл. почта: kaliolla1@yahoo.com.

Akhmetzhan Kaliolla, candidate on historical science, тел.: 8-701-420-39-37, эл. почта: kaliolla1@yahoo.com.

Военное дело кочевников Казахстана в литературе 1920 – 1960-х гг.

Т. К. Алланиязов

*Жезказганский университет им. О. А. Байконурова,
Республика Казахстан*

Аннотация

В статье рассматривается литература 1920–1960-х годов посвященная истории военного дела кочевников Казахстана. Проанализированы исследования и публикации по теме посредством характеристики их источников, структуры и проблематики, описания содержания глав и разделов, определения их научной новизны и вклада в историографию проблемы. Сформулирована значимость рассматриваемых работ для поступательного развития историографии проблемы, обогащения научных представлений о характере и содержании истории военного дела кочевников Казахстана. Содержание работ показывает направления исследовательских интересов, векторы которых характеризуются разными значениями. Анализ работ позволяет представить качественные характеристики литературы 1920–1960-х гг. по истории военного дела кочевников Казахстана. Исследования и публикации демонстрируют наличие в рассмотренном хронологическом периоде переходов от узкого круга работ с ограниченной тематикой в сторону расширения проблематики научного поиска посредством изучения военной организации и базовых основ генезиса военного дела кочевников, а в последующем разработки ключевых компонентов проблемы: основные виды оружия, формы военной организации, состав войска, характер применения вооружения. В своей совокупности исследования и публикации 1920–1960-х гг. заложили концептуальные основы историографии военного дела кочевников Казахстана.

Ключевые слова

Военное дело, историография, оружие, организация, состав.

Для цитирования

Алланиязов Т. К. Военное дело кочевников Казахстана в литературе 1920 – 1960-х гг. // *Universum Humanitarium*. 2022. № 1. С. 228–251.
DOI 10.25205/2499-9997-2022-1-228-251

Military affairs of Kazakhstan nomads in the literature of 1920s–1960s

T. K. Allaniyazov

*Zhezkazgan Baikonurov University,
Republic of Kazakhstan*

Abstract

The paper considers the publications and reference sources of the 1920s-1960s dedicated to the history of the military affairs of the nomads of Kazakhstan. Researches and publications on the topic have been analyzed by characterizing their sources, structure and problems, describing the content of chapters and sections, determining their scientific novelty and contribution to the historiography of the problem. The significance of the works under consideration for the progressive development of the research problem historiography, the enrichment of scientific ideas about the nature and content of the history of military affairs of Kazakhstani nomads is formulated. The content of the works shows the trends of research interests, the vectors of which are characterized with values diversity. The research findings are that the analysis of the works prompts us to present the qualitative characteristics of the publications of the 1920s-1960s on the history of military affairs of the nomads of Kazakhstan. The author comes to the conclusion that: a) research and publications demonstrate the presence of transitions in the considered chronological period from a narrow range of works with limited topics towards expanding the scope of scientific research, through the study of the military organization and the basic foundations of the genesis of nomadic military affairs, and subsequently the development of key components of the problem: the main types of weapons, forms of military organization, the composition of the troops, the nature of the use of weapons; b) as a whole, the studies and publications of the 1920s-1960s laid the conceptual foundations for the historiography of the military affairs of the nomads of Kazakhstan.

Keywords

Military affairs, historiography, weapons, organization, composition.

For citation

Allaniyazov T. K. Military affairs of Kazakhstan nomads in the literature of 1920s–1960s // Universum Humanitarium. 2022. № 1. P. 228–251. DOI 10.25205/2499-9997-2022-1-228-251

Введение

Изучение истории военного дела кочевников Казахстана приобретает особое значение, так как позволяет существенно продвинуться вперед в решении задачи глубокого и всестороннего раскрытия вклада кочевников в мировую цивилизацию.

Важной составной частью изучения темы является ее разработка в историографическом аспекте. Это дает возможность проследить эволюцию историографии проблемы, вычленив ее этапы, определить место и роль отдельных исследований и публикаций в поступательном развитии историографии проблемы. Одно из главных мест в многолетнем процессе изучения истории военного дела кочевников Казахстана принадлежит периоду, охватывающему время с начала 20-х годов по конец 60-х годов XX столетия. Именно в этот период были сформулированы наиболее ключевые характеристики, отражающие сущность военного дела кочевников Казахстана. Этим и обусловлена актуальность предлагаемой статьи, в которой представлена характеристика работ, опубликованных в указанный период, выявлены направления и результаты исследовательских интересов, определены место и роль отдельных исследований и публикаций в поступательном развитии изучения темы.

Материалы и методы

Историографическими источниками данного исследования послужили опубликованные в период с 1920-х по 1960-е годы исследования и публикации по истории военного дела кочевников Казахстана. В работе применены общенаучные принципы историзма и объективности в изучении процессов, связанных с разработкой истории военного дела кочевников Казахстана.

Результаты

В начале 1920-х гг. потребности в теоретическом обосновании необходимости формирования национальных казахских воинских частей обусловили появление статьи А. Рязанова [Рязанов, 1924. С. 29–42]. Здесь во взаимосвязи были рассмотрены вопросы формирования исторического типа и характера казахского воина, состояние вооруженных сил и форма военной организации казахских ханов, стратегия и тактика военных действий, в частности военное искусство Тевкель-хана, проявленное в ходе осады Бухары, и Джахангир-хана в борьбе против джунгар.

Ценность данной работы, во-первых, в том, что автор дал первое в послеоктябрьской историографии Казахстана описание военного искусства казахов в XVI–XIX вв. Опираясь на исследование М. И. Иванина [Иванин, 1875], А. Рязанов охарактеризовал метод ведения «малых войн», использованных Срымом Датовым, Кенесары

Касымовым, Исетом Кутебаровым, описал тактику военных действий казахов против казачьих укрепленных линий. Во-вторых, с появлением публикации А. Рязанова, где был затронут вопрос о влиянии национально-психологических особенностей и традиций народа, уровня его социально-экономического развития на специфические черты вооруженной борьбы, в складывавшейся историографии военного дела кочевников Казахстана был сделан шаг в определении этапов и закономерностей его развития.

Некоторые сведения о военной истории и вооружении казахов XVI–XVIII вв. были приведены в работе А. П. Чулошника [Чулошников, 1924]. Автор описал тактику Джахангир-хана в войне с джунгарами, затронул вопрос о сложении института тюленгутства — военной дружины ханов и, вслед за А. Левшиным [Левшин, 1832], изложил положение хана Тауке, вменявшее в обязанность казахам носить оружие, что давало право голоса.

Исследование истории военного дела кочевников Казахстана в советской исторической науке, начавшееся с публикации А. Рязанова, было прервано на десятилетия в силу известных процессов и явлений, развернувшихся в 1920–1930-е гг. в СССР.

Вопрос о теоретической и практической ценности подобных исследований был снят с повестки дня. Так, в книге С. Д. Асфендиярова [Асфендияров, 1935. С. 19, 82, 95, 189] лишь вскользь говорится о вооружении и тактике хуннов, бегло упоминается наличие военных дружин у казахских ханов XVI в. и кратко описывается оружие и численность войск Кенесары.

Однако обстоятельства военного времени, на наш взгляд, не могли не обусловить заметного внимания военно-историческим аспектам в книге, вышедшей под редакцией М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой [История Казахской ССР, 1943]. Авторы уже в предисловии подчеркивали, что «боевые традиции казахского народа создавались еще в глубокой древности», а «борьба за независимость выдвигала таких крупных политических деятелей и полководцев, как Кенесары Касымов» [История Казахской ССР, 1943. С. 7]. В книге приводятся факты, характеризующие военное дело саков, хуннов, усуней, описываются военные действия Тевкель-хана, Джахангир-хана, Аблай-хана, Срыма Датова, Исатая Тайманова. Заслуживает внимания специально выделенный раздел о военно-полководческом искусстве Кенесары Касимова, а также описание тактики восставших адаевцев на Мангышлаке и военного искусства А. Иманова.

Однаков уже в исправленном и дополненном издании «Истории Казахской ССР» [История Казахской ССР, 1949] заметно сокращен

и приглушен материал о военном искусстве казахов. Так, например, военно-полководческое искусство Кенесары Касымова не выделяется в специальный раздел, сведения о нем растворены в разделе «Военные действия 1844–1845 гг.». Эта традиция была продолжена и в следующем издании «Истории Казахской ССР» [История Казахской ССР, 1957], где о движении Кенесары Касымова говорится очень скупо, сжато, в негативном тоне. Этот недостаток компенсируется стремлением авторов охарактеризовать на основе археологического материала вооружение усуней, кангюйцев, других племен VI–VIII вв., а также цитированием выдержек из сочинения Рубехана, в котором приводятся данные о военной системе казахов XVI в. [История Казахской ССР, 1957. С. 49, 51, 77, 147, 318–321].

Заслуживает внимания статья В. Н. Куна [Кун, 1947. С. 15–32], где были рассмотрены основные черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии. Автор, опираясь на исследования геоботаников, высказал интересные суждения и оценки условий, характера и основных черт кочевого скотоводческого хозяйства в евразийских степях. Это послужило основой для выводов об ареале распространения наиболее боеспособных кочевых масс коневодов, пределах и направлении их кочевий, сезонности их грозных набегов. Обобщая материалы летописей и хроник (русские, армянские, арабские, персидские), научных исследований предшественников (Паллас, Радлов, Васильевский, Левшин, Владимирцов и другие), В. Н. Кун высказал ценные наблюдения о характере и структуре вооруженных сил кочевых народов, определяемых родоплеменным строем. «Властно отражаясь на всей структуре общественного быта, – подчеркивал автор, – род в основном определял собой и характер вооруженных сил кочевых союзов. Вот почему вооруженные силы кочевых народов всегда имели массовый характер и по самой своей структуре способны были охватить всю массу. В каждом случае колеблется количество бойцов, призываемых к оружию, определяясь нуждами войны, но это не меняет массового характера вооруженных сил, поставляемых родовыми союзами». Родовой же строй, по мнению автора, питал и нравы кочевников, возводивших в доблесть любые средства борьбы [Кун, 1947. С. 26–27].

Весьма важными являются суждения и выводы автора по вопросу организации (общее руководство и планирование), способах проведения (центр, правое и левое крыло) и условиях (быстрота, координация и слаженность движения) облавной охоты у кочевых народов, а также ее военного значения [Кун, 1947. С. 20–22].

Что касается военного искусства и вооружения кочевников, то В. Н. Кун, опираясь на исследование М. И. Иванина, дает лишь сжатую и обобщенную характеристику их тактики и стратегии. Здесь важно отметить, что автор прямо связывает принцип окружения противника с опытом облавной охоты. С этим же опытом был связан и боевой порядок, применявшийся войсками кочевников, который состоял в разделении на центр и два крыла [Кун, 1947. С. 28–29].

Появление публикации В. Н. Куна свидетельствовало о нарастающем внимании исследователей к проблеме военного дела кочевых народов Средней Азии и Казахстана, расширении проблематики научного поиска, направленности вектора военно-исторических изысканий в сторону изучения военной организации, нащупывания базовых основ генезиса военного дела кочевников.

Прорыв в изучении истории военного дела народов Средней Азии и Казахстана осуществил А. А. Росляков [Росляков, 1951, 1962]. И хотя военное дело собственно казахов не стало предметом исследования А. А. Рослякова, в целом его работы и прежде всего статья о военном искусстве заслуживают высокой оценки.

К моменту написания статьи, характеризующей военную систему азиатских степняков, в арсенале А. А. Рослякова уже имелась публикация, посвященная истории военного искусства туркмен [Росляков, 1947]. В ней в самых общих чертах был намечен не только ключевой аспект военного искусства туркмен, но и заложены контуры военной системы азиатских кочевников, которые спустя четыре года нашли свое наиболее полное воплощение в специальной статье [Росляков, 1951]. В ее основу были положены сведения, почерпнутые из опубликованных в 1920–1940-е гг. трудов виднейших историков и археологов СССР – М. И. Артамонова, Б. Д. Грекова, А. Ю. Якубовского, А. В. Арциховского, Г. Е. Грум-Гржимайло, В. Д. Блаватского, В. А. Струве, С. П. Толстова, Б. А. Тураева, М. Вяткина, А. Н. Бернштама, Б. Я. Владимирцова, Б. Джамгерчинова, С. В. Киселева, П. К. Козлова, М. Н. Козьмина, Б. З. Рабиновича, Е. Разина, С. И. Руденко, Г. П. Сосновского, М. Г. Рейсера, С. А. Козина. Кроме того, им были широко использованы материалы дореволюционных историков, занимавшихся историей военного дела: Н. П. Михневича, А. Пузыревского, М. И. Маркова, М. И. Иванина, а также В. Г. Васильевского, П. В. Голубовского, А. С. Лаппо-Данилевского, Д. Н. Анучина. Активно А. А. Росляков опирался на труды античных историков (Геродот, Плутарх, Тацит, Арриан), византийские, арабские, персидские и китайские источники, изданные в ряде сборников материалов и сведений. Всего автором было использовано более 50 разноплановых

по характеру, содержанию и тематике научных работ, хрестоматий и сборников материалов. Результатом аналитико-синтетической работы явилось конструирование принципиально новой для того времени научной модели, на основе которой были сформулированы суждения, характеризующие структуру и содержание «степной военной системы».

Под «степной военной системой» А. А. Росляков понимал «определенное единство состава и организации войска, характера войн, типа вооружения и снаряжения, а также приемов ведения войн и боя, которое существовало у кочевых племен Азии, Восточной Европы и Северной Африки» [Росляков, 1951. С. 11].

Автор проследил эволюцию степной военной системы, зарождение которой он относит к скифскому периоду, отмечая, что именно «скифы показали классический образец степной войны в своей борьбе с Дарием Гистаспом в 513 году до н. э.» [Росляков, 1951. С. 12]. Но у скифов были видны черты незавершенности степной военной системы в виде наличия пехоты и акинаков. Состав их войска и вооружение определяли и соответствующие приемы боя.

Следующий этап в развитии степной военной системы автор связывает с сарматами, парфянами и хунну, у которых появляется тяжеловооруженная панцирная конница. Из названных этносов лишь военное искусство парфян, сочетавших лучшие стороны военного искусства хунну (конное войско, широкое использование метательного оружия, высокая подвижность) и сарматов (могучий натиск панцирной конницы в рукопашном бою) явилось наиболее совершенным вариантом степной военной системы [Росляков, 1951. С. 13].

Завершающий этап сложения степной военной системы А. А. Росляков связывает с продвижением части хунну, а позднее тюркских племен на запад и смешением их с сармато-аланскими племенами, что привело к синтезу обоих, сарматского и хуннского, вариантов степной военной системы. К этим наблюдениям туркменский историк добавляет суждение о том, что «в V–VII вв. н. э. уже складывается единый тип вооружения и снаряжения конного воина от Северного Кавказа до Монголии» [Росляков, 1951. С. 13]. Данное суждение автор формулирует исходя из довоенных наработок советской исторической науки, в частности исследований С. П. Толстова [Толстов, 1939].

Таким образом, автор в процессе анализа эволюции степной военной системы в самых общих чертах обозначил важный фактор её генезиса – этнополитические процессы, которые протекали в рассматриваемый период на пространствах степного пояса Евразии.

Отметив, что степная военная система пережила свой расцвет в V–XIV вв. н. э., А. А. Росляков на основе широкого обобщения достижений советской исторической науки формулирует основные черты степной военной системы, сведя их в семь пунктов.

В самом сжатом виде ее можно представить следующим образом: массовое и подвижное конное войско, созданное на основе поголовного ополчения; сохранение родоплеменных отношений определяло то, что каждая отдельная группа являлась ополчением какого-либо рода или племени; используется оружие дальнего и ближнего боя, а также защитное вооружение у дружинников; тщательная подготовка и искусное ведение боя, с гибким сочетанием стрелкового боя в рассыпном строю и стремительной атаки плотных отрядов, с широким маневром конных масс, неотступным преследованием, охранением и разведкой; обычным явлением были грабительские набеги.

Подчеркивая значение степной военной системы, автор отметил, что «она оказала серьезное влияние на военное дело в соседних странах – в Китае, Иране, Византии и Руси (особенно с XIII в.), вызывая повсюду создание и развитие конницы, особенно конных лучников» [Росляков, 1951. С. 15].

Ценными являются суждения А. А. Рослякова относительно характеристики степной военной системы в период XIV–XVIII веков, когда она претерпевает некоторые изменения, выражавшиеся в том, что «массовое родоплеменное ополчение отступает на второй план, оттесняемое дружинами: казахские тюленгуты, узбекские нукеры, монгольские „латники“. ...Степные армии теряют свой массовый характер, родоплеменную сплоченность и связанную с этим огромную наступательную мощь». Причины этих изменений автор справедливо усматривает в том, что «большинство степных народов переживает расцвет феодализма» [Росляков, 1951. С. 15], который, как известно, сопровождался ослаблением центральной власти со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Закат степной военной системы А. А. Росляков связывает с развитием огнестрельного оружия и созданием в ряде государств постоянных и регулярных армий, что поставило «технически отсталые и необученные дружины степных феодалов в невыгодное положение» [Росляков, 1951. С. 15].

Определяя значительные изменения, произошедшие в степной военной системе, автор указывает на следующие характерные моменты: «Былое военное искусство степняков все больше сводится к искусству дерзкого набега, масштабы операций уменьшаются, бой уступа-

ет место измору (например, во время движения Кенесары Касымова в 1837–1847 гг.)» [Росляков, 1951. С. 15].

Завершая свою публикацию, А. А. Росляков подчеркнул, что степное военное искусство в конце XIX в. «вообще исчезает как самостоятельная ветвь военного искусства». Однако «его пережитки, порой очень ценные и жизнеспособные, сохранились в ...военных делах русского казачества, военных приемах повстанцев 1916 года в Средней Азии» [Росляков, 1951. С. 16].

Тем самым автор предвосхитил появление спустя шесть десятилетий исследований, в которых нашли свое воплощение его прозорливые суждения, касающиеся военного дела русского казачества [Бобров, 2012, 2013, 2014]. Главный тезис этих исследований был сформулирован в коллективной работе новосибирских оружейников, где отмечалось, что комплекс вооружения и ряд известных тактических схем российских казаков XVIII–XIX вв. сложились под влиянием военного дела кочевых народов (в первую очередь калмыков и казахов) [Бобров и др., 2008. С. 128].

Вышесказанное дает основание утверждать, что работа А. А. Рослякова для своего времени была по сути прорывной, так как наметила контуры проблематики исследований по истории военного дела кочевников Евразии. Значение работы А. А. Рослякова состоит в том, что сформулированные в ней суждения и выводы о характере и содержании степной военной системы, этапах ее эволюции явились краеугольным камнем в историографии проблемы военного дела кочевников степей Евразии и заложили концептуальные основы историографии военного дела кочевников Казахстана.

Концептуальные наработки, касающиеся военной системы азиатских степняков, были положены в основу опубликованной в 1962 г. развернутой статьи, где был дан детальный и всесторонний анализ развития военного искусства народов Средней Азии и Казахстана в период с VI по XV в. Не случаен был выбор указанного хронологического периода, который практически совпадает с периодом расцвета степной военной системы. Автор расширил диапазон источников за счет привлечения эпических и изобразительных материалов.

Работа определенным образом структурирована, что позволило её автору последовательно рассмотреть ряд ключевых вопросов темы. Судя по содержанию девяти разделов, автор выделяет следующие аспекты: предпосылки и условия развития военного искусства, военная история, военное право, военная организация и состав войска, вооружение, эволюция форм вооруженных сил, военное зодчество и осадное искусство, характерные черты военного искусства, страте-

гия ведения войн, тактика боевых столкновений, связь и управление войсками, организация разведки и охранения.

Ценность исследования А. А. Рослякова заключается прежде всего в стремлении осуществить комплексный подход в освещении истории военного искусства. Автор выявил и проанализировал социально-экономические, политические и географические предпосылки и условия развития военного искусства народов Средней Азии и Казахстана в обозначенный хронологический период. Примечательно, что историю военного искусства А. А. Росляков дает на фоне наиболее крупных событий военной истории Средней Азии и Казахстана, подчеркивая ее сложность и насыщенность событиями, акцентируя внимание на характере войн.

В процессе исследования автором использовался проблемно-хронологический принцип изложения материала, а также сравнительно-сопоставительный метод, что позволило выявить те или иные качественные изменения в эволюции ключевых компонентов военного дела народов Средней Азии и Казахстана в рассматриваемый тысячелетний хронологический период, раскрыть общее и особенное военного искусства, специфику военного искусства кочевников, его роль и значение в развитии военного дела народов Средней Азии и Казахстана.

Предваряя исследование основных вопросов темы, автор обратил внимание на военную идеологию, подчеркнув при этом, что оседлые народы региона имели разработанную систему военного права, а также начатки военной теории, «нашедшие свое отражение в сасанидском военном трактате “Аин-намэ” и в трактате XII века “Джами-ал-улум”» [Росляков, 1962. С. 206]. Характеризуя военную идеологию и военное право, автор делает ценное наблюдение относительно кочевых народов, не создавших военной теории, но выработавших богатую военную традицию, «которую вожди и воины хорошо знали, бережно хранили, обогащали новым боевым опытом». Касаясь военного права кочевников, А. А. Росляков высказал интересное мнение о том, что «некоторые элементы военной традиции и особенно их военного права сохранились в огузских военных установлениях и военных обычаях, к сожалению, почти не дошедших до нас, а также в знаменитой “Ясе” (установлениях) Чингис-хана, сохранившейся в отрывках и пересказах» [Росляков, 1962. С. 206].

Обобщив данные широкого круга летописей, хроник, материалов археологических и исторических исследований, а также эпических и изобразительных источников, А. А. Росляков подробно рассмотрел состав и способ комплектования среднеазиатских феодальных

армий, сделал ценные замечания относительно ополчения кочевых племен, составлявших основу отрядов легкой конницы, вооружения и тактики средневековых воинов-кочевников.

Так, основу среднеазиатских армий в VI–XV вв. составляло феодальное ополчение. При этом отмечено, что в период существования относительно централизованных и крепких феодальных монархий «большое значение имело постоянное войско, составлявшее в IX–XI вв. ядро армии» [Росляков, 1962. С. 208].

Ополчение кочевых племен составляло основу войска, а у племен, населявших Казахстан, почти все войско состояло из подобных ополчений. Состав его, как показал А. А. Росляков, был неоднородным: «С одной стороны, в него входила степная знать со своими дружинниками, с другой – основная масса ополчения состояла из рядовых кочевников» [Росляков, 1962. С. 212]. Сложный характер ополчения степных племен автор объясняет с марксистских позиций, указывая на господство «у них патриархально-феодальных отношений, некоторую неразвитость и нечеткость классовой структуры общества, замаскированность классового характера общественных отношений архаическими родоплеменными формами». Но эта позиция не помешала А. А. Рослякову, хотя и с оговоркой, признать очевидное: «Крестьяне отсталых кочевых и полуседлых племен сохранили право (и даже были обязаны) иметь оружие, *сохраняли военную организацию* (курсив наш. – Т.А.), которая, впрочем, полностью находилась в руках феодально-родовой знати» [Росляков, 1962. С. 212].

Здесь, в отличие от предыдущей статьи, появляется термин «военная организация». Правда, нет четкой характеристики понятия. При этом остается лишь догадываться, почему А. А. Росляковым вообще не были учтены наработки В. Н. Куна, хотя во многом их взгляды носят тождественный характер.

Рассматривая эволюцию состава войска, автор в развернутой форме обосновал выдвинутое в предыдущей статье суждение о постепенном, начиная с XIV–XV вв., переходе от поголовного родоплеменного ополчения кочевых племен к феодальным ополчениям. Позднее, в XVII–XIX вв., в степных войсках главное значение приобрели дружины тюленгутов [Росляков, 1962. С. 213].

Основным родом войск была конница – как тяжеловооруженная в среднеазиатских армиях, так и легковооруженная, составлявшая основную массу ополчения кочевых племен. Эти наблюдения автор обосновывает с помощью привлечения не только письменных, но и изобразительных (восточные миниатюры), и эпических материалов [Сокровенное сказание, 1941; Росляков, 1962. С. 213–214].

Касаясь численности среднеазиатских армий, А. А. Росляков обратил внимание на сложность данного вопроса, заключавшегося в отсутствии документальных данных и сомнительности данных средневековых хроник. С учетом этого автор сделал ценное замечание, касающееся методов работы с историческими источниками при создании военно-исторического труда: необходимо сопоставлять наиболее достоверные знания и широко привлекать сравнительно-исторический материал [Росляков, 1962. С. 216]. К примеру, численность войск карлуков Тохаристана в VII в. определялась китайскими хрониками (летопись Тан-шу) в 100 тысяч, что, по справедливому мнению автора, «несомненно, преувеличено» [Росляков, 1962. С. 216].

Значительное внимание автором было уделено характеристике вооружения среднеазиатских воинов: сложносоставному луку и колчану со стрелами, которые с ножом или кинжалом составляли саадак – полный комплект основного оружия воина; саблям, начавшимся в VI–VIII вв. распространяться в центрально-азиатских степях, повсеместно распространенному в этот же период мечу с перекрестием, который «в Средней Азии был вытеснен саблём лишь в послемонгольский период». По мнению А. А. Рослякова, слабоизогнутая сабля получила всеобщее распространение в среднеазиатских феодальных армиях в XIV–XV вв., а «классические кривые сабли (персидские и турецкие) появились, видимо, не ранее конца XVI в.» [Росляков, 1962. С. 219]. Отметив большое значение булавы, которая получила широкое распространение среди кочевников, автор обратил внимание на то, что булава заменяла «до известной степени саблю в качестве оружия рукопашного боя» и иногда имела «каменное навершие». Не обошел вниманием автор и наличие копья, широко применявшегося среднеазиатскими воинами, а также способ держать его – прижимая к боку локтем правой руки [Росляков, 1962. С. 219].

Опираясь на изобразительные источники [Толстов, 1948. С. 440; Гумилев, 1949. С. 233], А. А. Росляков высказал ряд ценных наблюдений о защитных доспехах VI–XV вв. Так, вплоть до VIII–IX вв. в среднеазиатском защитном вооружении «преобладал доспех из мелких стальных пластинок различной величины и формы». Основную часть доспеха составляла «длинная панцирная рубаха, закрывавшая корпус и ноги до лодыжек; иногда делалась короче – до колен». В IX–X вв. «чешуйчатый доспех начинает вытесняться кольчугой, которая вследствие своей легкости, эластичности и прочности вскоре стала основным видом доспеха и держалась в Средней Азии до середины XIX века» [Росляков, 1962. С. 220].

Характеризуя защитное вооружение головы, автор указывает на наличие шлема «плавно-вытянутой формы», снабжавшегося «наушниками, назатыльником и кольчужной сеткой; лицо оставалось полуоткрытым». Что касается степных воинов, то они, как отмечал А. А. Росляков, «вместо шлема иногда носили обычную шапку, покрытую металлическими пластинками» [Росляков, 1962. С. 220].

Шестой раздел статьи автор посвятил эволюции среднеазиатских феодальных армий. Остановившись на вопросе развития войска кочевых племен на территории современного Казахстана, А. А. Росляков в более развернутой форме изложил суждения, высказанные им по этому поводу в своей предыдущей публикации и в четвертом разделе. При этом было сделано важное замечание о том, что «об организации войска никаких данных нет; очевидно, она соответствовала родоплеменной структуре» [Росляков, 1962. С. 224].

Восьмой и девятый разделы посвящены изложению вопросов военного искусства. Автор верно подметил характерную черту военного искусства среднеазиатских народов: «сочетание в нем военных приёмов кочевых скотоводческих племён с военными приёмами оседлых земледельцев». При этом особо было подчеркнуто, что «влияние военного искусства кочевников на военное искусство населения земледельческой полосы было гораздо более значительным, хотя имело место и обратное влияние» [Росляков, 1962. С. 230].

Характеризуя войны степняков против соседей-кочевников, автор подробно останавливается на таком приеме как внезапность. Нормой были нападения ночью или на рассвете, а также в тот момент, когда вражеское войско уходило на войну и в кочевьях оставалось небоеспособное население. Другой распространенный прием состоял в беспрестанных набегах с целью вынудить враждебные племена «уступить часть территории или даже подчиниться более сильному противнику» [Росляков, 1962. С. 231].

Описывая военные действия кочевников против феодальных государств земледельческой полосы, автор обратил внимание на действия в ходе вторжения: нападение сомкнутой массой или колоннами при обязательном охранении и разведке; засылка отрядов вглубь территории; решительное боестолкновение и обязательное преследование разбитого противника в случае успеха. При этом было подмечена следующая особенность размаха преследования, которая зависела от целей нападения: «В условиях похода с целью грабежа преследование велось гораздо менее настойчиво, чем при вторжении с целью завоевания страны» [Росляков, 1962. С. 232].

Вся война у кочевников, таким образом, строилась на «широком маневре как отдельных отрядов, так и крупных масс конницы, на внезапных решительных ударах, на широком применении набегов как одного из средств, способных измотать противника и подорвать его способность к сопротивлению» [Росляков, 1962. С. 234].

Характеризуя боевые приемы народов Средней Азии в VI–XV вв., А. А. Росляков подчеркнул, что здесь искусство боя стояло высоко и было «основано на широком применении маневра, на взаимодействии между конными лучниками и ударным отрядом панцирной конницы, а также во взаимодействии конницы и пехоты», а это, в свою очередь, «требовало сложных и гибких боевых порядков, хорошо организованного управления и связи». Алгоритм боя включал в себя следующие составные элементы: 1) стрельба из луков, которая велась во время атаки, продолжалась во время преследования и во время отхода; 2) непосредственная рукопашная схватка, в которой основная роль отводилась дружине панцирных всадников [Росляков, 1962. С. 236].

Указав на то, что чрезвычайно характерной чертой тактики среднеазиатских армий, как и кочевников, было «умелое и широкое маневрирование на поле боя», А. А. Росляков, цитируя «Бабур-намэ», обратил внимание на такой тактический прием как «тулгама» (обход). Широкое применение маневра в бою требовало и соответствующего боевого порядка – гибкого и устойчивого, всегда расчлененного по фронту и в глубину [Росляков, 1962. С. 236–237].

Обобщая данные письменных источников, автор дал подробное описание структуры, схемы построения, численности и названия основных тактических единиц, а также алгоритма боя. Так, основной тактической единицей был отряд числом от нескольких десятков до 3–4 сотен всадников, имевших свое знамя. Этот отряд автор обозначил терминами «курдус» и «кошун», он являлся «ополчением какого-либо рода или небольшого племени». Основными боевыми порядками такого отряда были лава и колонна: первая применялась для подготовки атаки стрельбой из луков при преследовании и отходе, вторая – для атаки. Все войско делилось на четыре части: «... авангард, правое и левое крыло и центр, состоявший главным образом из панцирной конницы и располагавшийся позади войск правого и левого крыла; он играл также роль общего резерва». Каждый из этих отрядов строился в линию курдусов, оставляя между ними интервалы, необходимые для размыкания в лаву. Вперед высылались «караулы» – боевое охранение, которые завязывали бой, а затем в дело включались отряды обоих крыльев. Вожди находились позади

на возвышенности и управляли боем с помощью конных посыльных или зрительной сигнализацией. Сигнал атаки подавался барабанным боем, который был у каждого начальника отряда. Войска авангарда и крыльев стремились обойти или окружить противника. Решительный удар наносила панцирная конница [Росляков, 1962. С. 237–238].

Отметил А. А. Росляков и наличие у степняков такого приема, как притворное бегство в сочетании с засадами, который широко практиковался, и высказал ценное наблюдение, что данный прием вырос из практики набегов, «когда часть воинов захватывала добычу и уходила с ней, а другая стояла (обычно скрыто) в полной готовности поддержать нападавших и отразить удар преследователей» [Росляков, 1962. С. 238].

Завершая характеристику тактических приемов кочевников, А. А. Росляков подчеркнул, что «способность степной конницы к смелому и дерзкому маневру, широкое применение ею охватов, обходов, засад, окружения противника – все это заставляло вражеские армии действовать в борьбе со степняками очень осторожно и в полной готовности отразить неожиданный удар с любой стороны, что сильно затрудняло операции против кочевников» [Росляков, 1962. С. 239].

Подводя итоги своей новаторской, по нашему твердому убеждению, работы, туркменский историк отметил следующее: «Богатая событиями военная история народов Средней Азии в VI–XV вв. содержит много материала, интересного с точки зрения изучения общих закономерностей развития всего [военного] искусства. Изучение истории развития армии в Средней Азии VI–XV вв. позволяет внести немало нового в общую характеристику военной организации периода феодализма» [Росляков, 1962. С. 244].

Столь подробное изложение ключевых положений статьи А. А. Рослякова дает основание отметить следующие составляющие ее оценки, позволяющей определить роль статьи в поступательном развитии историографии военного дела кочевников Казахстана.

Первое. Несмотря на то, что в публикации автор при оценке кочевого способа хозяйственной деятельности использует терминологию, обусловленную господствовавшими в тот период марксистско-ленинскими теоретическими установками – «отсталые», «неразвитые» – характер и содержание работы, те высочайшие оценки, которые он широко и повсеместно дает военному делу кочевников, свидетельствуют о его подлинном отношении к кочевой цивилизации, которое ученый, соблюдая правила игры, вынужден был маскировать, используя традиционный набор марксистской лексики.

Второе. Невзирая на то, что источниковая база статьи отражала уровень развития исторической науки 1930–1940-х гг., автор благодаря предпринятому им глубинному анализу источников, синтезу извлеченного массива фактического материала, его широкого обобщения, осуществил качественный сдвиг в научных представлениях об основных компонентах военного дела народов Средней Азии и Казахстана в VI–XV вв.

Третье. Структура работы свидетельствует о наличии у автора четких представлений об основных аспектах военного дела в целом и военного дела кочевников в частности: военная идеология вкупе с военной теорией и правом, военная организация, состав вооруженных сил, вооружение, стратегия ведения войн и тактическое искусство.

Четвертое. Названные выше представления обусловили комплексный характер работы, который позволил последовательно поставить и в основном решить ряд задач, связанных с определением характера и существа военного дела народов Средней Азии и Казахстана.

Пятое. По сравнению с предшествующей работой, существенно (за счет изобразительных и эпических материалов) расширен круг источников, привлекаемых автором для реконструкции истории военного искусства.

Шестое. Наблюдения автора, его суждения и выводы об изменениях военной системы кочевников Азии, эволюции их военного искусства особенно ценны и до настоящего времени не потеряли своей значимости.

Сформулированные нами оценки всецело исходят из принципа историзма, учета обстоятельств (отсутствие устоявшихся историографических традиций, связанных с разработкой военного дела народов Евразии в целом и кочевников Казахстана в частности) и времени (конец 1950-х – начало 1960-х годов) создания работы, возможностей источниковой базы, а также достигнутых результатов в реконструкции в самом общем виде основных контуров истории военного дела народов Средней Азии и Казахстана в VI–XV вв. С учетом того, что к началу 1950-х гг. системные археологические изыскания степного пояса Евразии находились в начальной стадии, а их результаты, в частности по оружейным артефактам, еще не были систематизированы и обобщены в виде корпуса вещественных источников, исследователи военной истории, и в частности А. А. Росляков, вынужденно ограничивались лишь письменными источниками. К этому следует добавить, что в практике советских военно-исторических исследований 1920–1950-х гг. привлечение вещественных и особенно изобразительных источников оставляло желать лучшего по целому ряду

причин как объективного, так и субъективного характера. Эти обстоятельства заметно суживали возможности привлечения для реконструкции различных аспектов военного дела всего комплекса исторических источников.

Проблемы истории военного дела кочевников Казахстана стали интенсивно разрабатываться в связи исследованием вопросов участия казахского народа в Крестьянской войне 1773–1775 гг. под руководством Е. Пугачева, начало которым было положено еще в 1920-е гг. публикациями А. Рязанова [Рязанов, 1924, 1925] и А. Чулошникова [Чулошников, 1929]. В работах Е. Б. Бекмаханова, Г. И. Семенюка [Бекмаханов, Семенюк, 1963], Н. Е. Бекмахановой [Бекмаханова, 1968] в контексте военных действий примкнувших к восстанию казахов было уделено внимание военной организации повстанцев, тактике султана Аблая, подобраны сведения о ряде вооруженных сражений, в которых принимали участие казахи, дан детальный анализ военных действий, изложено вооружение и тактика казахских отрядов в годы восстания.

Характеризуя поступательное развитие историографии военного дела кочевников Казахстана, особо следует выделить интересную и содержательную статью Г. И. Семенюка, в которой оружие, военное искусство и военная организация казахов в XVII–XIX вв. стали предметом специального исследования [Семенюк, 1969]. Ценность статьи заключается в том, что ее автор осуществил скрупулезный анализ широкого круга документов и материалов, выявленных в фондах Архива внешней политики России и Государственного архива Оренбургской области, а также содержащихся в документальном сборнике «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.» [Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв., 1961]. Извлеченные из них и введенные в научный оборот сведения были существенным образом дополнены данными из более чем двадцати исторических, географических и этнографических исследований XVIII–XX вв., авторами которых были: Витзен, П. С. Паллас, С. Шмидт, И. Г. Андреев, А. И. Левшин, Ч. Ч. Валиханов, А. И. Савич, Л. Мейер, Красовский, Н. И. Гродеков, Н. Середа, С. Большой, Ф. Ефремов, С. Б. Броневский, Б. Адлер, Н. Г. Мякушин, А. Бирзе, А. А. Росляков, И. Г. Рознер.

На основе разнообразных сведений и фактических данных Г. И. Семенюк называет и частично описывает оружие, снаряжение и защитные доспехи казахов: луки простые и сложные («тюркские»), колчаны «курамсак», стрелы с четырехгранными бронзовыми и железными наконечниками, копья с трехгранным железным наконечником, укрюки «курык», кривые сабли «кльгч», чеканы и топоры «ай-

балта», плети «камча», дубинки «сойыл», шлемы, кольчуги «саут», панцири, фитильные и кремниевые ружья. Большая часть вооружения была среднеазиатского (Хива, Бухара), калмыцкого, башкирского, монгольского, китайского, персидского и турецкого происхождения [Семенюк, 1969. С. 264–268].

Представляя характер и сущность военной организации и военного искусства казахов, автор указал на то, что они развивались под влиянием своеобразной хозяйственной жизни и социальной организации казахского народа. Постоянное войско отсутствовало, за исключением дружин тюленгутов и других феодально-зависимых людей у отдельных султанов и ханов. Ополчения собирались в случае организации набегов или непосредственной угрозы внешнего вторжения. При этом родоплеменная принадлежность определяла принцип формирования отдельных отрядов. В этих условиях «большие отряды могли быть созданы... лишь путем согласия феодально-родовой верхушки нескольких родов» [Семенюк, 1969. С. 269].

На войне, как показал Г. И. Семенюк, небольшие отряды ополчения возглавлялись старшинами, подчиненными хану, а «предводителями больших отрядов ополчений были султаны или прославившиеся уже батыры». При этом было отмечено, что каждый отряд имел свой родовой значок, а более крупные отряды, объединявшие воинов целого племени, – большое знамя (ту). Отряды имели свои боевые кличи (ураны), как правило, являвшиеся именем какого-нибудь предка или вообще уважаемого сородича [Семенюк, 1969. С. 269].

Таким образом, делает вывод автор, «длительное время сохранявшаяся родоплеменная структура казахского народа была одновременно и формой военной организации казахов. Это давало знати кочевых племен большую силу и вместе с тем создавало определенные преимущества на случай военных столкновений, чему способствовала также сохранявшаяся и в условиях мирного времени дозорная служба. С развитием феодальных отношений ополчение, однако, теряло свое значение, собиралось все реже» [Семенюк, 1969. С. 269–270].

Г. И. Семенюк показал, что тактика военных действий казахов была достаточно разнообразной и гибкой: стремительные конные атаки сочетались с отходом врассыпную, маневрирование с постоянным уклонением от боя, рассредоточение войск на небольшие отряды, обходы и охваты, окружения и засады, а также другие боевые «приемы, воспринятые из векового опыта набегов, охоты и межродовых столкновений» [Семенюк, 1969. С. 271].

Из вышеприведенных суждений Г. И. Семенюка, касающихся военной организации и военного искусства казахов, видно, что они в зна-

чительной мере являются обобщением ряда наблюдений и характеристик, которые были сделаны А. А. Росляковым. В связи с этим интересно привести оценки, которые были даны Г. И. Семенюком публикациям А. А. Рослякова: «Некоторые сдвиги в изучении проблемы наметились лишь в последнее время, с выходом в свет работ А. А. Рослякова “Основные черты военной системы азиатских степняков” и “Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана в VI–XV веках”. В первой из них Росляков обращает внимание на преимущества и недостатки военной системы кочевников-степняков, особенности и основные черты, присущие в определенной степени военной организации казахов-кочевников в изучаемый нами период. Особенно ценны замечания автора об изменениях военной системы кочевников Азии в период расцвета у них феодализма – в XVI–XVIII вв. Однако военное искусство собственно казахов не стало предметом исследования Рослякова» [Семенюк, 1969. С. 263].

Характеризуя подход Г. И. Семенюка к оценке такого тактического приема, как маневрирование, следует обратить внимание на то, как автор трактует обусловившие его причины: «Преобладание маневрирования с постоянным уклонением от боя обусловливалось, очевидно, распространенностью в Казахстане феодальных по своему характеру войн, в которых не были непосредственно заинтересованы широкие слои населения, участвовавшие в них обычно в порядке феодальной повинности» [Семенюк, 1969. С. 270], при этом автор делает ссылку на страницу 13 статьи А. А. Рослякова «Основные черты военной системы азиатских степняков». Однако на странице 13 у А. А. Рослякова читаем прямо противоположное: «Основная масса населения (в V–XIV вв. – Т.А.) еще не лишена права носить оружие и участвовать в войне, хотя это право все более приобретает оттенок своеобразной отработочной повинности в пользу родоплеменной верхушки. Война часто еще затрагивает интересы племени в целом, что обеспечивает заинтересованность и активное участие в ней самых широких слоев населения; но на первое место постепенно выдвигаются феодальные войны с целью захвата земли и для последующей эксплуатации живущего на ней населения» [Росляков, 1951. С. 13].

Таким образом, подход Г. И. Семенюка к трактовке причин маневрирования не является объективным, а характер использования им цитированного суждения А. А. Рослякова далек от критического.

В заслугу автору следует поставить его внимание к вопросу о слабых сторонах военного искусства казахов-кочевников, вытекавших из родоплеменной структуры и принципа формирования народных ополчений. В частности, отмечал Г. И. Семенюк, «далеко не всегда

воины и родоначальники тех или иных родов откликались на призыв к ополчению. Родоплеменной принцип формирования народных ополчений затруднял общее управление войсками. Между отдельными отрядами нелегко было достичь согласованности действий». К этому автор добавляет «слабое развитие ремесел у казахов-кочевников», которое «все более отрицательно сказывалось на развитии их вооружения, качестве и количестве оружия по сравнению с вооружением оседлых народов» [Семенюк, 1969. С. 272].

В целом с публикацией работы Г. И. Семенюка научные представления об оружии, военной организации и военном искусстве казахов в XVII–XVIII вв. претерпели определенные качественные изменения. Этому во многом способствовал и ввод в научный оборот опубликованных и архивных документальных материалов, позволивших получить новые фактические данные и ценные сведения, извлеченные из широкого круга литературных источников.

Заключение

Представленный анализ исследований и публикаций показывает наличие в период с начала 1920-х до начала 1950-х гг. узкого круга работ с ограниченной тематикой. Лишь с появлением статьи В. Куна наблюдается некоторое расширение проблематики научного поиска, военно-исторические изыскания направляются в сторону изучения военной организации, базовых основ генезиса военного дела кочевников.

С начала 1950-х до конца 1960-х гг. благодаря исследованиям А. А. Рослякова и Г. И. Семенюка в историографии военного дела кочевников Казахстана были достигнуты заметные успехи. В том числе: а) выявлены и задействованы материалы письменных, археологических, этнографических и лингвистических источников; б) исследованы ключевые компоненты проблемы: основные виды оружия, формы военной организации, состав войска, характер применения вооружения; в) сформулированы этапы эволюции, характер и содержание степной военной системы; г) заложены концептуальные основы историографии военного дела кочевников Казахстана.

*Материал поступил в редакцию
Received
06.12.2022*

Список литературы

Асфендияров С. Д. История Казакстана (с древнейших времен). Алма-Ата; М., 1935. Т. 1. 228 с.

Бекмаханов Е. Б., Семенюк Г. И. Казахи в крестьянской войне 1773–1775 г.г. // Учен. зап. КазГУ. Т. 54. Сер. Историческая. Вып. 12. Алма-Ата, 1963. С. 59–87.

Бекмаханова Н. Е. Участие казахов Среднего жуза в Крестьянской войне 1773–1775 гг. под предводительством Ем. Пугачева // История, философия, экономика. Алма-Ата, 1964. С. 104–117.

Бекмаханова Н. Е. Отголоски Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева в Младшем жузе (1775 г.) // Обществ. науки. Вып. 7. Алма-Ата, 1965. С. 203–218.

Бекмаханова Н. Е. Участие казахов в осаде Оренбурга // Обществ. науки. Вып. 8. Ч. 2. Алма-Ата, 1965. С. 120–132.

Бекмаханова Н. Е. Легенда о Невидимке: (Участие казахов в Крестьянской войне под руководством Пугачева в 1773–1775 гг.). Алма-Ата: Казахстан, 1968. 280 с.

Бобров Л. А. О казахском влиянии на комплекс вооружения российских казаков в XVII – середине XIX в. // Наследие Л. Н. Гумилева и современная евразийская интеграция. Астана: Изд-во Евраз. нац. ун-та им. Л. Н. Гумилева, 2012. С. 62–64.

Бобров Л. А. Российские казаки и степной копейный бой XVII–XIX вв. // Источники по истории кочевников средневековой Евразии. Материалы VII Междунар. симп.: Тез. Звенигород: Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 2013. С. 18–19.

Бобров Л. А. К вопросу об истоках конного копейного боя российских казаков второй половины XVII – первой половины XIV в. // *Parabellum novum*: Воен.-ист. журн. 2014. № 2 (35). С. 115–147.

Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. Спб., 1875. 254 с.

История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней // Под ред. М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой. Алма-Ата: Казогиз, 1943. 671 с.

История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. 2-е изд., испр. и доп. // Под общ. ред. И. О. Омарова и А.М. Панкратовой. Т. 1. Алма-Ата, 1949. 511 с.

История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата: Наука, 1957. 519 с.

Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Сб. документов и материалов. Алма-Ата: Наука, 1961. 743 с.

Кун К. Н. Черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии // Учен. зап. Ташкент. гос. пед. и учит. ин-та им. Низами. Сер. обществ. наук. Вып. I. Ташкент, 1947. С. 15–32.

Левшин А. И. Описание киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. III. СПб., 1832. 304 с.

Росляков А. А. Из истории военного искусства туркмен (организация преследования в войнах туркмен в XI–XII веках) // Тр. Ашхабад. пед. ин-та им. А. М. Горького. 1947. Вып. 1. С. 48–54.

Росляков А. А. Основные черты военной системы азиатских степняков // Изв. Туркмен. филиала АН СССР. 1951. № 2. С. 11–17.

Росляков А. А. Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана в VI–XV веках // Учен. зап. Туркмен. гос. ун-та. Вып. 21. Ашхабад, 1962. С. 185–244.

Рязанов А. Исторические предпосылки к вопросу о формировании национальных киргизских частей // Сов. Киргизия. 1924. № 3–4. С. 29–42.

Рязанов А. Пугачевское восстание и хан Малой орды Нурали // Сов. Киргизия. 1924. № 8–9. С. 151–155.

Рязанов А. Отголоски пугачевского восстания в киргиз-кайсацкой Малой орде // Советская Киргизия. 1925. № 1. С. 88–101.

Семенюк Г. И. Оружие, военная организация и военное искусство казахов в XVII–XVIII вв. // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX веков. М.: Наука, 1969. С. 263–272.

Сокровенное сказание. М.: АН СССР, 1941.

Чулошников А. П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. 1. Оренбург: Киргизское. гос. изд-во, 1924. 290 с.

Чулошников А. Казак-киргизские кочевые орды и пугачевщина (1773–1774) // Новый Восток. 1929. № 25. С. 201–215.

References

Asfendiyarov S. D. Istoriya Kazakstana (s drevneyshikh vremen). T. 1. Alma-Ata, M., 1935, 228 p. (In Russ.).

Bekmakhanov Ye. B., Semenyuk G. I. Kazakhi v krest'yanskoy voyne 1773–1775 g.g. // Uchenyye zapiski KazGU. T. 54. Ser. istoricheskaya. Вып. 12. Alma-Ata, 1963, pp. 59–87. (In Russ.).

Bekmakhanova N. Ye. Uchastiye kazakhov Srednego zhuza v Krest'yanskoy voyne 1773–1775 g.g. pod predvoditel'stvom Yem. Pugacheva // Istoriya, filosofiya, ekonomika. Alma-Ata, 1964, pp. 104–117. (In Russ.).

Bekmakhanova N. Ye. Otgoloski Krest'yanskoy voyny pod rukovodstvom Ye. I. Pugacheva v Mladshem zhuze (1775 g.) // Obshchestvennyye nauki. Vyp. 7. Alma-Ata, 1965, pp. 203–218. (In Russ.).

Bekmakhanova N. Ye. Uchastiye kazakhov v osade Orenburga // Obshchestvennyye nauki. Vyp. 8. Ch. 2. Alma-Ata, 1965, pp. 120–132. (In Russ.).

Bekmakhanova N. Ye. Legenda o Nevidimke: (Uchastiye kazakhov v Krest'yanskoy voynе pod rukovodstvom Pugacheva v 1773–1775 g.g.). Alma-Ata: Kazakhstan, 1968, 280 p. (In Russ.).

Bobrov L. A. O kazakhskom vliyaniі na kompleks vooruzheniya rossiyskikh kazakov v XVII – seredine XIX vv. // Naslediye L.N. Gumileva i sovremennaya yevraziyskaya integratsiya. Astana: Izd-vo Yevraziyskogo natsional'nogo universiteta im. L.N. Gumileva, 2012, pp. 62–64. (In Russ.).

Bobrov L. A. Rossiyskiye kazaki i stepnoy kopeynny boy XVII–XIX vv. // Istochniki po istorii kochevnikov srednevekovoy Yevrazii. Materialy VII Mezhdunarodnogo simpoziuma: Tezisy. Zvenigorod: Izd-vo Instituta vostoковедения RAN, 2013, pp. 18–19. (In Russ.).

Bobrov L. A. K voprosu ob istokakh konnogo kopeynnogo boya rossiyskikh kazakov vtoroy poloviny XVII-pervoy poloviny XIV v. // Parabellum novum: Voenno-istoricheskiy zhurnal. 2014, №2 (35), pp. 115–147. (In Russ.).

Ivanin M. I. O voyennom iskusstve i zavoyevaniyakh mongolo-tatar i sredneaziatskikh narodov pri Chingis-khane i Tamerlane. Spb., 1875, 254 p. (In Russ.).

Istoriya Kazakhskoy SSR. S drevneyshikh vremen do nashikh dney // Pod red. M. Abdykalykova i A. Pankratovoy. Alma-Ata: Kazogiz, 1943, 671 p. (In Russ.).

Istoriya Kazakhskoy SSR. S drevneyshikh vremen do nashikh dney. 2-ye izd., ispr. i dop. // Pod obshch. red. I.O. Omarova i A.M. Pankratovoy. T. 1. Alma-Ata, 1949, 511 p. (In Russ.).

Istoriya Kazakhskoy SSR. T. 1. Alma-Ata: Nauka, 1957, 519 p. (In Russ.).

Kazakhsko-russkiye otnosheniya v XVI–XVIII vv. Sb. dok i mat. Alma-Ata: Nauka, 1961, 743 p. (In Russ.).

Kun K. N. Cherty voyennoy organizatsii srednevekovykh kochevykh narodov Sredney Azii // Uchen. zap. Tashk. gos. ped. i uchit. in-ta im. Nizami. Ser. obshchestv. nauk. Vyp. I. Tashkent. 1947, pp. 15–32. (In Russ.).

Levshin A. I. Opisanіye kirgiz-kaysatskikh ord i stepey. Ch. III. SPb. 1832, 304 p. (In Russ.).

Roslyakov A. A. Iz istorii voyennogo iskusstva turkmen (organizatsiya presledovaniya v voynakh turkmen v XI–XII vekakh) // Trudy Ashkhabadskogo pedagogicheskogo instituta imeni A.M.Gor'kogo. 1947. Vyp. 1, pp. 48–54. (In Russ.).

Roslyakov A. A. Osnovnyye cherty voyennoy sistemy aziatskikh stepnyakov // *Izv. Turkmen. filiala AN SSSR*. 1951. № 2, pp. 11–17. (In Russ.).

Roslyakov A. A. Voennoye iskusstvo narodov Sredney Azii i Kazakhstana v VI–XV vekakh // *Uchenyye zapiski Turkmenskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vyp. 21. Ashkhabad, 1962, pp.185–244. (In Russ.).

Ryazanov A. Istoricheskiye predposylki k voprosu o formirovani natsional'nykh kirgizskikh chastey // *Sovetskaya Kirgiziya*. 1924. № 3–4, pp. 29–42. (In Russ.).

Ryazanov A. Pugachevskoye vosstaniye i khan Maloy ordy Nurali // *Sovetskaya Kirgiziya*. 1924. № 8–9, pp. 151–155. (In Russ.).

Ryazanov A. Otgoloski pugachevskogo vosstaniya v kirgiz-kaysatskoy Maloy orde // *Sovetskaya Kirgiziya*. 1925. № 1, pp. 88–101. (In Russ.).

Semenyuk G. I. Oruzhiye, voyennaya organizatsiya i voyennoye iskusstvo kazakhov v XVII–XVIII v.v. // *Voprosy voyennoy istorii Rossii XVIII i pervoy poloviny XIX vekov*. M.: Nauka, 1969, pp. 263–272. (In Russ.).

Sokrovennoe skazanie. M.: AN SSSR, 1941.

Chuloshnikov A. P. Ocherki po istorii kazak-kirgizskogo naroda v svyazi s obshchimi istoricheskimi sud'bami drugikh tyurkskikh plemen. Ch. 1. Orenburg: Kirgizskoye. gos. izd-vo, 1924, 290 p. (In Russ.).

Chuloshnikov A. Kazak-kirgizskiy kochevyye ordy i pugachevshchina (1773–1774) // *Novyy Vostok*. 1929. № 25, pp. 201–215.

Сведения об авторе / About the author

Алланиязов Турганбек Кайпназарович,

кандидат исторических наук, профессор Жезказганского университета им. О. А. Байконурова. Республика Казахстан. Улытау. Жезказган. Алашахана 1Б.

Allaniyazov Turganbek K.,

Candidate of Historical Sciences, Professor of Zhezkazgan Baikonurov University. The Republic of Kazakhstan. Ulytau region. City of Zhezkazgan. Alashakhan ave. 1b.

Phone number: 87762204296.

E-mail: klio56@mail.ru

Orchid: 0000-0001-6761-1525

Новые находки предметов конского снаряжения тюркского времени из Кыргызстана*

К. Т. Акматов¹, К. Ш. Табалдиев², Кайрат Белек³

*Кыргызско-Турецкий университет «Манас»,
Кампус им. Ч. Айтматова, микрорайон Джал, Бишкек, 720038, Кыргызстан*

¹ *kunbolot.akmatov@manas.edu.kg*

² *kubatbek.tabaldiev@manas.edu.kg*

³ *kairat.belek@manas.edu.kg*

Аннотация

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот новых находок предметов конского снаряжения тюркского времени, обнаруженных в Кыргызстане. Находки представлены парами роговых псалий, фрагментами уздечного набора, деревянным остовом седла и четырьмя экземплярами стремян. Дается морфологическое описание каждого предмета. Находки происходят из погребений с конем на могильнике Боз-Адыр и поминальной оградки в местности Кош-Дёбё в Иссык-Кульской котловине. Один предмет является случайной находкой из Чуйской долины. Прослежены аналогии среди раннесредневековых комплексов Тянь-Шаня, Южной Сибири и Центральной Азии. Все рассматриваемые предметы входят в круг широко распространенных, «классических» изделий археологии тюркского времени. Однако большинство из них применялось и позже, вплоть до конца I тыс. н. э. На основании сопоставительного анализа, с учетом контекста находок, время изготовления и активного использования рассматриваемых предметов определяется нами в рамках VII–IX вв. н. э. Несмотря на то что все предметы в целом повторяют известные формы, некоторые из них по ряду деталей вполне индивидуальны, что, на наш взгляд, естественно при ручном ремесленном изготовлении. Одним из результатов исследования является графическая реконструкция тюркского уздечного набора.

Ключевые слова

Предметы конского снаряжения, реконструкция узды, тюркское время, Кыргызстан.

* Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер – 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

Благодарности

Археологические раскопки на памятниках Боз-Адыр и Кош-Дёбё были проведены в рамках проекта, поддержанного Кыргызско-Турецким университетом «Манас» в 2013–2014 гг. В полевых работах принимали участие студенты отделения истории вышеназванного университета и д-р Айдай Сулайманова. Всем им авторы выражают свою искреннюю признательность.

Для цитирования

Акматов К. Т., Табалдиев К. Ш., Белек К. Новые находки предметов конского снаряжения тюркского времени из Кыргызстана // *Universum Humanitarium*. 2022. № 1. С. 252–278.

DOI 10.25205/2499-9997-2022-1-252-278

New finds of the horse harness elements of the Turkic period from Kyrgyzstan

К. Т. Akmatov¹, К. Sh. Tabaldiev², Kairat Belek³

*Kyrgyz-Turkish Manas University,
Chyngyz Aitmatov Campus, Djal Microdistrict, Bishkek, 720038, Kyrgyzstan*

¹ *kunbolot.akmatov@manas.edu.kg*

² *kubatbek.tabaldiev@manas.edu.kg*

³ *kairat.belek@manas.edu.kg*

Abstract

The paper presents new finds of the horse harness elements of the Turkic period from Kyrgyzstan. The finds consist of: a pair of antler cheekpieces, bridle fragments, a wooden saddle frame, and four iron stirrups. They come from tombs with human-horse burials at the Boz-Adyr medieval cemetery, and a memorial enclosure at Kosh-Döbö in the Ysyk-Köl depression. One stirrup is a stray find from Chui valley. All finds represent widespread, «classical» items of Turkic period archaeology. They display extensive analogies with materials from burial and memorial complexes of the early Middle Ages in the Tien Shan, Altai, Tyva and Mongolia, i.e. from core Turkic cultural regions. However, most of these types of horse harness artifacts were used up to the end of the 1st millennium ACE. Based on comparative analyses, and taking into account their archaeological context, the horse harness artifacts can be dated to the VII–IX centuries ACE. Despite the fact that all items generally repeat known forms, some of them are quite unique in a number of details, which, in our opinion, is natural in handicraft production. The new materials significantly expand our understanding of the horse harness used by the Kyrgyzstan population in the early Middle Ages. The archaeological context of the discoveries suggests that their manufacturers and/or users were Turkic tribes during the Western Turkic and Turgesh Khaganates.

Keywords

Horse harness items, reconstruction of a bridle, Turkic period, Kyrgyzstan.

Acknowledgments

Archaeological excavations at the Boz-Adyr and Kosh-Döbö sites were carried out in 2013-2014 within the framework of the project supported by Kyrgyz-Turkish Manas

University. Students of the Kyrgyz-Turkish Manas University History Department, and Dr. Sulaimanova Aidai took part in the excavations. The authors express their sincere gratitude to all of them.

For citation

Akmatov K. T., Tabaldiev K. Sh., Belek K. New finds of the horse harness elements of the Turkic period from Kyrgyzstan // *Universum Humanitarium*. 2022. № 1. P. 252–278. DOI 10.25205/2499-9997-2022-1-252-278

Введение

Значительное место в научном творчестве Юлия Сергеевича Худякова, выдающегося ученого и нашего учителя¹, занимала археология тюркской эпохи Кыргызстана. Начиная с конца 1980-х по 2020 г. им совместно с кыргызскими археологами, в том числе и с авторами настоящей статьи, проводились полевые работы по исследованию средневековых памятников в Нарынской, Иссык-Кульской и Таласской областях Кыргызстана; изучались вещественные находки, хранящиеся в частных и музейных коллекциях страны. Результатом этой работы стали многочисленные статьи, рассматривающие разные аспекты тюркской археологии, и совместная монография Ю. С. Худякова и К. Ш. Табалдиева «Древние тюрки на Тянь-Шане», вышедшая в издательстве Института археологии и этнографии СО РАН в 2009 г. (см. [Юлий Сергеевич Худяков: Биобиблиография, 2008; Худяков, Табалдиев, 2009; Электронный ресурс Юлий Сергеевич Худяков]).

Новые находки, обнаруженные в Кыргызстане в последние годы, в значительной степени дополняют характеристику материальной культуры тюркского времени Тянь-Шаня, данную в этих работах. Целью настоящей статьи является введение в научный оборот новых материалов по конскому снаряжению, обнаруженных в ходе археологических исследований, проведенных сотрудниками Кыргызско-Турецкого университета «Манас» в Иссык-Кульской и Чуйской областях Кыргызстана в 2013–2014 гг. Для достижения поставленной цели следует дать описание находок и выявить их аналоги, обнаруженные в комплексах других регионов. Одним из результатов исследования является графическая реконструкция уздечного набора тюркского времени.

¹ Два автора настоящей работы защищали свои кандидатские диссертации под руководством Ю. С. Худякова: К. Ш. Табалдиев в 1994 г. на тему «Эволюция погребального обряда кочевников Внутреннего Тянь-Шаня в средние века»; К. Т. Акматов в 2017 г. на тему «Вооружение и конское снаряжение кочевников Тянь-Шаня в монгольское время».

Материалы и исследования

Предметы конского снаряжения, рассматриваемые в данной статье, представлены: парами роговых псалий, остатками уздечного набора в виде кожаных ремней и бронзовых накладок, деревянным остовом седла и четырьмя единицами стремян. Одно стремя является случайной находкой из Чуйской долины. Остальные предметы происходят из тюркских погребений и поминальной оградки в памятниках Боз-Адыр и Кош-Дёбё в Иссык-Кульской котловине (рис. 1).

Пара роговых стержневых псалиев из кургана 19 могильника Боз-Адыр дошла до нас в относительно хорошем состоянии, но связанные с ними удила, сохранившиеся во рту коня, сильно корродированы, что не позволяет определить их форму (рис. 2). Псалии имеют округлую в сечении верхнюю часть, заканчивающуюся шаровидной головкой, и уплощенную нижнюю. Они снабжены двумя овальными отверстиями, расположенными на расстоянии 2,3–2,4 см друг от друга. Псалии ассиметричны по отношению друг к другу: у одного из них отверстия расположены на широкой грани, у другого – на узкой; один из них изогнут по узкой грани, а другой – по широкой. Нижний конец одного из псалиев частично обломан. Длина псалиев 14,3 см и 14,6 см (рис. 2, 1, 2).

Описанные псалии входят в круг широко распространенных изделий, известных со скифского времени. Наиболее древние стержневые двудырчатые псалии из дерева происходят из пазырыкских курганов Алтая, которые, по мнению М. П. Грязнова, в быту делались из металла и рога [Грязнов, 1950. С. 54–55]. Аналогичные изделия из дерева и рога были в употреблении и в хунно-сарматское время, что подтверждается находками из памятников Южной Сибири [Кызласов, 1960. С. 130. Рис. 47, 3; Соенов, 1998. С. 97–98]. Роговые двудырчатые псалии достаточно часто встречаются в комплексах тюркского времени в Центральной Азии и Южной Сибири. Они настолько характерны, что считаются одной из датирующих вещей кудыргинского этапа (VI–VII вв. н. э.) тюркской культуры [Гаврилова, 1965. С. 80; Вайнштейн, 1966. С. 326; Овчинникова, 1990. С. 97–98; и др.]. В последующий катандинский период (VII–VIII вв. н. э.) стержневые двудырчатые псалии снабжались П-образными железными скобами, на которые прикреплялись ремни оголовья и повод [Гаврилова, 1965. С. 80; Могильников, 1994. С. 37, 40].

Однако в научной литературе существует и иная точка зрения, согласно которой роговые двудырчатые псалии применялись ранне-средневековыми тюрками «на протяжении достаточно длительного

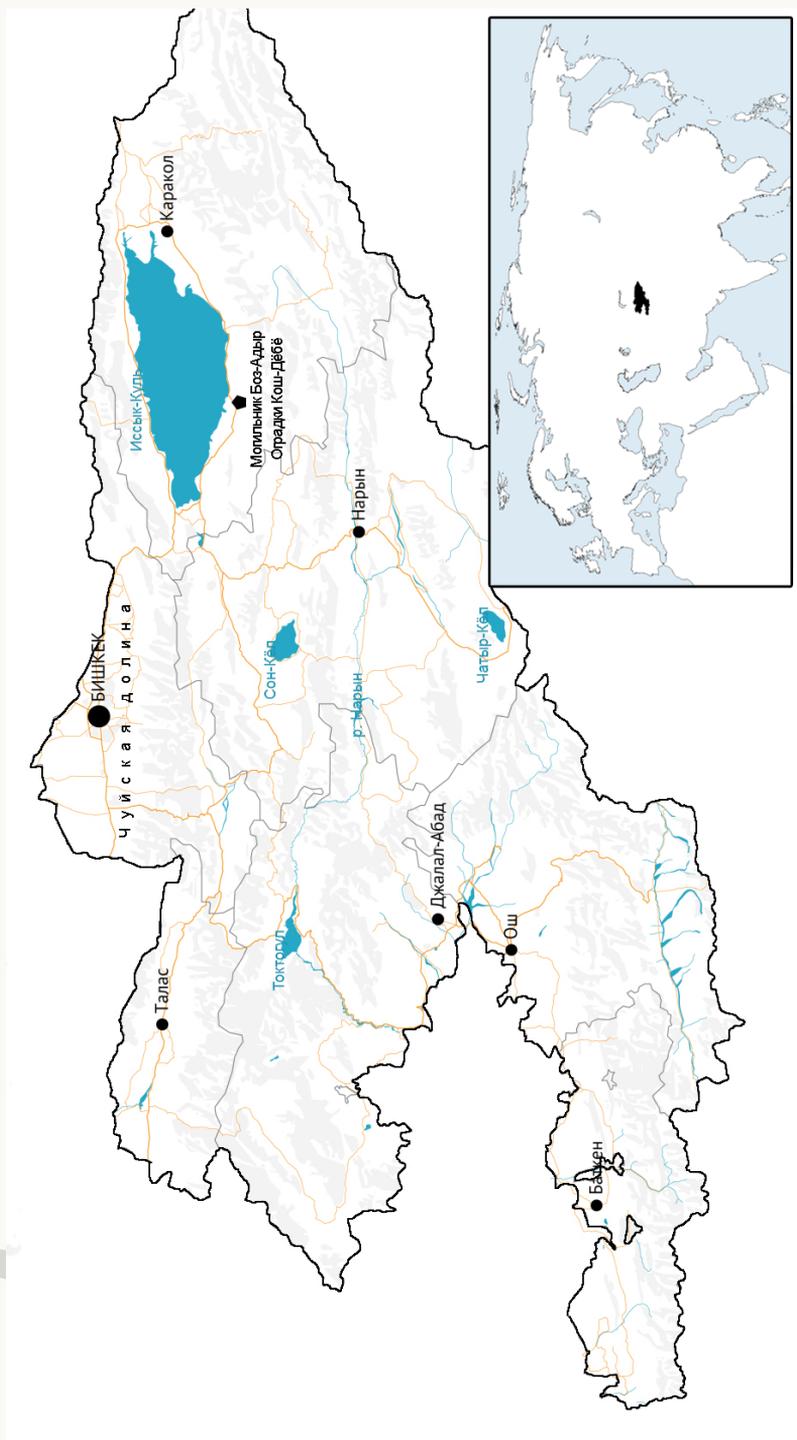

Рис. 1. Место нахождения предметов конского снаряжения, рассматриваемых в настоящей работе
Fig. 1. Location of items of horse equipment considered in this paper

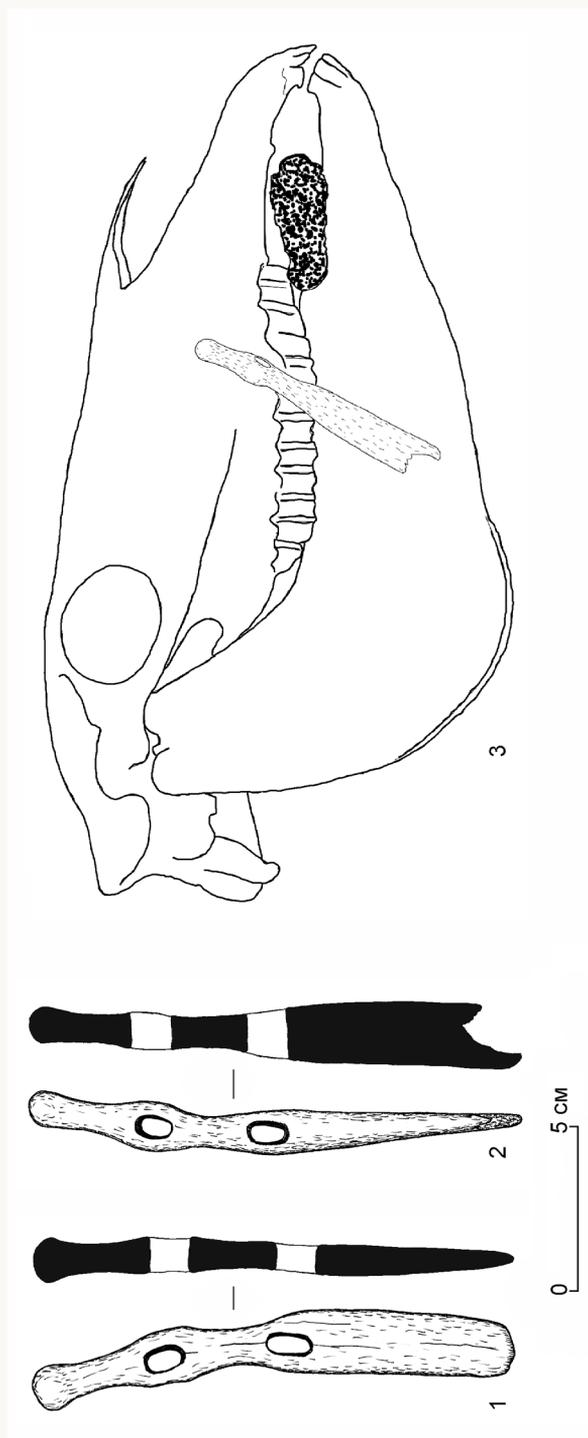

Рис. 2. Изображения роговых псалий (1-2) и черепа коня, на боку которого сохранился один из псалиев, а в челюстях – сильно корродированные удила (3). Курган 19, могильник Боз-Адыр

Fig. 2. Images of horn cheek-pieces (1-2) and the skull of a horse, on the side of which one of the cheek-pieces has been preserved, and in the jaws there are heavily corroded bits (3). Kurgan 19, burial ground Boz-Adyr

периода». По данным Ю. С. Худякова, из тюркских погребений Минусинской котловины VIII–X вв. н. э. известны стержневые слабоизогнутые роговые псалии, снабженные двумя отверстиями [Худяков, 2004. С. 70. Рис. 59, 2; 60, 1]. Автор отмечал, что «присутствие роговых псалий не может считаться ранним признаком» [Там же. С. 88]. Похожего мнения придерживается и археолог Г. В. Кубарев. Им в одном из погребений могильника Юстыд XII на Алтае, отнесённом к VIII в. н. э., были найдены деревянные двудырчатые псалии «кудыргинского типа» [Кубарев, 2005. С. 120–121. Рис. 34, 1].

Что же касается аналогов рассматриваемым псалиям из могильника Боз-Адыр, то большинство из них датируется в рамках VI–VIII вв. н. э. Типологически близкие изделия ранее находили в тюркских погребениях Кыргызстана. Здесь стержневые двудырчатые роговые псалии, скошенные к концам, были обнаружены вместе с железными удилами с однокольчатыми окончаниями звеньев, которые были датированы эпохой Первого Тюркского и Западнотюркского каганатов (VI–VII вв. н. э.) [Табалдиев, 1996. С. 37; Худяков, Табалдиев, 2009. С. 93].

Близкие по форме предметы встречались в тюркских комплексах Алтая. Прежде всего следует отметить роговые двудырчатые псалии из погребений VI–VII вв. н. э. эпонимного памятника Кудырге [Гаврилова, 1965. С. 32, 80. Табл. VII, 1; XX, 36]. К этому же периоду относятся аналогичные изделия из могильника Узунтал, которые, по мнению Д. Г. Савинова, являются «наиболее архаичными из всех известных костяных псалий этого типа» [Савинов, 1982. С. 113]. Одни из псалиев, наиболее близких по форме к бозадырским, происходят из могильника Кара-Коба I на Алтае. Здесь под одной из кольцевых оградок был обнаружен костяк лошади, во рту которой сохранились железные однокольчатые удила с костяными двудырчатыми псалиями [Могильников, 1994. С. 103. Рис. 19]. На основании анализа комплекса находок, в том числе и по «характерным стержневым костяным псалиям», эти оградки были отнесены к кругу памятников «кудыргинского типа» V–VI вв. н. э. [Там же].

К более позднему периоду были отнесены аналогичные бозадырским изделиям псалии из памятников Северного Алтая. К VII – началу VIII вв. н. э. были отнесены роговые двудырчатые стержневые псалии, происходящие из могильника Осинкинский [Савинов, 2000. С. 171. Рис. II, 17]. Примерно этим же периодом датируются роговые двудырчатые псалии из памятника Чумыш-Пережат [Фрибус, Грушин, 2021. Рис. 2, 5, 8. С. 344]. Несколько шире, VI–VIII вв. н. э., были датированы аналогичные изделия, обнаруженные в могильнике Горный-10 на Северном Алтае [Серегин и др., 2019. С. 19].

Можно и далее расширять круг аналогов бозадырским псалиям, но здесь мы ограничимся лишь упоминанием наиболее близких по форме изделий, происходящих из известных могильников тюркской культуры в Тыве. Речь идет о памятниках Кокэль и Аргалыкты, где также были обнаружены роговые двудырчатые псалии, отнесенные к VI–VII вв. н. э. [Вайнштейн, 1966б. С. 303. Табл. VI, 3; Трифонов, 2013. С. 59–60].

Таким образом, почти все приведенные здесь аналоги бозадырским псалиям датируются VI–VIII вв. н. э. При этом большинство исследователей относит такие изделия к кругу памятников «кудыргинского типа» и датируют VI–VII вв. н. э. Учитывая достаточно «развитую» форму наших псалий и общую хронологию тюркских памятников Тянь-Шаня, мы датируем их периодом VII–VIII вв. н. э.

На черепе коня и вокруг него из погребения 2 под курганом 10 могильника Боз-Адыр сохранились *фрагменты узды с бронзовыми накладками*. На правом боку черепа животного зафиксированы остатки нащечного, наносного и короткого ремня, первоначально принятого нами за подгубный (рис. 3, 1; 4, 2). Последний, судя по срезанным ровным краям, не является им, а, видимо, связывал нащечный ремень с нижним отверстием двудырчатого псалия типа рассмотренного выше (рис. 5). В местах перекрещивания нащечного с наносным и коротким ремнями сохранились округлые плоские накладки диаметром 1,2–1,3 см, крепившиеся к ним с помощью одного шпенька (рис. 4, 7). Рядом с ними на ремнях сохранились следы от других аналогичных накладок. У моляров коня были обнаружены две бронзовые накладки с трапециевидным щитком и сердцевидным концом, видимо, крепившихся к нащечному ремню (рис. 4, 9). На левом боку черепа животного сохранились фрагменты нащечного, наносного и короткого ремня, связывавшего нащечный ремень с нижним отверстием двудырчатого псалия (рис. 3, 2; 4, 1). В местах перекрещивания последних были зафиксированы более крупные (диаметром 1,7–1,8 см) округлые накладки с выпуклой поверхностью (рис. 4, 8). Они крепились к ремням с помощью одного шпенька. Слева от черепа были обнаружены фрагменты трех ремней, два из которых были завязаны узлом, а третий был продет во второй (рис. 4, 3). Видимо, они являются остатками подбородочного и нащечного ремней. Слева от черепа коня были обнаружены две накладки с трапециевидным щитком и сердцевидным концом, аналогичные обнаруженным на правом боку животного. Здесь же был зафиксирован сильно окислившийся фрагмент железа, возможно, от пряжки затылочного ремня уздечки. В районе черепа

Рис. 3. Остатки уздечки на черепе коня. Погребение 2 кургана 10, могильник Боз-Адыр

Fig. 3. Remains of a bridle on a horse's skull.
Burial 2, kurgan 10, burial ground Boz-Adyr

коня были обнаружены еще две бронзовые накладки с трапециевидным щитком и сердцевидным концом.

Все сохранившиеся ремни уздечки состоят из двух слоев, прошитых по краям сухожильными нитями. Ширина ремней 1,3–1,5 см. На перекрестьях ремни продевались один сквозь другой.

Набор бронзовых накладок, обнаруженных в этом погребении, состоит из четырех округлых накладок и шести с трапециевидным щитком и сердцевидным концом. Все они гладкие, без орнамента. Часть из них сохранилась непосредственно на ремнях. Судя по следам на ремнях, не хватает по крайней мере десяти округлых накладок.

В целом рассматриваемые накладки относятся к общераспространенным формам, не имеющим ни хронологической, ни культурной привязки. На Тянь-Шане округлые гладкие накладки с одним шпеньком, аналогичные бозадырским, известны среди подъемного материала из средневековых городищ Чуйской и Таласской долин [Торгоев, 2011. Рис. 19, 4, 7]. Близкие по форме изделия, украшавшие как уздечку, так и наборный пояс, происходят из комплексов тюркской и близких к ней культур Алтая [Гаврилова, 1965. Табл. XII, 7; Табл. XV, 10; Табл. XV, 9; Серегин и др., 2019. С. 27. Рис. 8, 1–10]. Что же касается накладок с трапециевидным щитком и сердцевидным концом, то близкие им по форме, но не тождественные изделия известны, например, как в материалах Боспора IV–V вв. н. э. на западе [Засецкая, 1979. Табл. 6], так и из средневековых комплексов Алтая на востоке [Ковалевская, 1990. Рис. 4, 24; Худяков, 2007. Рис. 29, 5]. Аналогичные, но опять же не тождественные накладки сохранились на ремнях уздечек из погребений VI–VII вв. на Алтае и в Тыве [Гаврилова, 1965.

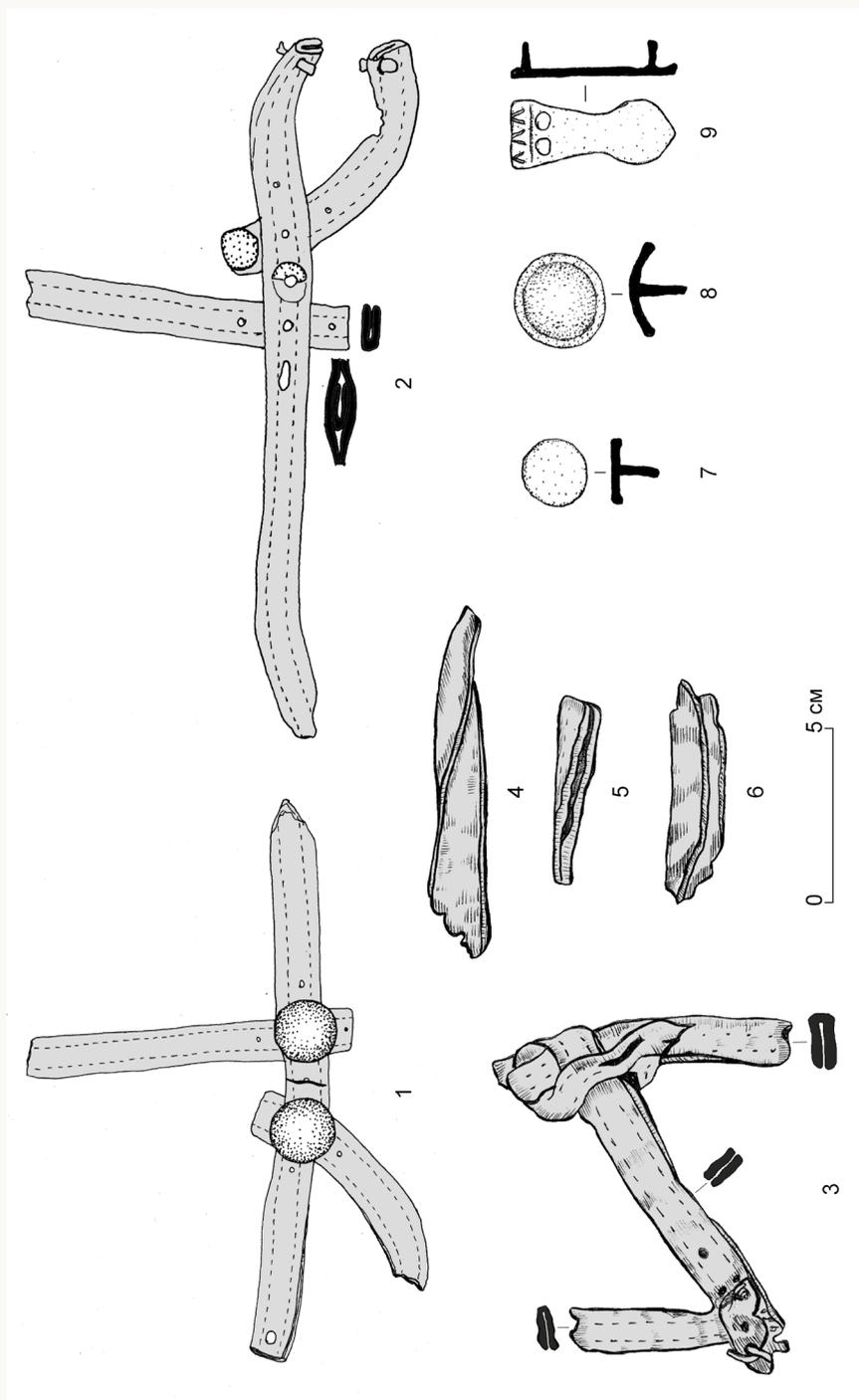

Рис. 4. Остатки уздечного ремней (1-6) и бронзовые накладки (1, 2, 7-9). Погребение 2 кургана 10, могильник Боз-Адыр
Fig. 4. Remains of a bridle belt (1-6) and bronze linings (1, 2, 7-9). Burial 2, kurgan 10, burial ground Boz-Adyr

Табл. XIV, 8; Вайнштейн, 1966б. С. 313. Табл. IX, 2]. Следует отметить, что стилистически бозадырские накладки наиболее близки декоративным деталям катандинского этапа тюркской культуры с гладкой, неорнаментированной поверхностью [Савинов, 1982. С. 115–116].

Благодаря сохранившимся на черепе коня фрагментам ремней, а также на основании принципа симметрии мы можем восстановить первоначальный облик бозадырской узды. В реконструированном виде она состоит из нащечных, затылочного, налобного, подбородочного и наносного ремней. Оголовье было снабжено коротким ремнем, связывавшим нащечный ремень с нижним отверстием двудырчатого псаля. В местах перекрещивания нащечного ремня с наносным и коротким ремнями плотно крепились округлые накладки. На перекрестьи нащечных с налобными ремнями, возможно, располагалось по одной округлой накладке, а вокруг нее – накладки с трапециевидным щитком и сердцевидным концом. Затылочный ремень, вероятно, был снабжен железной пряжкой, с помощью которой регулировалась длина оголовья, а подбородочный ремень слева завязывался в узел (рис. 5).

Обращает внимание ассиметричность в оформлении бозадырской узды. Так, на её левой стороне зафиксированы более крупные округлые накладки с выпуклой поверхностью, в то время как на правой стороне узды располагались меньшие по размеру округлые накладки с плоской поверхностью. Находки ассиметрично отделанных конских оголовий ранее были обнаружены в тюркских комплексах Тянь-Шаня и Алтая. По мнению Ю. С. Худякова и К. Ш. Табалдиева, при верховой езде «левая сторона, с которой осуществлялась посадка всадника в седло, считалась «парадной» и украшалась бляшками более обильно, нежели правая» [Худяков, Табалдиев, 1999. С. 56].

Деревянный остов седла из погребения 2 под курганом 10 могильника Боз-Адыр дошел до нас в плохой сохранности. Все детали седла, кроме передней луки, фрагментированы, но общая их форма в положении *in situ* улавливалась. Седло было помещено на тело лошади передней лукой в сторону крупа, задней лукой – к голове коня (рис. 6, 1). Это уже второй известный на Тянь-Шане случай, когда седло было обнаружено в таком необычном положении [Табалдиев, 1996. С. 35; Худяков, Табалдиев, 1999. С. 50–51; Худяков, Табалдиев, 2009. С. 88]. Согласно интерпретации Ю. С. Худякова, погребенные в этих могилах «за какие-то прижизненные деяния должны были проделать путь в мир иной, сидя в седле спиной вперед» [Там же; Худяков, 2004. С. 48].

Бозадырское седло состоит из четырех деталей: передней и задней луки и двух полок, скрепившихся между собой при помощи кожа-

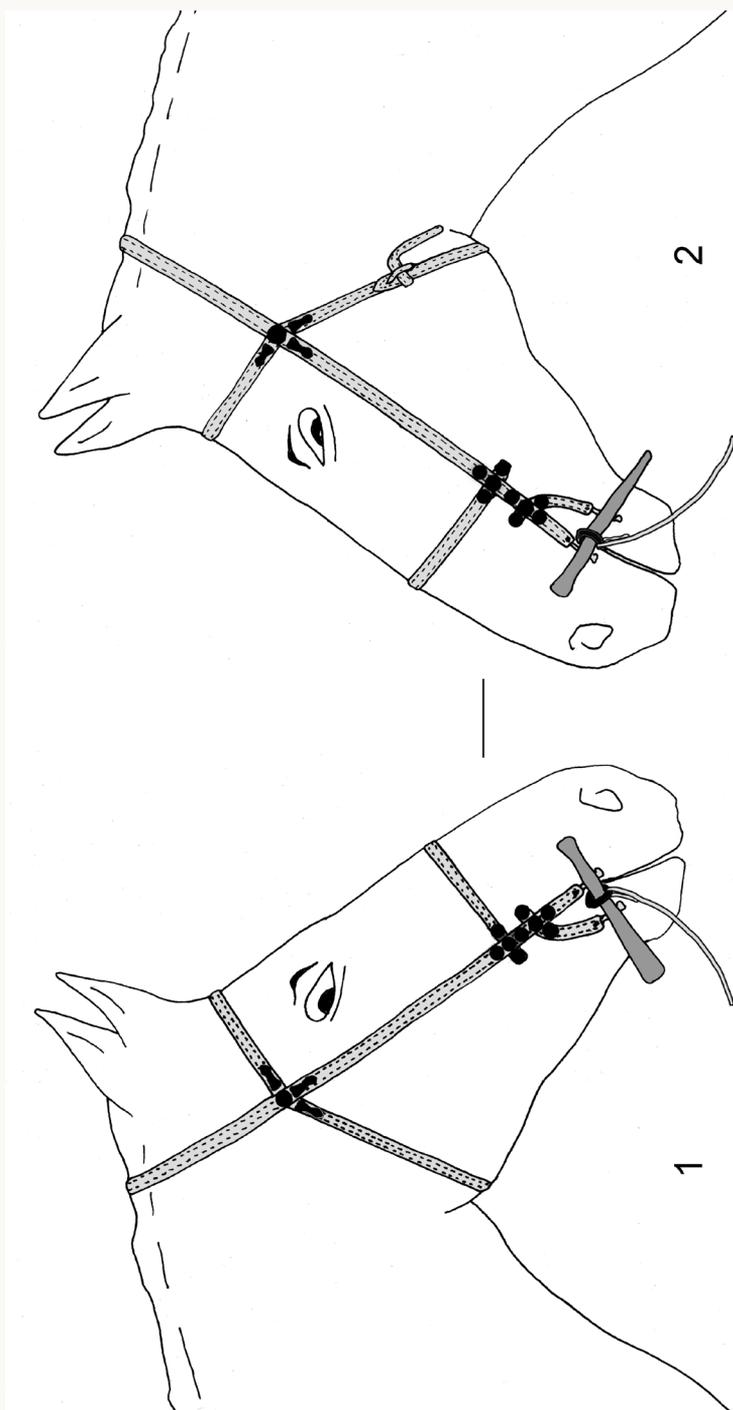

Рис. 5. Реконструкция уздечки по материалам погребения 2 под курганом 10 могильника Боз-Адър
Fig. 5. Reconstruction of the bridle based on materials from burial 2 under mound 10 of the Boz-Adyr burial ground

ных ремешков через сквозные отверстия. Ленчик имеет относительно высокую дуговидную переднюю и низкую заднюю луки. Полки снабжены округлыми лопастями по нижнему краю и врезами, образующими вертикальный уступ в передней и наклонный волнообразный в задней части. К этим уступам крепились луки. Поверхность полок ленчика вогнута, образуя сиденье для всадника. В середине полок имеется удлиненно-овальное отверстие для стремянного ремня (рис. 6, 2; 7).

Описанное изделие входит в круг тюркских седел, происходящих из ряда комплексов Средней и Центральной Азии и Южной Сибири. Одним из самых характерных признаков этих изделий является наличие округлой лопасти на их полках. Впервые несколько таких седел были обнаружены С. И. Вайнштейном в могильнике Кокэль в Тыве [Вайнштейн, 1966а. С. 60–81; Вайнштейн, 1966б. С. 292–347]. Вариации в форме их деталей, особенно полок, послужили основой для выделения разных типов этих изделий и построения их периодизации. Так, например, седла с выделенными лопастями на полках третьего и четвертого типов, близкие по форме к соответствующим деталям бозадырского ленчика, были отнесены к VII–X вв. н. э. [Там же]. Однако по форме передней луки бозадырский ленчик близок к кокэльским седлам первого типа, датированным VI–VII вв. н. э. [Там же]. Как отмечалось ранее некоторыми исследователями, скорее всего, разные типы кокэльских седел могли использоваться одновременно [Кызласов, 1979. С. 138; Овчинникова, 1990. С. 100–105]. Об этом свидетельствует находка деревянного ленчика с разными по форме полками, происходящего из могильника Аймырлыг в Тыве, отнесенного к VIII–IX вв. н. э. [Овчинникова, 2013а. Табл. VII].

Из тюркских погребений могильников Аргалыкты и Даг-Аразы в центральной Тыве происходят несколько деревянных ленчиков, отнесенных по аналогии с кокэльскими седлами к VII–VIII вв. н. э. и VIII–IX вв. н. э. соответственно [Трифонов, 2013. С. 65; Овчинникова, 2013б. С. 154. Табл. XV]. Деревянный остов от аналогичного рассматриваемому бозадырскому предмету седла был найден в тюркском погребении могильника Джолин III на Алтае [Кубарев, 2005. С. 125. Рис. 36, 1]. По мнению Г. В. Кубарева, седла с лопастями на полках использовались в течение всей второй половины I тыс. н. э. [Там же].

Рассматриваемая бозадырская находка пополняет одну из самых значительных коллекций верховых седел с ареала распространения тюркской культуры в раннем Средневековье. К настоящему времени на территории Кыргызстана обнаружено около 20 деревянных ленчиков из погребений с конем и поминальных оградок, которые были

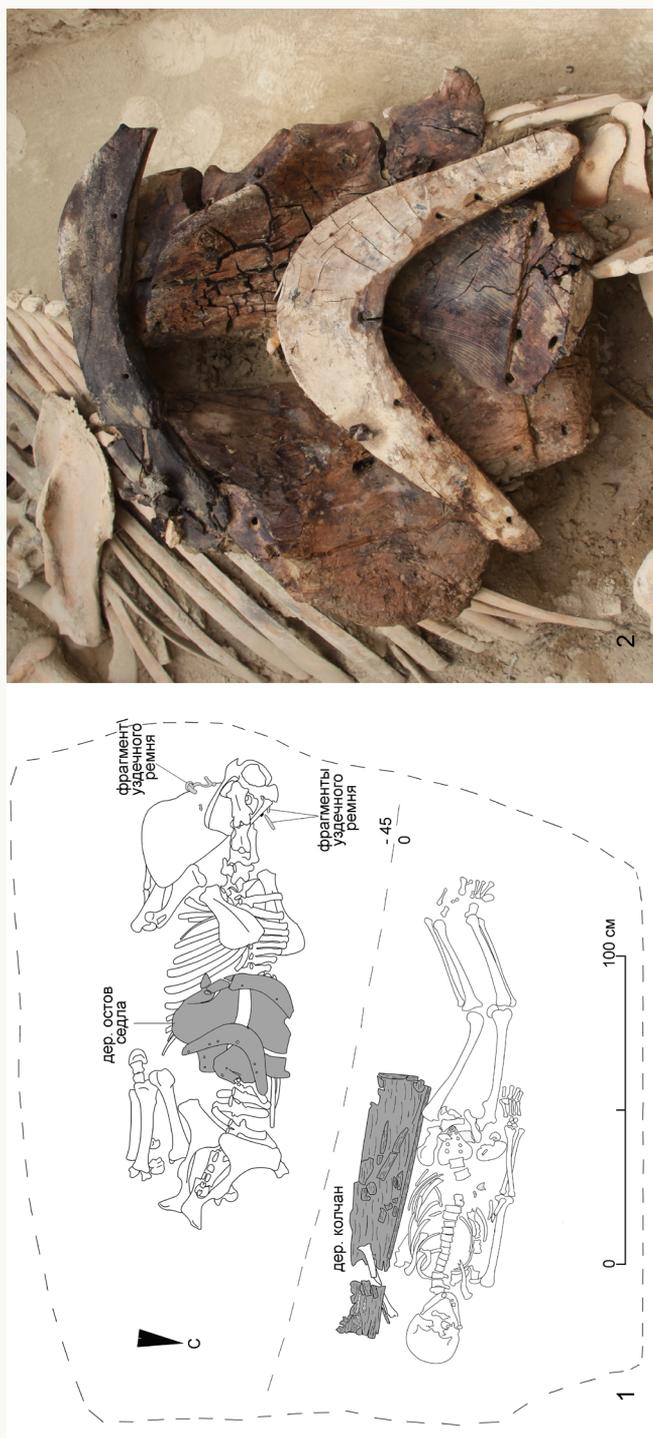

Рис. 6. План погребения 2 под курганом 10 (1) и деревянный остов седла (2). Могильник Боз-Адыр
Fig. 6. Plan of burial 2 under barrow 10 (1) and a wooden skeleton of a saddle (2). Boz Adyr burial ground

подробно рассмотрены в работах Ю. С. Худякова и К. Ш. Табалдиева [Табалдиев, 1996. С. 35; Худяков, Табалдиев, 1999. С. 50; Худяков, Табалдиев, 2009. С. 88–89]. Все тянь-шанские седла, как и бозадырское, относятся к типу тюркских с характерной лопастью на полках ленчика. Следует отметить, что в форме отдельных деталей ленчиков, прежде всего лук, наблюдаются отдельные вариации, что, на наш взгляд, естественно при ручном ремесленном изготовлении. Собственно, по этой же причине нам кажется вполне вероятным синхронное существование выделенных археологами разных типов тюркских седел.

Все сказанное позволяет нам датировать бозадырское седло в рамках VII–IX вв. н. э. – временем наиболее широкого распространения тюркской культуры на Тянь-Шане. При этом, судя по массовости находок седел и единичности тюркских комплексов VI в. н. э. на Тянь-Шане [Кляшторный, Савинов, 2005. С. 208], а также по облику находок из могильника Боз-Адыр, наиболее вероятной датой рассматриваемого седла, по-видимому, является VII–VIII вв. н. э. Такая датировка не противоречит данным танских изобразительных источников, где отображены аналогичные седла. Например, на барельефах гробницы императора Тай-цзуна, выполненных в 637 г. н. э., запечатлены седла с лопастями [Xiuqin Zhou, 2009. Fig. 31, 32].

Стремена из нашей коллекции, представленные в четырех экземплярах, по материалу изготовления относятся к группе железных. По форме петли выделяется три типа: стремя с петельчатым ушком (2 экз.); стремя с пластинчатым ушком на шейке (1 экз.); стремя с пластинчатым ушком без шейки (1 экз.). Одно стремя с петельчатым ушком, происходящее из могильника Боз-Адыр, дошло до нас во фрагментах, но общая его форма поддается восстановлению. Стремена с пластинчатым ушком на шейке и без шейки, обнаруженные в одной из коллективных оградок Кош-Дёбё, несмотря на сильную корродированность, сохранились в целости. Одно стремя с петельчатым ушком, относящееся к числу случайных находок из Чуйской долины, дошло до нас в относительно хорошем состоянии.

Тип 1. Стремена с горизонтально вытянутым петельчатым ушком, известные также под названием восьмерковидных, в нашей коллекции представлены двумя экземплярами. По ряду особенностей в деталях рассматриваемые изделия относятся к двум вариантам. Вариант 1 – стремя с арочным проемом, сомкнутой шейкой и изогнутой плоской подножкой, края которой загнуты вниз (рис. 8, 1). Оно сделано из округлого в сечении железного прута. Данное стремя происходит из погребения под курганом 15 могильника Боз-Адыр. Вариант 2 – стремя с округлым проемом, несомкнутой шейкой и изогнутой

плоской подножкой, снабженной нервюрой (рис. 8, 2). На подножку снаружи нанесены елкообразные насечки, где нервюра представляет ствол елки. Стремя изготовлено из прямоугольного в сечении железного прута. Оно является случайной находкой из Чуйской долины.

Стремена с петельчатым ушком широко использовались на просторах Евразии во второй половине I тыс. н. э. [Гаврилова, 1965. С. 34; Вайнштейн, 1966а. С. 32; Кызласов, 1969. С. 20; Могильников, 1981. С. 40; Овчинникова, 1990. С. 108; Худяков, Табалдиев, 2009. С. 91; Могильников, 2002. С. 94]. Они являются самым распространенным типом стремян из тюркских комплексов Тянь-Шаня [Табалдиев, 1996. С. 7, 38; Худяков, Табалдиев, 2009. С. 54, 91]. Исследователи отмечают ряд эволюционных изменений в конструкции восьмерковидных стремян, происходивших в течение второй половины I тыс. н. э. Так, принято считать, что стремяна с овальным контуром дужки, узкой подножкой и вертикально вытянутой петлей наиболее характерны для более раннего периода [Амброз, 1973. С. 86–87; Васютин, 1994. С. 59–61; Серегин, 2017. С. 13], тогда как изделия с арочным контуром дужки, широкой подножкой и горизонтально вытянутой петлей типичны для более позднего времени существования тюркской культуры [Могильников, 1981. С. 40. Рис. 19, 72, 102; Васютин, 1994. С. 59–61; Серегин, 2017. С. 12. Рис. 1]. Однако при рассмотрении единичных экземпляров стремян, как в нашем случае, было бы опрометчиво строго опираться на это интересное наблюдение. Тем более что рассматриваемые нами изделия включают как архаичные (узкая подножка), так и поздние (горизонтально-вытянутая петля, ребро жесткости на подножке, арочный контур дужки) признаки. Учитывая это, а также общую хронологию тюркских памятников Тянь-Шаня, рассматриваемые нами стремяна с петельчатым ушком мы датировем в рамках VII–IX вв.

Ряд исследователей, опираясь на характерный меньший размер восьмерковидных стремян, а также частую встречаемость их в рядовых погребениях, прежде всего женщин и детей, отмечали, что они использовались преимущественно представителями именно данной половозрастной категории и легковооруженными всадниками [Неверов, 1998. С. 149; Кубарев, 2005. С. 133; Серегин, 2017. С. 12]. Наши данные в целом не противоречат такой интерпретации.

Тип 2. Стремя с пластинчатым ушком на шейке представлено единственным экземпляром. Оно имеет арочный проем дужки, изогнутую плоскую подножку, снабженную снаружи нервюрой, а также пластинчатое подпрямоугольное ушко на шейке, в центре которого пробито подтрапециевидное отверстие для путлища (рис. 8, 3). Стре-

мя изготовлено из округлого в сечении железного прута. Оно было обнаружено в одной из коллективных оградок тюркского времени вместе со скелетом коня в памятнике Кош-Дёбё на южном берегу озера Иссык-Куль.

Как и изделия предыдущего типа, стремяна с пластинчатым ушком на шейке были в широком употреблении во второй половине I тыс. н. э. [Гаврилова, 1965. С. 34. Табл. VII; Кызласов, 1969. С. 20; Овчинникова, 1990. С. 109–110; Могильников, 1994. С. 111. Рис. 7; Могильников, 2002. С. 94. Рис. 211; Худяков, 2004. С. 71. Рис. 63; Кубарев, 2005. С. 131. Рис. 37; Серегин, 2017. С. 12. Рис. 2]. Они являются одним из трех основных типов стремян, происходящих из известных археологических комплексов тюркских культур² в Центральной и Средней Азии, Южной Сибири. Аналогичные изделия ранее находили и в погребениях с конем на Тянь-Шане [Табалдиев, 1996. С. 39. Рис. 7, 4; Худяков, Табалдиев, 2009. С. 92]. Однако среди массы стремян с пластинчатым ушком на шейке из памятников тюркских культур выделяются несколько вариантов, отличающихся друг от друга преимущественно размерами деталей. Среди них кошдёбёйскому изделию наиболее близки, например, стремяна с вертикально вытянутым пластинчатым ушком из тюркских памятников Монголии, датируемых второй половиной VII–IX вв. н. э. [Серегин, 2017. С. 12–13]. Следует отметить, что рассматриваемое нами стремя, как и изделия типа 1, имеет как архаичные (сравнительно длинное пластинчатое ушко, узкая подножка), так и более поздние (арочный проем дужки, массивный размер) признаки [Амброз, 1973. С. 86–87; Васютин, 1994. С. 59–61; Серегин, 2017. С. 12–13; Могильников, 1981. С. 40]. Учитывая вышесказанное, а также контекст находки, мы можем датировать кошдёбёйское стремя VII–IX вв. н. э. Такая датировка не противоречит данным танских изобразительных источников, где на статуях и стелах VII–VIII вв. запечатлены стремяна с округлыми или арочными дужками с пластинчатой петлей на шейке [Амброз, 1973. Рис. 2, 16–18, 25–28].

Тип 3. Стремя с пластинчатым ушком без шейки в нашей коллекции представлено единственным экземпляром. Оно имеет овальный контур дужки, изогнутую плоскую широкую подножку и пластинчатое подпрямоугольное ушко без шейки, в центре которого пробито овальное отверстие для путлища (рис. 8, 4). Стремя сделано из округлого в сечении железного прута. Оно, как и стремя типа 2, происхо-

² В широком понимании этого термина (см. об этом [Кляшторный, Савинов, 2005. С. 184]).

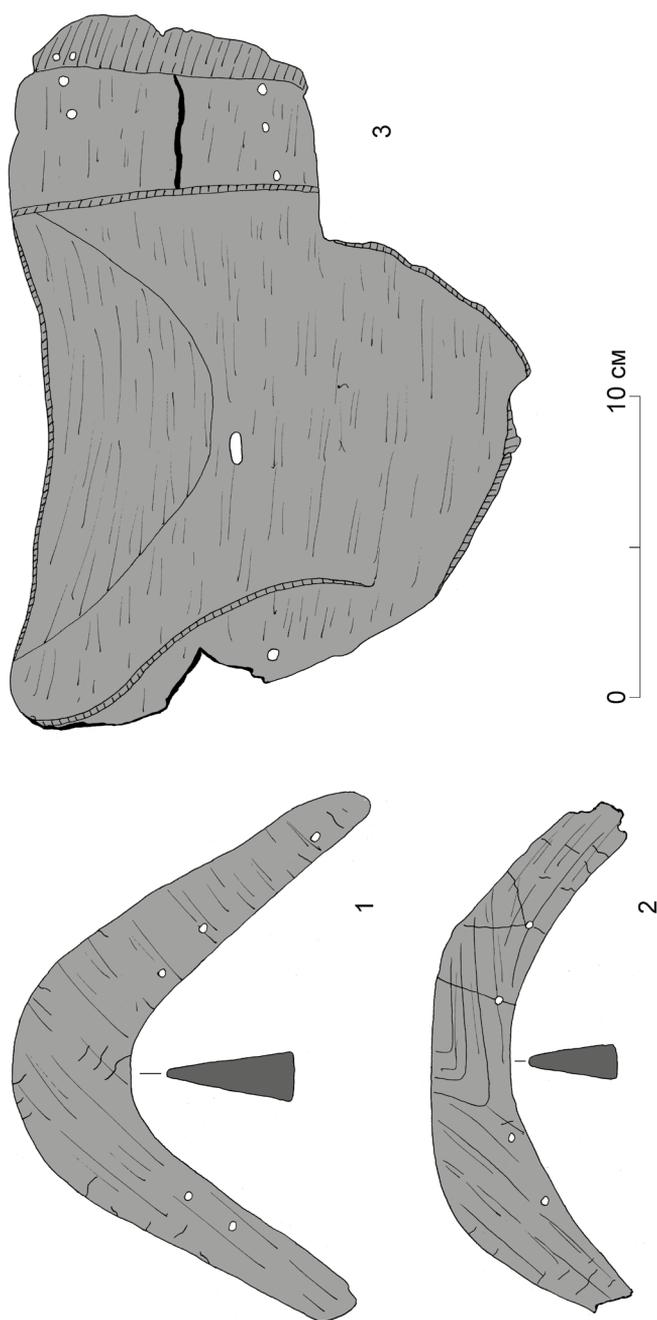

Рис. 7. Детали седла: 1 – передняя лука; 2 – задняя лука; 3 – правая полка. Погребение 2 под курганом 10 могильника Боз-Адыр
Fig. 7. Saddle details: 1 - front pommel; 2 - rear bow; 3 - right shelf. Burial 2 under mound 10 of the Boz-Adyr burial ground

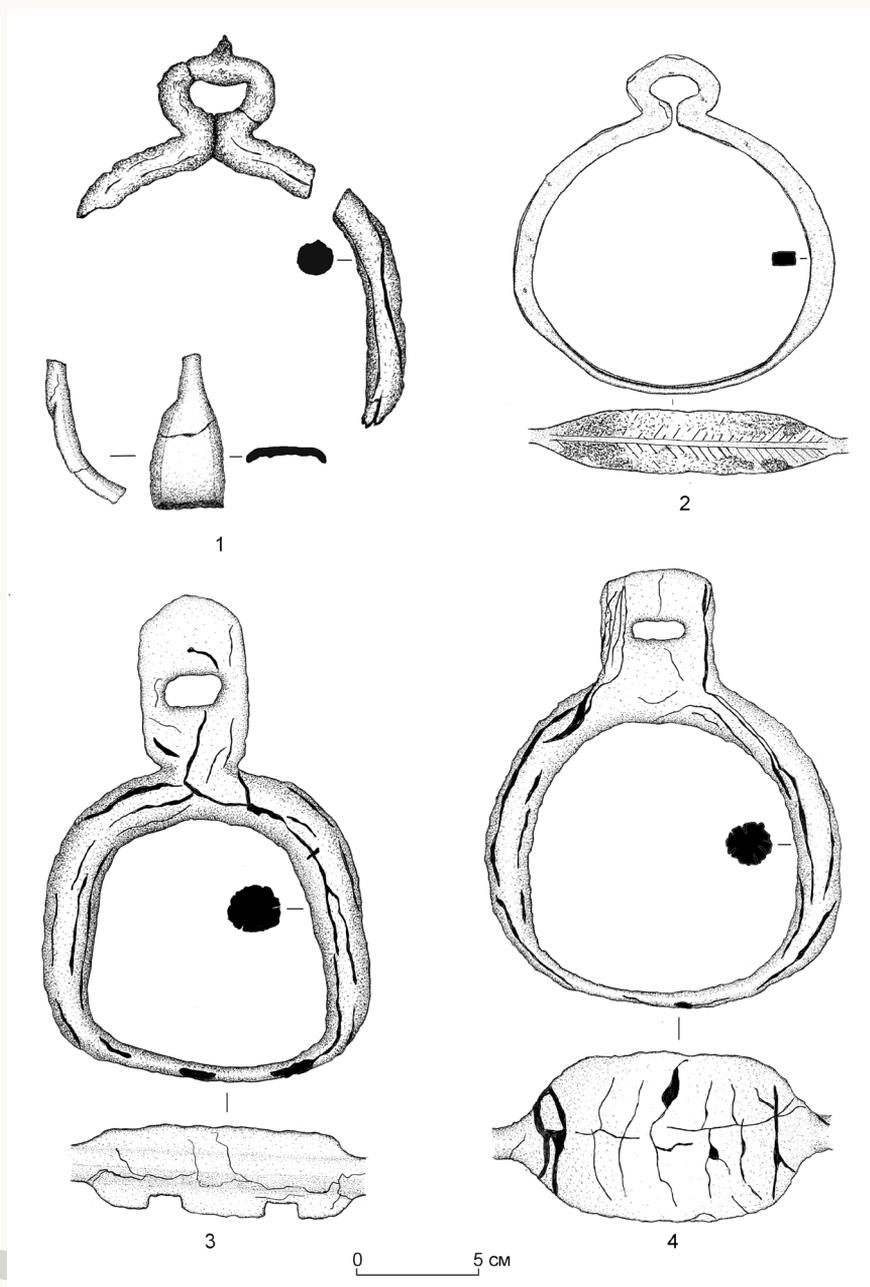

Рис. 8. Железные стремена: 1 – курган 15 могильника Боз-Адыр; 2 – случайная находка из Чуйской долины; 3–4 – поминальная оградка в местности Кош-Дёбё
 Fig. 8. Iron stirrups: 1 – kurgan 15 of the Boz-Adyr burial ground; 2 – chance find from the Chui valley; 3–4 – memorial fence in the Kosh-Debe area

дит из тюркской поминальной оградки в памятнике Кош-Дёбё в Иссык-Кульской котловине.

Данное изделие, как и все рассмотренные выше стремена, является одним из трех основных типов стремян, происходящих из известных комплексов тюркских культур второй половины I тыс. н. э. в Центральной и Средней Азии, Южной Сибири [Гаврилова, 1965. С. 34. Табл. XXIII, 9; Могильников, 1981. С. 40; Овчинникова, 1990. С. 110; Худяков, 2004. С. 71. Рис. 69, 70; Кубарев, 2005. С. 131. Рис. 37, 10; Трифионов, 2013. С. 57]. На Алтае они встречаются и в памятниках X–XI вв. н. э. [Могильников, 2002. С. 95]. На Тянь-Шане аналогичные стремена встречались в тюркских погребениях с конем [Табалдиев, 1996. С. 39. Рис. 23, 3; Худяков, Табалдиев, 2009. С. 92. Рис. 74, 1]. Рассматриваемый тип стремени, по характерной широкой подножке, наиболее близок к стременам последней четверти I тыс. н. э. Однако, учитывая тот факт, что оно было найдено вместе со стремянем с пластинчатой петлей на шейке и узкой подножкой, мы датировем его в рамках VII–IX вв. н. э. Следует отметить, что по сравнению с предыдущими типами стремени с пластинчатым ушком без шейки встречаются реже. Например, в тюркских комплексах Монголии такие изделия еще не были обнаружены [Серегин, 2017. С. 10–23].

Характерная массивность стремян с пластинчатым ушком, а также частое их обнаружение в богатых захоронениях послужили основанием для предположения о том, что они использовались преимущественно богатыми и/или тяжеловооруженными всадниками [Овчинникова, 1990. С. 112; Неверов, 1998. С. 149; Кубарев, 2005. С. 133]. Согласно нашим данным, такое предположение не лишено оснований.

Заключение

Вводимые в научный оборот новые материалы значительно расширяют наше представление о конском снаряжении населения Кыргызстана в раннем Средневековье. Все рассмотренные предметы, кроме одного стремени, происходят из погребений с конем и поминальной оградки, что позволяет говорить о том, что их изготовителями и/или пользователями являлись представители тюркских племен в период существования Западнотюркского и Тюркешского каганатов. Они находят широкие аналогии прежде всего в погребальных и поминальных комплексах раннего Средневековья на Тянь-Шане, Алтае, в Тыве и Монголии, т. е. основного ареала распространения тюркской культуры. Хотя в целом рассмотренные нами предметы

конского снаряжения повторяют уже известные формы, некоторые из них по ряду деталей вполне индивидуальны. Прежде всего это касается уздечного набора из могильника Боз-Адыр, который не только по составу и расположению металлических накладок на ремнях, но и по наличию короткого ремня, связывавшего нащечный ремень с нижним отверстием двудырчатого псаля, отличается от ранее известных узд тюркского времени. Это касается и пары роговых псалий из вышеназванного могильника, имеющих широкие типологические аналогии в материалах тюркской культуры Южной Сибири, но отличающихся от них более «развитой» формой и ассиметричным оформлением псалий по отношению друг к другу. Все эти отличия в деталях, как мы отметили выше, вполне естественны при ручном ремесленном изготовлении. Вот почему каждая археологическая находка должна быть изучена и введена в научный оборот.

*Материал поступил в редакцию
Received
20.05.2022*

Список литературы

Амброз А. К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // Сов. археол. 1973. № 4. С. 81–98.

Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // Сов. этногр. 1966а. № 3. С. 60–81.

Вайнштейн С. И. Памятники второй половины I тыс. в западной Туве // ТТКАЭЭ. Т. II. М.; Л.: Наука, 1966б. С. 292–347.

Васютин А. С. Некоторые вопросы относительной хронологии комплексов со стременами и удилами кудыргинского и катандинского типов // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н. э. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 55–68.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: АН СССР, 1965. 144 с.

Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во ГЭ, 1950. 92 с.

Засецкая И. П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 5–17.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Фил. фак. СПбГУ, 2005. 346 с.

Ковалевская В. Б. Традиции прорезных поясов в памятниках кудыргинского типа // КСИА. Вып. 199. 1990. С. 37–46.

Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. 198 с.

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 212 с.

Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 208 с.

Могильников В. А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 29–43. (Серия: Археология СССР)

Могильников В. А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 94–116.

Могильников В. А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.

Неверов С. В. Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. С. 129–151.

Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. 223 с.

Овчинникова Б. Б. Памятники древнетюркской эпохи могильника Аймырлыг // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). Коллектив. монография. СПб.: Элексис, 2013а. С. 115–138.

Овчинникова Б. Б. Погребально-поминальный комплекс древних тюрков на могильнике Даг-Аразы // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции): Колл. моногр. СПб.: Элексис, 2013б. С. 139–172.

Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 102–122.

Савинов Д. Г. Кудыргинский предметный комплекс на Северном Алтае (по материалам Осинкинского могильника) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 170–177.

Серегин Н. Н. Стремена из погребальных комплексов ранне-средневековых тюрок Монголии // Народы и религии Евразии. 2017. Вып. III–IV (12–13). С. 9–23.

Серегин Н. Н., Абдулганеев М. Т., Степанова Н. Ф. Погребение с двумя лошадьми эпохи тюркских каганатов из некрополя Горный-10 (Северный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 2 (26). С. 15–34.

Соенов В. И. Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. С. 93–98.

Табалдиев К. Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Фирма «Айбек», 1996. 256 с.

Торгоев А. И. Ременные украшения Семиречья V – начала XIII вв. (вопросы хронологии): Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. 223 с.

Трифонов Ю. И. Памятники древнетюркского времени в Центральной Туве // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции): Колл. моногр. СПб.: Элексис, 2013. С. 13–114.

Фрибус А. В., Грушин С. П. Всадники эпохи Тюркских каганатов на Северном Алтае (по материалам могильника Чумыш-Пережат) // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сб. науч. ст., посв. 80-летию проф. Д. Г. Савинова. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 339–354.

Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 152 с.

Худяков Ю. С. Золотая вольчья голова на боевых знаменах: Оружие и войны древних тюрок в степях Евразии. СПб.: Петерб. востоковедение, 2007. 192 с. (Серия “Militaria Antiqua”, XI).

Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш. Реконструкция конского убранства древних тюрок Центрального Тянь-Шаня // РА. 1999. № 3. С. 50–58.

Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 292 с.

Юлий Сергеевич Худяков: Биобиблиография. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 162 с.

Xiuqin Zhou. Zhaoling: The Mausoleum of Emperor Tang Taizong // Sino-Platonic Papers, 187 (April, 2009). 380 p.

Электронный ресурс Худяков Юлий Сергеевич. URL: https://archaeology.nsc.ru/sotrudniki/bibliografii/hudyakov_yus/ (Дата обращения: 14.04.2022)

References

Ambroz A. K. Stremena i sedla rannego srednevekov'ya kak khronologicheskiy pokazatel' (IV–VIII vv.). *Soviet Archaeology*, 1973, No 4. Pp. 81–98. (In Russ.)

Gavrilova A. A. Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen. M.; L.: AS USSR Publ., 1965. 144 p. (In Russ.)

Gryaznov M. P. Pervyi Pazyrykskii kurgan. L.: SH Publ., 1950. 92 p. (In Russ.)

Fribus A. V., Grushin S. P. Vsadniki epokhi Tyurkskikh kaganatov na Severnom Altae (po materialam mogil'nika chumysh-Perekat). In *Tvorets kul'tury. Material'naya kul'tura i dukhovnoe prostranstvo cheloveka v svete arkheologii, istorii i etnografii: Sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 80-letiyu professora Dmitriya Glebovicha Savinova*. Saint-Petersburg: IHMC RAS Publ., 2021, pp. 339–354. (In Russ.)

Khudyakov Yu. S. Drevnie tyurki na Enisee. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004. 152 p. (In Russ.)

Khudyakov Yu. S. Zolotaya vol'ch'ya golova na boevykh znamenakh: Ouzhie i voyny drevnikh tyurok v stepyakh Evrazii. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2007. 192 p. (Series “Militaria Antiqua”, XI). (In Russ.)

Khudyakov Yu. S., Tabaldiev K. Sh. Rekonstruktsiya konskogo ubranstva drevnikh tyurok Tsentral'nogo Tyan'-Shanya. *Russian Archaeology*, 1999, No 3. Pp. 50–58. (In Russ.)

Khudyakov Yu. S., Tabaldiev K. Sh. Drevnie tyurki na Tyan'-Shane. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009. 292 p. (In Russ.)

Khudyakov Yulii Sergeevich. URL: https://archaeology.nsc.ru/sotrudniki/bibliografii/hudyakov_yus/ (Accessed: 14.04.2022). (In Russ.)

Klyashtornyi S. G., Savinov D. G. Stepnye imperii drevnei Evrazii. SPb.: Fil.fac. SPbSU, 2005. 346 p. (In Russ.)

Kovalevskaya V. B. Traditsii proreznykh poyasov v pamyatnikakh kudyrghinskogo tipa. *KSIA*, iss. 199, 1990. Pp. 37–46. (In Russ.)

Kubarev G. V. Kul'tura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005. 400 p. (In Russ.)

Kyzlasov L. R. Tashtytskaya epokha v istorii Khakassko-Minusinskoj kotloviny. M.: Moscow University Publ., 1960. 198 p. (In Russ.)

Kyzlasov L. R. Istoriya Tuvy v srednie veka. M.: Moscow University Publ., 1969. 212 p. (In Russ.)

Kyzlasov L. R. Drevnyaya Tuva (ot paleolita do IX v.). M.: Moscow University Publ., 1979. 208 p. (In Russ.)

Mogil'nikov V. A. Tyurki. In *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya*. M.: Nauka Publ., 1981. Pp. 29–43. (Series: Arkheologiya SSR). (In Russ.)

Mogil'nikov V. A. Kul'tovye kol'tsevye ogradki i kurgany Kara-Koby I. In *Arkheologicheskie i fol'klornye istochniki po istorii Altaya*. Gorno-Altaysk, 1994. Pp. 94–116. (In Russ.)

Mogil'nikov V. A. Kochevniki severo-zapadnykh predgorii Altaya v IX–XI vekakh. M.: Nauka Publ., 2002. 362 p. (In Russ.)

Neverov S. V. Stremena Verkhnego Priob'ya v VII–XII vv. (klassifikatsiya i tipologiya). In *Snaryazhenie verkhovogo konya na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekov'e*. Barnaul: AltSU Publ., 1998. Pp. 129–151. (In Russ.)

Ovchinnikova B. B. Tyurkskie drevnosti Sayano-Altaya v VI–X vekakh. Sverdlovsk: UrSU Publ., 1990. 223 p. (In Russ.)

Ovchinnikova B. B. Pamyatniki drevnytyurkskoi epokhi mogil'nika Aimyrlyg. In *Drevnie tyurki v Tsentral'noi Tuve (po materialam rabot Sayano-Tuvinskoi ekspeditsii)*. Kollektiv. monografiya. SPb.: Eleksis Publ., 2013a. Pp. 115–138. (In Russ.)

Ovchinnikova B. B. Pogrebal'no-pominal'nyi kompleks drevnykh tyurok na mogil'nike Dag-Arazy. In *Drevnie tyurki v Tsentral'noi Tuve (po materialam rabot Sayano-Tuvinskoi ekspeditsii)*. Kollektiv. monografiya. SPb.: Eleksis Publ., 2013b. Pp. 139–172. (In Russ.)

Savinov D. G. Drevnytyurkskie kurgany Uzuntala (k voprosu o vydelenii kuraiskoi kul'tury). In *Arkheologiya Severnoi Azii*. Novosibirsk, 1982. Pp. 102–122. (In Russ.)

Savinov D. G. Kudyrghinskii predmetnyi kompleks na Severnom Altae (po materialam Osinkinskogo mogil'nika). In *Pamyatniki drevnytyurkskoi kul'tury v Sayano-Altai i Tsentral'noi Azii*. Novosibirsk: Novosibirsk University Publ., 2000. Pp. 170–177. (In Russ.)

Seregin N. N. Stremena iz pogrebal'nykh kompleksov rannesrednevekovykh tyurok Mongolii. *Narody i religii Evrazii*. 2017, iss. III–IV (12–13). Pp. 9–23. (In Russ.)

Seregin N. N., Abdulganeev M. T., Stepanova N. F. Pogrebenie s dvumya loshad'mi epokhi tyurkskikh kaganatov iz nekropolya Gornyi-10 (Severnyi Altai). *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 2019, No 2 (26). Pp. 15–34. (In Russ.)

Soenov V. I. Udila i psalii gunno-sarmatskogo vremeni Gornogo Altaya. In *Snaryazhenie verkhovogo konya na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekov'e*. Barnaul: AltSU Publ., 1998. Pp. 93–98. (In Russ.)

Tabaldiev K. Sh. Kurgany srednevekovykh kochevykh plemen Tyan'-Shanya. Bishkek: Firma «Aibek» Publ., 1996. 256 p. (In Russ.)

Torgoev A. I. Remennyye ukrasheniya Semirech'ya V – nachala XIII vv. (voprosy khronologii): Cand. sc. (history) dissertation. SPb., 2011, 223 p. (In Russ.)

Trifonov Yu. I. Pamyatniki drevnetyurkского времени v Tsentral'noi Tuve. In *Drevnie tyurki v Tsentral'noi Tuve (po materialam rabot Sayano-Tuvinskoi ekspeditsii)*. Kollektiv. monografiya. SPb.: Eleksis Publ., 2013. Pp. 13–114. (In Russ.)

Vainshtein S. I. Nekotorye voprosy istorii drevnetyurkskoi kul'tury (v svyazi s arkheologicheskimi issledovaniyami v Tuve). *Soviet Ethnography*, 1966a, No 3. Pp. 60–81. (In Russ.)

Vainshtein S. I. Pamyatniki vtoroi poloviny I tys. v zapadnoi Tuve. In *ТТКАЕЕ*, vol. II. M.; L.: Nauka, 1966b. Pp. 292–347. (In Russ.)

Vasyutin A. S. Nekotorye voprosy otnositel'noi khronologii kompleksov so stremenami i udilami kudyrginskogo i katandinskogo tipov. In *Etnokul'turnye protsessy v Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v I–II tysyachel'etii n.e.* Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 1994. Pp. 55–68. (In Russ.)

Yulii Sergeevich Khudyakov: Biobibliografiya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2008. 162 p. (In Russ.)

Zasetskaya I. P. Bosporskie sklepy gunnskoi epokhi kak khronologicheskii etalon dlya datirovki pamyatnikov vostochnoevropayskikh stepei. *KSIA*, 1979, iss. 158. Pp. 5–17. (In Russ.)

Xiuqin Zhou. Zhaoling: The Mausoleum of Emperor Tang Taizong. *Sino-Platonic Papers*, No 187 (April, 2009). 380 p. (In Eng.)

Список сокращений

- АлтГУ – Алтайский государственный университет
АН СССР – Академия наук СССР
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
КСИА – Краткие сообщения института археологии
РА – Российская археология
СА – Советская археология
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СЭ – Советская этнография
ТТКАЭЭ – Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции
УрГУ – Уральский государственный университет

Сведения об авторах / Information about the Authors**Акматов Кунболот Токтосунович,**

кандидат исторических наук, академический специалист отделения истории, Кыргызско-Турецкий университет «Манас» (Кампус им. Ч. Айтматова, микрорайон Джал, Бишкек, 720038, Кыргызстан).

Kunbolot T. Akmatov,

Candidate of Historical Sciences, Academic Specialist of the History Department, Kyrgyz-Turkish Manas University (Chyngyz Aitmatov Campus, Djal Microdistrict, Bishkek, 720038, Kyrgyzstan).

E-mail: kunbolot.akmatov@manas.edu.kg

Office: +996 312 492782

ORCID: ID 0000-0003-4247-3554.

Табалдиев Кубатбек Шакиевич,

кандидат исторических наук, профессор отделения истории, Кыргызско-Турецкий университет «Манас» (Кампус им. Ч. Айтматова, микрорайон Джал, Бишкек, 720038, Кыргызстан).

Kubatbek Sh. Tabaldiev,

Candidate of Historical Sciences, Professor of the History Department, Kyrgyz-Turkish Manas University (Chyngyz Aitmatov Campus, Djal Microdistrict, Bishkek, 720038, Kyrgyzstan).

E-Mail: kubatbek.tabaldiev@manas.edu.kg

Office: +996 312 492765

ORCID: ID 0000-0002-6679-8030.

Кайрат Белек,

доктор, и. о. доцента отделения истории, Кыргызско-Турецкий университет «Манас» (Кампус им. Ч. Айтматова, микрорайон Джал, Бишкек, 720038, Кыргызстан).

Kairat Belek,

Doctor, Assist. Professor of the History Department, Kyrgyz-Turkish Manas University (Chyngyz Aitmatov Campus, Djal Microdistrict, Bishkek, 720038, Kyrgyzstan).

E-mail: kairat.belek@manas.edu.kg

Office: +996 312 312 492774

ORCID: ID 0000-0003-0495-9182.